

П. Жиффар

АДСКАЯ ВОЙНА

МАЛАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

**МАЛАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ**

Пьер Жиффар

АДСКАЯ ВОЙНА

 КНИГОВЕЖ
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)
Ж74

Жиффар П.

Ж74 Адская война / Пер. с фр. А. Дулина. — М.: Книжный Клуб Книговек, СПб.: Северо-Запад, 2011. — 416 с. — (Малая библиотека приключений).

ISBN 978-5-4224-0246-5

Роман Пьера Жиффара о войне будущего во многом оказался провидческим. Его герои применяют ракетные обстрелы городов с воздуха, используют сверхмощные бомбы на основе взрывчатки плутоний. В бухтах действуют водолазы-диверсанты, а несметные полчища врага выкашиваются посредством распространения смертоносных бацилл.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)

© А. Дулин, перевод, 2011
© Книжный Клуб Книговек, 2011
© Северо-Запад, 2011

ISBN 978-5-4224-0246-5

Глава I НЕОЖИДАННЫЙ КОНЕЦ ГААГСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Конференция мира. Неприятное пробуждение. Гаага в огне. Теория мира и практика войны. Отлет в Париж. Катастрофа в море. Расстрел сверху и снизу. Гибель Ванга.

Очаровательное место отель Всемирного Соглашения в Гааге. Я три месяца занимал в нем роскошно меблированную комнату как участник периодической конференции мира. Большая парижская газета «2000 год», командировавшая меня на конгресс, не жалела издержек.

Заключительный день прошел очень оживленно. Сто двадцать дипломатов, собравшихся на конференцию, пригласили к участию в банкете представителей печати, этой необходимой помощницы их трудов. Прекраснейшие речи говорились *inter rosuis*. Оживлению способствовали ордена, полученные в последний день всеми участниками конгресса. Разумеется, не было недостатка

в божественных дарах Бордо, Шампани, Бургони, Рейна. А какие ликеры подавались после кофе! Какие сигары!

Были приняты благороднейшие резолюции; лучезарнейшие перспективы открывались перед восхищенными взорами; только и речи было, что о братстве народов, отныне непоколебимом, благодаря простому механизму конгресса. Это было прекрасно, прекрасно, прекрасно!

По приглашению господина Вандеркуйпа, владельца отеля Соглашения, я остался на сутки после окончания конференции с целью присутствовать при бракосочетании его дочери, очаровательной восемнадцатилетней блондинки, мадемуазель Ады — или мисс Ады, как величали ее, вероятно потому, что ее жених, поручик Том Дэвис, был офицером английской армии.

Я спал спокойно в эту ночь, но около четырех часов утра меня разбудил какой-то гул, наполнявший огромное здание отеля. В ту же минуту моя дверь затряслась от сильных ударов кулаком.

— Кто там? — крикнул я в испуге.

— Это Ванг, муссо, — отвечал дрожащий голос. — Скорей отворять. Кончали спать! Большой беда!

В самом деле это был Ванг, мой слуга-китаец, смешной, но верный малый, которого я добыл когда-то в Маньчжурии.

Мысль о пожаре мелькнула в моей голове. Поспешно отворив дверь, я спросил:

— Где горит?

— Везде, — ответил китаец, широко раскрытые глаза которого выражали безумный ужас. Я бросился к окну, отдернул занавеску и с ужасом отшатнулся. Город пылал! Дворцы, отели, музеи, рынки, даже суда на канале превратились в ряды костров.

— Как же мог город загореться одновременно в разных местах? — воскликнул я. — Значит, это поджог?

— Это, муссо, конференция наделала.

— Как? Что? Что ты мелешь? При чем тут конференция?

— Да, муссо, конференция, — настаивал Ванг, помогая мне одеваться. — От нее вышел война.

— Война? Какая война? Ты с ума сошел, бедняга? Но в эту минуту задребезжал звонок телефона. Я ответил, и гулкий голос — в котором я узнал одного из моих четырех помощников-репортеров — раздался с потолка, где помещалась вибрирующая пластинка мегафона, заменившего прежнее приспособление.

— Это вы, патрон?

— Да, — ответил я, — узнаю вас, Пижон. А где же Малаваль, Жувен, Коке?

— Собирают справки. Я забежал поговорить с вами по телефону.

— Хорошо сделали. Я совершенно как в лесу! Что такое происходит?.. Кстати, посмотрите, действует ли телефотограф?

— Действует, в исправности... Вот — видите ли меня, патрон? — На телефотографической

пластинке появилось несколько женственное лицо Пижона.

— Вижу... Как вы бледны, однако, голубчик!
— Еще бы! Вокруг меня все в огне.
— Да где вы находитесь?
— В бюро секретариата, во Дворце Мира.
— Объясните же мне, в чем дело? Кто поджег город? Ванг твердит о какой-то войне.

— Война и есть... Да, ведь вы ушли раньше и не видели сцену за шербетом. Впрочем, сам дьявол не разберет, как она собственно произошла. Во всяком случае, что-то вздорное, ребяческое, из-за вопроса о том, кому первому подносить шербет. Германский посланник, князь Лихтенталь-Шварценберг, обиделся и сказал какую-то резкость, на которую английский посол сэр Гарви Ньюгоуз ответил в том же тоне.

— Ну?

— Дальше — больше. Кто-то, желая уладить столкновение, подлил масла в огонь, и кончилось тем, что сэр Гарви Ньюгоуз потребовал формального извинения. Немец отказался, оба посла телефонировали своим правительствам.

— Черт знает что такое! Точно во времена Людовика XIV. Дальше?

— Ну, столкновение за шербетом произошло в два часа десять минут по полуночи; в два часа двадцать пять минут мы узнали, что король Англии дал германскому императору полчаса сроку для представлений извинений; а около трех часов ночи эскадра прусских аэрокаров, державшаяся

наготове где-то в Вестфалии, пролетела над Гаагой, направляясь в Англию. Мимолетом она пустила в столицу...

— Столицу нейтрального государства?

— Ну да, кто же с этим считается?.. пустила дюжину зажигательных снарядов — должно быть, в знак своего уважения к Конференции Мира. Город загорелся в нескольких местах разом.

— Но как же так? Война без предварительных переговоров, без декларации?..

— Как вам известно, патрон, на каждой Конференции Мира торжественно повторяется, что началу враждебных действий должен предшествовать ультиматум или декларация. Это язык банкетов и дипломатических бумаг; на деле, разумеется, заговорят иначе. Подумайте, ведь мобилизация воздушных, сухопутных и морских сил в каждой стране рассчитана теперь на минуты, на минуты...

Он хотел продолжать, но в эту минуту раздался какой-то сухой шум, его изображение исчезло с пластинки и голос умолк.

Я решил вернуться в Париж. Конференция кончилась, моя задача исполнена, город в огне, война не замедлит охватить всю Европу. Делать здесь больше нечего. Торопивший меня Ванг сообщил, что мой аэрокар «Южный», оборудованный для меня газетой, дожидается у балкона четвертого этажа. Разумеется, я не стал тратить времени на долгие сборы. Но в коридоре отеля меня остановили взволнованные и расстроенные

господин Вандеркуйп и его супруга с просьбой отвезти их дочь Аду в Париж, к ее родственникам, владельцам большого Нидерландского отеля на улице Бак. Они считали небезопасным для нее оставаться в пылавшем городе, которому грозил захват со стороны той или другой из воюющих сторон, не склонных церемониться с нейтральной страной. На мой вопрос о ее женихе, я узнал, что поручитель Дэвис был в эту же ночь отозван в Англию, куда и отправился вместе с уполномоченными на подводном крейсере.

Разумеется, я поспешил заявить, что мой аэрокар к услугам мисс Ады, и, как мог, успокоил взволнованных родителей.

— Если ничто не помешает нашему путешествию, — сказал я, — то в полдень мисс Ада телефонирует вам из Парижа, что она завтракает у своих родных в Нидерландском отеле.

В последнюю минуту, когда мы усаживались в аэрокар, явились двое моих помощников, Пижон и Малаваль, которых я решил захватить с собою, попросив господина Вандеркуйпа передать двум оставшимся в Гааге, что они должны телефонировать три раза в сутки в «2000 год» о дальнейших событиях и ждать распоряжений от редакции.

Наконец, все было готово к отъезду, я дал знак своему пилоту, Морелю и «Южный», отцепившись от балкона, легко и плавно поднялся в голубую высь, которую восходящее солнце озарило мягкими лучами, сгоняя кровавое зарево пожара.

Поднявшись на высоту двухсот метров, «Южный» описал полукруг над городом и направился на юго-восток. Мы быстро скользили в чистой атмосфере, убаюкиваемые жужжанием электрического мотора, и вскоре дым пожара исчез из вида, а желтоватая полоса Северного моря заметно сузилась. Мы сидели на корме: мисс Ада, относившаяся к своему положению с большим спокойствием и мужеством, в кожаном кресле, остальные — на табуретках вокруг нее.

— Ну, Пижон, Малаваль, собиратели новостей! Рассказывайте, что вам удалось узнать?

— Пока лишь то, что вам уже известно, — ответил Пижон. — Война между Англией и Германией. Но разумеется, к концу этого дня все великие державы присоединятся к той или другой стороне. В этом не сомневается никто из дипломатов, с которыми я говорил. С одной стороны группа Великобритании, Франции, Италии, России...

— О, Россия!..

— Ну, как бы то ни было, несмотря на свои внутренние смуты и разлад государственного механизма, Северный Медведь еще имеет значение для Европы... С другой стороны Германия и Соединенные Штаты: им ведь давно уже не дает свободно дышать англо-японская конкуренция. Это всеобщий пожар, вся планета в огне...

Наступило молчание. Все сидели в глубокой задумчивости. Да, он был прав! Полстолетия Европа удерживалась от бойни, так как никто не

рисковал задеть соседа ввиду чудовищных вооружений, грозивших еще невиданными и неслыханными опустошениями. Но эта напряженная атмосфера должна была рано или поздно разрядиться, и стоило начать одному, чтобы увлечь за собою остальных.

Вдали показался шпиг Антверпенского собора и вскоре аэрокар остановился у балкона бельгийской таможни.

Пока проделывались формальности осмотра, я спросил у чиновника, нет ли чего нового относительно войны.

— Да, — ответил он, — сейчас получено известие, что подводный крейсер, на котором английский посланник возвращался из Гааги, взорван двумя подводными немецкими миноносцами...

Раздирающий душу крик последовал за этими словами. Мадемуазель Ада, откинувшись на спинку кресла, ломала руки в отчаянии, восклицая:

— Томми, мой Томми! — Затем она лишилась чувств. Когда сознание вернулось к ней, аэрокар уже продолжал свой полет. Мы уговаривали ее не предаваться отчаянию, так как чиновник не мог сообщить, кто именно погиб при этой катастрофе.

— Сейчас мы будем пролетать над Антверпеном, — заметил Малаваль. — На террасе редакции «Столичной Газеты» выставляются депеши, напечатанные большими буквами, для аэрокаров, как во всех крупных центрах. Возможно, что узнаем из них подробности события.

Я отдал соответствующее распоряжение пилоту и спустя несколько минут мы осторожно и медленно плыли над городом, высматривая в бинокли террасу.

— Ну вот, мисс Ада, — воскликнул Пижон, — читайте!

В бинокли нетрудно было разобрать депешу, напечатанную гигантскими буквами:

«Катастрофа с английским крейсером подтверждается. Только трое пассажиров, в том числе поручик Том Дэвис, успели спастись. Подобравший их в море французский шлюп высадил их в Остенде. Отсюда двое отправились в Лондон, а поручик Дэвис получил приказ немедленно отправляться в Париж с поездом-молнией».

Радость молодой девушки была неопишима. Не заботясь о других новостях, мы снова поднялись на высоту двухсот метров и ускорили полет, так как я торопился в Париж.

Нас, однако, ждало разочарование.

Внезапно аэрокар замедлил ход, дрогнул и опустился на несколько метров. Пилот Морель, по-видимому совершенно спокойно, крикнул своему помощнику:

— Пустите в ход керосиновый мотор.

Я был порядком встревожен. Дело в том, что двигатель «Южного» устроен был по типу, лишь недавно вошедшему в употребление и основанному на применении волн Герца, раньше служивших только для беспроволочной телеграфии. Собственно, это был не двигатель, а только

трансформатор энергии, посылавшейся в виде волн Герца с огромной центральной станции в Лионе. Таким образом, мы делали шестьдесят километров и больше в час, не нуждаясь в сложных машинах, в возне с неприятными реактивами и прочем. На всякий случай у нас имелся запасной керосиновый двигатель.

Распоряжение Мореля показывало, что доставка волн Герца прекратилась. Я спросил его, как он объясняет это обстоятельство.

— Я думаю, — ответил он, — что из Парижа дан приказ остановить действие Лионской станции. Видно, и у нас война... Сейчас узнаем на таможне в Феньи, и если мое мнение подтвердится, то вам лучше пересечь на поезд.

С керосиновым двигателем мы не сделаем более сорока километров в час и доберемся в Париж только к вечеру.

Предположение Мореля подтвердилось в Феньи. Мне передали здесь фонограмму от моего редактора, доставленную по трубе министерства внутренних дел и адресованную на аэрокар «Южный», в случае его пролета через Феньи. Я вложил пластинку в ящик, с которым никогда не разлучался, и, поднеся его к уху и тронув механизм, услышал голос господина Мартена Дюбуа, моего редактора.

— Война охватила всю Европу, — говорил он. — Наша Республика присоединилась к Англии. Мобилизация в полном ходу. Не возвращайтесь в Париж, отправляйтесь немедленно на Монблан,

осмотрите арсенал, следите за снаряжением и отправкой нового воздушного флота и сообщите в газету точнейшие сведения обо всем.

Спорить не приходилось. Я объяснил мисс Аде в чем дело и предложил ей отправиться в Париж с поездом, отходившем из Феньи в полдень. Я поручил Малавалю проводить ее, оставив при себе Пижона. Последовал дружеский обмен рукопожатий и спустя несколько минут «Южный» летел по новому направлению. На этот раз Морель благополучно поднялся на высоту восьмисот метров.

Я думал о таинственном арсенале Монблана, где в течение десяти лет оборудовался, по плану аэрамирала Рапо, колоссальный воздушный флот, снабженный всеми средствами истребления, частью новыми, известными только руководителям дела. До сих пор доступ туда посторонним лицам был строжайше воспрещен, никаких сведений в печать не сообщалось, за разглашение каких бы то ни было данных грозило двухлетнее тюремное заключение. Удастся ли туда проникнуть? Впрочем, давая распоряжение, редактор, конечно, имел в виду существующее положение дел. Возможно, что из-за начавшейся войны военное министерство не прочь ознакомить публику с состоянием средств обороны и развеять сомнения в нашей подготовленности...

Внезапно мои размышления были прерваны слабым, но характерным шипеньем, раздавшимся где-то внизу, под нами, за которым последовали короткие, точно щелканье хлыста, взрывы.

— Черт бы их побрал! — выбранился Морель, — стреляют по своим!

Действительно, стрелки Мезьера, приняв нас за неприятеля, дали залп — к счастью, не причинивший нам вреда. Я поспешил выкинуть трехцветный флаг и в ту же минуту мы погрузились в огромное облако. Казалось, всякая опасность миновала, но вот в окружающем тумане снова послышалось характерное шипение и щелканье и мой бедный Ванг, стоявший на краю гондолы, придерживаясь за веревки, дико вскрикнул, взмахнул руками и, обливаясь кровью, с раздробленной головой исчез за бортом.

В первую минуту я был ошеломлен и не сразу опомнился. В суматохе, последовавшей за катастрофой, только Морель сохранил хладнокровие, быстро восстановив равновесие, нарушенное падением китайца, и продолжая вести аэрокар по компасу среди непроницаемого тумана облаков. Я подошел к нему.

— Придется спуститься, — сказал он. — Аэрокар пробит насквозь.

— Пробит? Как так? Кем? Чем? Каким образом? Я засыпал его вопросами. Пижон, следя за его взглядом, заметил над тем местом, где стоял китаец, крошечное отверстие в оболочке.

— Мы успеем долететь до Дижона, — успокоительно заметил Морель. — Одно это отверстие ничего бы не значило, но есть и другое, на противоположной стороне, вверху. Этот залп сделан сверху, а не снизу.

Осмотр подтвердил его предположение. Пижон, взобравшись по снастям, не замедлил найти отверстие на противоположной стороне аэрокара. Очевидно, французы стреляли в нас снизу, когда же я развернул национальный флаг, какой-нибудь немецкий аэропатруль, отважившийся проникнуть на французскую часть неба, приветствовал его сверху.

Обменявшись мнениями, мы погрузились в молчание, приуныв от этих печальных событий. Было четыре часа. Мы продолжали лететь в тумане, постепенно опускаясь, несмотря на выбрасываемый балласт. Было уже совсем темно, когда мы подлетали к Дижону, уже на высоте двухсот метров. Спустившись у ангара, предназначенного для аэрокаров, я поручил Морелю озаботиться исправлением нашего воздушного корабля, а сам с Пижоном собирался взять автомобиль и отправиться ночевать в гостиницу, когда меня окликнул молодой человек в костюме английского туриста, высокий, белокурый, с задумчивым лицом и спокойными глазами.

— Как, это вы? Какими судьбами? Что мисс Ада?

— В полной безопасности, у родных, благодаря вам... Чем мне вас благодарить!

— Это я вам сейчас объясню.

Этот белокурый молодой человек был поручик Том Дэвис, состоявший при Главном штабе английской армии.

Глава II

ВОЗДУШНАЯ АРМИЯ

*Поездка в Монбланский арсенал.
Воздушный флот. Первый летучий полк.
Загадочная катастрофа. Взрыв Бельфера.
Отлет воздушной армады.*

Решительно моя счастливая звезда послала мне эту встречу. Рассказав о катастрофе с подводным крейсером, гибели посланника и своем спасении, Том Дэвис — которого я пригласил пообедать со мной в ресторан при Дижонском аэрогараже — сообщил мне, что по прибытии в Париж он получил приказ отправиться вместе с главнокомандующим французской воздушной армией, аэрадмиралом Рапо, в арсенал Монблана. Сюда, в Дижон, они прибыли на адмиральском четырехвинтовом аэрокрейсере, отсюда же отправляются в полночь до Шамони в блиндированном автомобиле. Он охотно согласился представить меня адмиралу и со своей стороны похлопотать о разрешении мне доступа в арсенал.

Все устроилось гораздо легче, чем я ожидал. Аэрадмирал Рапо, сухой, костлявый, смуглый мужчина с огромными усами, внимательно выслушал поручика, подумал с минуту и сказал, обращаясь ко мне:

— Вопрос этот обсуждался в совете министров. Решено допустить корреспондентов, желающих осмотреть арсенал. Пора сообщить стране, что сделано для ее обороны, и оправдать годы строгой тайны. Вы просите разрешения — я вам его даю.

— Мне первому?

— Просили уже многие, но я отложил выдачу разрешений до завтра. Но так и быть, я знаю вашу газету и ее сочувствие к новым идеям и прогрессивному движению... Я вижу, вы очень хотите попасть в арсенал, мы возьмем вас с собой.

Адмирал простер свою любезность до того, что согласился прихватить и моего помощника Пижона, который совсем было приуныл при мысли, что ему не удастся побывать в знаменитом арсенале.

Спустя двадцать минут мы тронулись в блиндрованном автомобиле по специальной дороге, соединявшей Монбланский арсенал с Дюнкирхеном и Марселем.

Мы мчались, делая по сто двадцать километров в час. Утомленный происшествиями дня, я заснул и не могу сообщить о том, что происходило между двенадцатью часами ночи и четырьмя утра. Но проживи я тысячу лет, я все-

таки не забуду зрелища, открывшегося передо мной, когда меня разбудили утром.

Мы находились в Монбланском арсенале. Заметив изумленные взгляды, которые мы с Пижоном бросали кругом, аэрадмирал Рапо с улыбкой обратился к нам:

— Господа, вы можете осматривать здесь все, не опасаясь, что кто-нибудь вам воспрепятствует. Смотрите, отмечайте и сообщите в «2000 год» о результате вашего осмотра. Ваше сообщение успокоит Францию... А она нуждается в этом ввиду карканья пессимистов, предсказывающих гибель Республики... Вы увидите первую в мире воздушную армию.

Поручив молодому офицеру Луи де Реальмону проводить нас до цитадели, адмирал вместе с окружившим его штабом и поручиком Дэвисом отправился распоряжаться отлетом армии; мы же принялись за осмотр.

Первым, что привлекло наше внимание, была гигантская, почти отвесная стена, в сто двадцать метров высоты, в которой полтора-два ниши, в триста метров глубины каждая, служили помещением для воздушного флота Республики. Полторы сотни аэрокаров, больших, средних и малых, имели здесь каждый свое гнездо.

Справа и слева, по обеим сторонам этой чудовищной скалы, с ревом низвергались огромные водопады, назначение которых нетрудно было понять. Они приводили в действие мастерские, расположенные внизу, в долине.

— Мы не применяем каменного угля, — заметил по этому поводу наш чичероне. — Нашу главную двигательную силу составляет «белый уголь» ледников. В одной только долине Арфактьеры, которую вы видите под собою на глубине двухсот метров, гидроэлектрические машины, служащие для сооружения аэрокаров, производства газов и масел, подъема лифтов и площадок, передачи двигательной силы на расстояние, развивают 296 тысяч лошадиных сил.

Продолжая беседовать, мы вошли в галерею и по приглашению офицера спустились в небольшое подземелье, освещенное электрической лампой. Отсюда подъемная площадка быстро перенеслась на сотню метров вверх в просторную залу, из которой открывался вид на далекую панораму Альп. Из залы мы вышли на обширную полукруглую эспланаду, сплошь уставленную какими-то странными аппаратами продолговатой формы. Я вопросительно взглянул на нашего спутника.

— Это наш главный секрет, — сказал молодой офицер. — Наш первый крылатый полк — две тысячи четыреста летунов, набранных среди альпийских охотников, саперов, даже моряков. Все хорошо знакомы с практической механикой и обязались пятилетней службой. Нам удалось наконец решить долго не дававшуюся в руки задачу — обеспечить путем сочетания вертикального и горизонтального винтов и необычайно чувствительного передаточного механизма такую свободу, точность и быстроту движений, что

человек в этом аппарате без преувеличения может быть назван человеком-птицей; всякое нарушение равновесия исправляется, всякое изменение положения и направления осуществляется почти автоматически. Сейчас вы увидите этот аппарат в действии.

По знаку офицера двое солдат поместились в аппарат, который почти в то же мгновение поднялся на незначительную высоту и с головокружительной быстротой ринулся в зиявшую под нашими ногами пропасть. Я похолодел и невольно закрыл на мгновение глаза, но жужжание мотора заставило меня открыть их. Аппарат уже поднялся, направляясь к противоположной стороне пропасти. Еще ряд эволюций в воздухе, которые я могу сравнить только с зигзагами и кругами ласточки, и аппарат плавно опустился в двух милях от нас.

Мы продолжали смотреть, то поднимаясь, то опускаясь по лестницам или при помощи быстрых моторов, проходя по галереям, минуя склады различных химических продуктов, осматривая мастерские и не уставая делать отметки, пользуясь объяснениями нашего любезного спутника. К восьми часам мы сделали прогулку в двадтри километра в этом рабочем улье, порою оглушаемые шумом водяных каскадов, приводивших в действие огромные турбины, грохотом машин, стуком огромных моторов...

Но мне хотелось ознакомиться поближе с одним из тех воздушных кораблей, помещение

которых мы видели снаружи. Это не встретило затруднений. Несколько мгновений в клетке лифта — и мы очутились вверху, на лестнице грота, в котором адмиральский аэрокар «Монгольфье», в полной боевой готовности, дожидался приказа об отлете. С площадки, на которой мы стояли, он показался мне величиной с хороший парижский дом. Он слегка покачивался на привязи в тоннеле вышиной футов в сорок.

На балконе перед нишей этого левиафана стояла группа офицеров главного штаба, которым наш спутник представил нас. Предупрежденные аэрадмиралом Рапо о нашем посещении, они приняли нас очень любезно.

Здесь мы расстались с Реальмоном, который должен был вернуться к своему крылатому полку, готовящемуся к отлету. Майор Драпье, с которым он познакомил нас, охотно согласился дать нам необходимые объяснения и мы приступили к детальному осмотру аэрокара.

Признаюсь, меня пробирали морозы при виде бомбометов, пулеметов и других истребительных орудий, которыми была снабжена огромная гондола этого гиганта. Вместимость его составляла семьдесят тысяч кубических метров, подъемная сила достигала девяноста тонн; он имел двести метров длины при двадцати восьми метрах в поперечнике. Два мотора по полторы тысячи сил каждый сообщали ему скорость более ста километров в час, которую легко выносила необычайно упругая и прочная, непроницаемая

оболочка, пропитанная составом, формула которого сохранялась в тайне. Балласта не было — его заменял остроумно приспособленный аппарат для быстрого охлаждения газа; в несколько мгновений он мог превращать в твердое состояние часть водорода, заключенного в оболочке, и с такою же быстротою возвращать его в газообразное состояние. Таким образом, подъем или опускание регулировались без всякой потери газа, что, в связи с почти абсолютной непроницаемостью оболочки, давало аэрокару возможность проводить в воздухе не часы, а дни и недели.

— Это наше преимущество над враждебными эскадрами, — заметил майор, — так как секрет нашего изобретения, кажется, еще никому не удалось пронюхать...

Он еще не успел окончить фразу, как страшный взрыв потряс стены туннеля, пробуждая бесчисленное эхо в ущельях гор; аэрокар дрогнул на своих канатах; снаружи послышались крики.

Мы ринулись на балкон. Офицеры наклонились над пропастью, отыскивая место взрыва. Не знаю, почему я направил свой бинокль ввысь, к ясному небу. Быть может, смутное воспоминание о вчерашней катастрофе, стоившей жизни моему бедному Вангу, руководило мною. Но я искал не напрасно...

— Майор! — крикнул я, — Майор! Господа! Там, вверху — смотрите!.. За тысячу метров отсюда... или больше... смотрите сами! Крейсер!

Иностранный крейсер! Сейчас он скроется в облаках... Вот, опять показался.

Майор направил бинокль в ту точку, на которую я указывал рукой.

— Верно, чтоб ему... — выругался он. — Крейсер... небольшой... странной формы... Без сомнения, немецкий разведчик, пустивший в нас разрывной снаряд. Ах, каналья! Теперь улепечивает к северу, прикрываясь облаками. А мы киснем здесь на привязи... Чего же дожидается аэрадмирал?

Тем временем один из офицеров бросился к мегафону за справкой. Спустя несколько мгновений вибрирующая пластинка ответила:

— Граната брошена сверху в лабораторию химиков. Произошел взрыв. Убитых человек пятьдесят, раненых более сотни. Аэрадмирал требует всех офицеров в Зал Совета.

Офицеры поспешили исполнить это распоряжение, а мы спустились вниз и постарались разузнать подробности катастрофы. Оказалось, что граната, пущенная сверху, пробила броню склада, в котором помещалось несколько тонн эфира, бензина, серной кислоты и других реактивов. Все это взлетело на воздух. Мы прошли к месту катастрофы. Там уже кипела работа, производившаяся в полном порядке. Разрывали обломки, тушили пламя, мертвых относили в особое помещение, раненых в госпиталь.

Лужи крови, разорванные, истерзанные, обожженные тела, стоны раненых, вопли заживо

сгоравших жертв, еще не освобожденных из-под обломков — все это произвело на меня гнетущее впечатление. Всего сутки — и столько жертв: обьятая пламенем Гаага, крейсер английского посланника, погибший со всем экипажем, кроме трех человек, смерть Ванга, теперешняя катастрофа...

— Истребительная война... — пробормотал я.

— Да, — заметил стоявший подле меня солдат, указывая на изорванные трупы, — как подумаешь, что завтра или послезавтра будешь в таком же виде, то щеотно станет...

— Ну, — возразил я, — не всех же убивают на войне.

— Э, сударь, этим прежде можно было утешаться. В старину, точно: на войну ходили и домой возвращались. А теперь, кто пойдет, тот там и останется. Вот увидите сами.

Больно уж хорошо убивать научились... Ну да, к тому и готовились, теперь уж пятиться нечего!

События как будто решились подтвердить это угрюмое пророчество солдата.

Несмотря на суматоху, вопли раненых, крики рабочих, я явственно расслышал какой-то странный глухой гул, донесшийся, по-видимому, изда- лека, и почти в ту же минуту почувствовал, что земля дрогнула под моими ногами.

В течение нескольких минут никто не мог объяснить, в чем дело. Наконец, я столкнулся с поручиком Дэвисом, который был в свите аэрад-мирала, явившегося осмотреть место катастрофы.

— Сейчас сообщили с сейсмографа, — ответил он на мои расспросы, — что стрелки аппаратов указывают несильный подземный толчок в пятистах километрах от Монблана.

— Землетрясение? — изумился я.

— Нет, по характеру толчка видно, что происхождение его иное. Инженеры предполагают взрыв в какой-нибудь первоклассной крепости. Скоро мы узнаем, в чем дело.

Действительно, спустя минут десять, он сообщил нам грустную новость, полученную по линии подземной связи.

— Просто непостижимо, — сказал он. — Город Бельфор взлетел на воздух — без всякой видимой причины; без всякого нападения... Две трети домов разрушены, уцелевшие — в огне, число жертв колоссально. В форте Миотт, господствующем над городом, получена наглая телеграмма из Майнца: — «Разгадку тайны ищите в земле, поглубже. Привет, Todten Fabrik!»

— Todten Fabrik! — повторил Пижон. — «Фабрика трупов» — это прозвище было дано Бельфору в войну 1870–1971 годов пруссаками за героическую стодневную защиту от гарнизона, большая часть которого погибла в бою или от лишений... Несомненно, они взорвали его теперь, но как?

Вскоре это выяснилось. Из дальнейших депеш, полученных через Париж по беспроволочному телеграфу, мы узнали, что на глубине ста метров под Бельфором обнаружена подземная

галерея, проведенная с востока, очевидно из какого-нибудь немецкого форта. Разумеется, она была подготовлена заранее, еще в мирное время: сверлящие машины, приводимые в действие на расстоянии, при посредстве электрических волн, вероятно, не один месяц продолжали свою кротовую работу. Огромный заряд плутонита, сильнейшего из взрывчатых веществ последней фабрикации, сделал свое дело.

Но отмщение было близко.

В полдень последовала отправка полка «летунов»; несколько позднее, в два часа после завтрака, к которому любезно пригласили нас аэрадмирал Рапо, должна была тронуться в путь эскадра из ста пятидесяти аэрокаров.

Мы воспользовались оставшимся временем для сообщения в «2000 год» обо всем нами виденном в арсенале. На центральной станции заведующий, предупрежденный аэрадмиралом, соединил нас непосредственно с редакцией, и мы протелефонировали столбца четыре — разумеется, сообщая лишь самое существенное. Пижон даже успел передать ряд фотографий, снятых им в течение осмотра.

Покончив с этим делом, мы отправились завтракать. Завтрак был подан на большом белом столе, без скатерти и приборов. Перед каждым из приглашенных (всех было сто пятьдесят четыре человека — командиры аэрокаров, Рапо, Том Дэвис и мы с Пижоном) стояла тарелка с несколькими круглыми лепешечками разных цветов. Этот

способ «концентрированного» питания только еще начал входить в употребление. Лепешечки или таблетки называли «бертлотками» — по имени знаменитого химика Бертло, основателя химического синтеза, который еще в те времена предвидел этот результат успехов химии. Каждая таблетка содержала в концентрированной форме порцию какого-нибудь кушанья. Таким образом, не более как в две минуты я успел проглотить порцию бифштекса, рагу из кролика, фазана и ананас в качестве десерта; все вполне удовлетворительного качества. Концентрированные вина также были очень хороши; таблетка быстро таяла во рту и впечатление почти не отличалось от того, которое производит стакан бордо или лафита.

— Как же, однако, Рапо провозгласит тост? — шепнул мне Пижон. — Без тоста не обойдешься, а бокалов нет; не лепешку же поднимать?..

Но адмирал как будто подслушал слова моего помощника. Он обнажил и поднял вверх короткую шпагу, которую офицеры воздушной армии носили у пояса. Его жест был как бы сигналом. Полтораста клинков сверкнули в воздухе; наступила гробовая тишина.

— Товарищи! — сказал адмирал громким, звучным голосом. — Не бокал, а меч поднимаем мы сегодня в честь нашей матери Республики! Этим мечом, символом беспощадной войны, которая начинается, которая уже началась, мы уничтожим противника. Без сомнения, кампания, участниками и жертвами которой мы явимся — вы,

господа, и я, — будет свирепая, неумолимая, дикая до такой степени, что народы уже не захотят в будущем возобновлять ее. Пожелаем, чтобы так было, чтобы человечество отказалось наконец от безумной страсти к резне! Но поклянемся, что заносчивый враг, кошмар Европы, ненавистник свободы и мира, кующий иго народам, не встретит с нашей стороны ничего кроме опустошения, пожара и смерти! Поклянемся отдать нашу жизнь, чтобы обеспечить победу за Францией и ее союзниками! Я не обещаю вам лавров, наград, радостного возвращения — я, обреченный, веду на смерть вас, обреченных, чтобы дать нашей родине возможность установить вечный мир человечества. Да здравствует Франция! Да здравствует Республика!

Я думал, своды залы обрушатся от оглушительных криков.

Когда все успокоились, аэрадмирал отдал приказ об отлете.

Зала мгновенно опустела. Офицеры поспешили к лифтам, чтобы подняться к своим кораблям.

Загремели сигналы; сирены, трубы, свистки будили эхо, перекатывавшиеся в горах.

Мы вышли из залы последними, вместе с Рапо и Дэвисом.

— Досадно, что нам нельзя отправиться вместе с вами, — вздохнул Пижон.

— Почему же нет, — ответил аэрадмирал. — Я не могу вам сказать, куда мы направляемся — это

пока тайна; но ничего не имею против вашего присутствия при наших эволюциях, при наших битвах... Предупреждаю только, что вам придется испытывать довольно сильные впечатления. Но вы, конечно, знали, на что идете, принимая на себя обязанности военных корреспондентов.

Разумеется, я не мог упустить такого случая. Аэрадмирал разрешил мне отправиться на «Монгольфье», флагманском аэрокаре; Пижон поместился на «Сантос Дюмоне», в обществе Томаса Дэвиса.

«Монгольфье» должен был тронуться в путь последним, чтобы занять потом место во главе этой небесной армады. Таким образом, мне удалось видеть отправку флота. По данному сигналу — пушечному выстрелу — все аэрокары, большие и малые, за исключением флагмана, разом, с математическою правильностью, ринулись в пространство под оглушительный шум моторов.

Точно стая исполинских летучих рыб, крылатых китов, фантастических акул, вылетающих из глубоких пучин в воздушные пространства!

Это была поистине фантастическая, ни с чем не сравнимая картина.

Как легко, уверенно, стройно маневрировали они перед нашими глазами! Только теперь, когда я видел перед собой целый флот воздушных судов, я мог оценить успехи, сделанные аэронавтикой за такой сравнительно короткий промежуток времени.

Но свисток, возвещавший об отлете адмиральского аэрокара, вернул меня к действительности. Мы вошли в гондолу — и минуту спустя «Монгольфье» плавно вылетел из своего туннеля. Поднявшись на высоту двухсот метров над самым высоким пиком арсенала, господин Драпье дал полный ход и через несколько мгновений адмиральский корабль стал во главе флота, выстроившегося огромным полукругом в полной боевой готовности.

Глава III СЕЯТЕЛИ УЖАСА

*Тактика воздушной войны. Флот-невидимка.
Сожжение Мюнхена. Истребление
вспомогательных поездов. Сдача
Аугсбурга. Черный Корсар. Уничтожение
блиндированных поездов. Гибель «Сантос
Дюмона». Унесен в пространство.*

По сигналу флагами с адмиральского аэрокара флот выстроился в следующем порядке. Впереди пять маленьких крейсеров, в шестнадцать тысяч кубических метров каждый; за ними десять больших судов, выстроенных двумя параллельными рядами; по бокам десять судов средней величины, тоже двумя рядами. Затем снова пять маленьких крейсеров, и так далее.

Всего было шесть групп по двадцать пять различных боевых единиц в каждой. Каждый аэрокар держался на расстоянии пятидесяти метров от остальных.

Я разговаривал с офицером, господином Равиньяком, сидевшим рядом со мною.

По его предположению, нам предстояло иметь дело с немецкой воздушной эскадрой.

— Как же будет происходить сражение, если мы встретимся с нею? — спросил я. — Артиллерийский бой невозможен, орудий нет на аэрокарах ни у нас, ни у них, конечно...

— Ну, разумеется. В воздухе иная тактика, чем на земле. Главное условие победы — держаться выше противника. Сверху мы можем метать в него разрывные снаряды, даже просто бросать; сила тяжести заменит силу пороха.

— Но ведь и противник постарается сделать то же.

— Конечно. Вопрос в том, кто заберется выше, дальше от земной поверхности. Тот, кому удастся держаться все время над своим противником, тот и одолеет.

Среди разговора я случайно глянул за борт и похолодел от ужаса. Густая струя черного дыма выходила из нижней части нашего аэрокара. Пожар — а стало быть, взрыв и падение с высоты в две тысячи метров... Мой ужас усилился, когда я заметил такие же клубы дыма, выбивавшиеся из-под ближайшего к нам аэрокара, «Сантос Дюмона».

Я повернулся к своему соседу и указал ему пальцем на дым, тщетно пытаясь произнести хоть слово. Но он засмеялся.

— Не тревожьтесь, сударь, это военный прием, исполняемый нашими судами по сигналу флагмана. Аэрадмирал, очевидно, не желает, чтобы

нас видели снизу. Ввиду этого каждый аэрокар выпускает клубы дыма — при помощи известных вам химических продуктов. Посмотрите, земли уже не видно, под нами непроницаемое темное облако. Если немцы и заметят его над своими головами, то вряд ли догадаются, какую грозу несет их отечеству эта черная туча.

Солнце село. Ясное, небо над нами было усеяно звездами. Холод давал себя знать на этой высоте. Я нахлобучил меховую шапку, застегнул плотнее шубу, закутался в одеяло и растянулся на скамье. Утомленный событиями дня, я скоро заснул под жужжание моторов.

Я спал как убитый, и, должно быть, долго. По крайней мере, яркие лучи солнца заставили меня зажмуриться, когда я проснулся, разбуженный радостными воплями, что вырвались из тысячи глоток.

Опомнившись, я огляделся кругом и увидел наш воздушный флот, выстроенный правильным кругом.

Затем я взглянул на землю — под нашими ногами раскинулся большой город: дома, фабрики, церкви...

— Где мы? — спросил я у аэрадмирала, который стоял подле меня на корме «Монгольфье».

— Над Мюнхеном, в Баварии.

Я схватился за бинокль:

— Да-да, узнаю. Вот Изар, обе пинако-теки, глиптотека. Какие дивные произведения скульптуры и живописи там собраны, адмирал!

А собор! А церковь св. Бонифация... А какое пиво! Роскошь! Что же мы тут будем делать?

— Вы не догадываетесь? Посмотрите на построение нашего флота и обратите внимание на солдат. Что они делают?

— Стоят вдоль бортов и держат в руках... Боже мой! Неужели они хотят бросать в город бомбы?

— Бомбы? Нет, это зажигательные ракеты. Вы увидите, как запылает город. Сначала на периферии, потом мы образуем еще круг ближе к центру и, наконец, третий в центре. Всего бросим восемнадцать тысяч ракет. Восемнадцать тысяч очагов пожара! Затем полетим в Франкфурт и там повторим то же.

— Адмирал, вы шутите?! Это невозможно... Мирные города... Ведь это же отрицание международного права, издевательство над всеми постановлениями конгрессов!..

Адмирал засмеялся каким-то дьявольским смехом.

— Кажется, вы своими глазами видели, к чему привели постановления ваших конгрессов. Вспомните пожар Гааги, вспомните Бельфор, гибель которого подготавливалась в мирное время... Ужас — вот единственное средство современной войны. Кто сумеет терроризировать противника, тот победит, Это система нашего противника, ради нее он истощал силы народа на чудовищные вооружения, вынуждая и другие государства готовиться к развязке. Чтоб не стать

жертвой этой системы, нам остается сделать врага ее жертвой...

В это мгновение красный флаг взвился на носу «Монгольфье» сигнал ужасного пожара.

Шесть тысяч шнурков были перерезаны разом — и шесть тысяч зажигательных снарядов полетели в злополучный город.

Наступила гробовая тишина. На нашей высоте — более километра — нельзя было слышать городского гула.

Немного погодя до нас долетел треск разрывающихся снарядов, как будто отдаленный залп из ружей. Мне казалось, словно воздух наполнился дикими, отчаянными воплями, стонами, проклятиями, — но, конечно, это была лишь мгновенная галлюцинация: человеческих голосов я не мог слышать на такой высоте. Потом мы увидели столбы дыма, кольцом охватившие город, и языки пламени; тем временем флот построился тесным кругом, повторился прежний сигнал — и еще шесть тысяч снарядов последовали за первыми; то же повторилось в третий раз.

Потом флот вытянулся в линию и медленно направился к северу. «Монгольфье» шел последним.

Мюнхен пылал. Огромный город превращался в колоссальный костер. Я видел сквозь клубы дыма, как пламя охватывало великолепные здания, церкви, музеи. Я думал о чудесах искусства, о сокровищах, наполненных творчеством многих

веков, невозвратно погибших. Конечно, нечего было и думать о борьбе с пожаром. Я различал в бинокль фигуры людей, метавшихся по улицам в тщетных попытках выбраться из огненной сферы...

Но вскоре густое черное облако дыма заволочло город, и я уже ничего не мог разглядеть.

«Монгольфье» снова поместился во главе флота, выстроившегося в прежнем порядке, так что я находился всего в ста метрах от «Сантос Дюмона» и мог обмениваться впечатлениями с Пижоном и поручиком Девисом при помощи беспроводного телефона.

На расстоянии нескольких километров от Мюнхена мы заметили вспомогательные военные поезда, мчавшиеся к баварской столице.

— Недалеко уйдут эти поезда, — заметил аэрадмирал. — Как это король баварский, союзник «непобедимой» Пруссии, рискует их пускать, когда воздушная эскадра гуляет над его страной?

— Да может быть, король баварский уже сжарился в своем дворце, — возразил я.

— О, нет. Эти господа только объявляют войны, а не несут на себе их последствий. Будьте покойны — король баварский благодушествует в каком-нибудь безопасном месте, пока на головы его подданных сыплются зажигательные снаряды... Надо, однако, расправиться с этими поездами.

Этой расправой занялся отряд небольших аэрокаров, отделившихся от эскадры. Разрывные

снаряды делали свое дело. Локомотивы взлетали на воздух, вагоны пылали, огромные поезда скачивались с высокой насыпи...

— Где бы могла быть немецкая эскадра? — задумчиво проговорил Рапо, когда дело истребления кончилось и мы направились дальше.

— Так ваша цель — сразиться с немецкой воздушной эскадрой, адмирал?

— Да, да. К сожалению, сношения с Парижем по беспроволочному телеграфу прерваны. На Рейне я не встретил эскадру, в Эльзасе, в Вестфалии ее нет; по инструкции я должен искать ее в Баварии, водворяя в то же время террор, разрушая города по имеющемуся у меня списку. Пока приходится ограничиваться этой частью задачи. Впрочем, сейчас придется сделать маленький перерыв.

— То есть?

— В нескольких аэрокарах третьей величины обнаружилась заметная убыль газа. Благоразумие требует пополнить ее. Мы недалеко от Аугсбурга; там спустимся, завладеем газовым заводом и приведем все в исправность. За эту маленькую услугу, так и быть, поощрим город.

Мы направились к Аугсбургу. Погода заметно испортилась. Собирались тучи, вокруг нас стоял туман. Беспроволочный телефон и сигнальные свистки поддерживали порядок в эскадре. Достигнув Аугсбурга, мы спустились на высоту в шестьсот метров. Облако осталось над нами и древний город, озаренный лучами солнца, был ясно виден.

Вот удивительный собор, вон великолепная ратуша, лучшая в Германии, с залой, наполненной произведениями Ганса Гольбейна...

Внезапно какой-то треск долетел до наших ушей.

— В нас стреляют! — воскликнул Рапо. — Каковы нахалы! Бросьте десяток снарядов — они поймут тогда, какая участь их ожидает, если вздумают продолжать свою шутку.

Я невольно вздрогнул.

— Неужели и этому городу предстоит участь Мюнхена? — вырвалось у меня. — Этой великолепной ратуше, этим древним памятникам...

Стоявший подле меня офицер засмеялся.

— Разбирать не станем, — заметил он. — У вас понятия прошлого века, сударь. На войне, извольте видеть, главное — успеть...

— Да, конечно, конечно, — пробормотал я. — Я знаю... Не будем спорить.

Я попытался улыбнуться, но, кажется, вместо улыбки у меня вышла только гримаса.

Но Аугсбург отделался лишь несколькими пожарами. На ратуше взвился белый флаг и адмирал вступил в переговоры с бургомистром при помощи беспроволочного телефона.

— Кто в нас стрелял? — спросил он.

— Рота ландштурма, — ответил бургомистр, — несмотря на все мои просьбы не делать этого. Ландштурмом — всего в отряде тысяча двести человек — командует генерал фон дер Пфальц. Он стоит рядом со мной.

— Очень хорошо. Предлагаю генералу фон дер Пфальцу выдать мне оружие до истечения часа во дворе арсенала.

Последовала минута молчания; затем другой, более резкий, голос ответил:

— Оружие будет выдано, господин аэрадмирал.

— Затем, господин бургомистр, вы предоставите в мое распоряжение газометр вашего города со всем служебным персоналом; доставите мне три последние номера «Аугсбургской газеты», каждого по сотне экземпляров, и все полученные сегодня телеграммы; солдаты генерала фон дер Пфальца отправятся на равнину Кенигсдорф, где я спущу на землю часть флота, и помогут моим людям удерживать аэрокары, остальное население города будет сидеть по домам, не выходя на улицу, до вечера.

— Мы согласны, — последовал ответ после некоторого колебания.

— Наконец, не позднее трех часов, вы уплатите мне в ратуше контрибуцию в два миллиона марок. Я налагаю ее за стрельбу по флоту.

На этот раз молчание длилось минуты две. Затем последовал тяжкий вздох и послышался унылый голос бургомистра:

— Будет исполнено, господин аэрадмирал. Вы сильнейший...

— Совершенно верно, господин бургомистр. Итак, потрудитесь немедленно приняться за исполнение моих распоряжений.

Две трети нашей эскадры — а именно большие и средние суда — расположились четырьмя рядами на равнине Кенигсдорф подле города; малые же аэрокары, за исключением тех, которые требовали пополнения газом, остались на высоте пятисот метров для наблюдения за окрестностями.

Обезоруженные солдаты ландштурма помогли прикрепить суда. Любопытное зрелище представляла эта сотня мастодонтов, покачивающихся на высоте дома на крепких канатах, удерживаемых якорями и чугунными брусьями.

Газовый завод находился на противоположном конце города. Аэрадмирал, в сопровождении группы офицеров и солдат, отправился туда; я и Пижон присоединились к ним. Мы проехали на автомобилях через весь Аугсбург — угрюмый, безмолвный, будто вымерший. Согласно распоряжению аэрадмирала, жителям запрещено было выходить на улицу. Гробовая тишина, царившая в большом городе, производила зловещее впечатление.

Когда мы прибыли на завод, четыре аэрокара были уже наполнены газом — светильным, за отсутствием водорода; остальные шесть инвалидов дожидались своей очереди, крейсируя на высоте двухсот метров над заводом.

Убедившись, что работа идет исправно, аэрадмирал вернулся в ратушу, где принял от бургомистра контрибуцию и триста номеров «Аугсбургской газеты». Затем мы хотели сделать прогулку, но испортившаяся погода заставила адмирала

отказаться от этого намерения. Пошел дождь. Черные, ничего доброго не обещающие, тучи сгустились как раз над Кенигсдорфом.

Аэрадмирал видимо был недоволен таким оборотом дела. Лицо его нахмурилось. Дурное настроение духа еще усилилось, когда, отправившись вторично на завод, мы узнали, что пополнение шаров газом замедлилось. Восемь были уже готовы в какие-нибудь четыре часа, но с остальными двумя дело затянулось.

— Давление ослабело, — объяснил главный инженер, — давление ослабело. Что же прикажете делать, господин аэрадмирал, ведь мы доставили за четыре часа более двенадцати тысяч кубических метров газа! Без подготовки... Постараемся закончить к шести часам, раньше и думать нечего.

Оставалось только примириться с этой отсрочкой.

Поговорив с капитанами «Сивеля» и «Андрэ», двух еще не наполненных аэрокаров, аэрадмирал со всеми своими спутниками отправился обратно на Кенигсдорф.

Вернувшись на «Монгольфье», я занялся в ожидании отлета чтением газет.

Я узнал, что германская и французская армии, мобилизованные в течение суток, сосредоточились в Лотарингии и в Арденнах. Неизвестно было, произошли ли какие-нибудь сражения. Корреспонденты не были допущены ни в ту, ни в другую армию, а бездымная и бесшумная артиллерия делала бой неслышным.

Япония присоединилась к Англии и вступила в борьбу с Соединенными Штатами, начавшуюся большим морским сражением при Гонолулу.

Россия и маленькие государства еще воздерживались.

Огромная статья сообщала подробности о разрушении Мюнхена и уничтожении вспомогательных поездов.

Я взялся за вчерашний номер, и мне сразу бросилась в глаза заметка, которую я проглотил в несколько секунд, почти не веря своим глазам, — заметка следующего содержания:

«ЧЕРНЫЙ КОРСАР

Несколько часов тому назад мир в Европе и Северной Америке сменился войной. Все заставляет думать, что благодаря новейшим изобретениям, действие которых доведено до максимума, — бесшумным пушкам, бездымному пороху, удушающим бомбам, стрельбе на двадцать пять километров, подводным и воздушным флотам — резня превзойдет все, что было видано до сих пор.

Комбаттанты, воюющие на воздухе, уже нагали разносить смерть и гибель. Сообщают о появлении какого-то таинственного аэрокара, совершившего уже ряд нападений. Так как последние направлялись против французских аэрокаров и фортвов, то возникло предположение, что этот воздушный крейсер принадлежит Германии. Но берлинское адмиралтейство заявляет, что ему неизвестен какой-либо

военный дирижабль, которому поручено действовать отдельно.

Этот загадочный воздушный корабль — герного цвета, напоминает формой герпаху — впрочем, он обладает таким быстрым движением, что форму его не удалось определить с уверенностью; иные утверждают, будто она меняется. По-видимому, он вооружен настоящими пушками, посылающими на землю гранаты. Вчера (20) его видели близ Вердена, сегодня (21) в Савойе. Ему приписывают взрыв в Монбланском арсенале. Клубок легенд уже создается вокруг этого незнакомца, окрещенного „Черным Корсаром“».

Я вспомнил о катастрофе с «Южным», о взрыве в Монбланском арсенале. Кто же этот неведомый враг, вооруженный, по-видимому, совершенно новыми средствами разрушения?

Я спустился на равнину, чтобы отыскать аэрадмирала и узнать его мнение. Я нашел его под дождем, за отдачей каких-то распоряжений относительно предстоящего отлета. Он успел уже просмотреть газеты, но отнесся к заметке о «Черном Корсаре» как к выдумке.

— Пустяки, — сказал он. — Если есть на свете человек, знающий от «а» до «я» все, что сделано до сего дня в области военного воздухоплавания, так это я. Аэрокар, вооруженный пушками... бредни! Обыкновенный воздушный крейсер известного нам типа, остальное — выдумки...

Слова его были прерваны сигналом тревоги, раздавшимся с одного из малых аэрокаров, крейсеровавших на высоте. Вслед затем командир «Монгольфье» Дранье крикнул адмиралу в рупор:

— Два блиндированных поезда с солдатами идут от Ульма!

Рапо немедленно распорядился отцепить «Сантос Дюмон», приказав его командиру подняться на высоту двухсот или трехсот метров, с которой можно было сквозь туман различить поезда, отправиться к ним навстречу и уничтожить их разрывными снарядами.

Все это было исполнено с удивительной быстротой. Тем не менее поезда успели уже приблизиться настолько, что с «Монгольфье» можно было видеть их в бинокль.

Мы остались, однако, внизу; вероятно, аэрадмирал не хотел покидать солдат, находившихся на земле.

Прошло несколько мгновений. Внезапно вдали сверкнул сквозь завесу дождя и тумана ряд огней и прокатился грохот взрывов. «Сантос Дюмон» сделал свое дело...

— Полный успех, аэрадмирал, — крикнул Дранье. — Оба поезда превращены в груды обломков и трупов. Не думаю, чтобы больше двух сотен солдат осталось в живых!

Но что это? Вдали перед нами мелькнул сноп пламени и раздался новый взрыв, более сильный, чем прежние...

— Несчастье! — крикнул Драпье. — Страшное несчастье, адмирал! Должно быть, какой-нибудь из маленьких аэроаров принял в тумане «Сантоса» за неприятеля и пустил в него разрывной снаряд. Он взорван!

Ошеломленный, оглушенный среди наступившей суматохи, я машинально поднял глаза и увидел нечто ужасное.

На фоне темного неба, совсем близко от нас, показалось сквозь туманную сетку дождя какое-то круглое сплюснутое черное тело, диаметр которого быстро увеличивался по мере того, как оно приближалось к нам.

— Черный Корсар! — воскликнул я.

Это был он. Никто не мог теперь отрицать его существования; он спускался к нам с быстротою болида.

Наши сторожевые аэроары, очевидно, не заметили его за облаками.

Не теряя времени, Рапо отдал приказание дать по нему залп из пулеметов.

С двенадцати ближайших к нему аэроаров пули посыпались градом. Но они, по-видимому, отскакивали от скорлупы этого чудовища. Оно продолжало двигаться к нам, игнорируя нападение.

Спустя секунду оно было уже на высоте нескольких метров над нами, направляясь к месту, где стоял незадолго перед тем «Сантос Дюмон».

Я видел, как из отверстия на дне этой исполинской черепахи был выброшен какой-то снаряд.

— Ложись! — крикнул Рапо.

Аэрадмирал, Том Дэвис и другие стоявшие подле них офицеры бросились ничком на землю. Но прежде чем я успел последовать их примеру, меня обвила какая-то сетка; я с ужасом почувствовал, что отделяюсь от земли и уношусь в пространство, точно рыба, захваченная бреднем...

Глава IV

ПЛЕННИК В ОБЛАКАХ

*«Сириус» и его изобретатель.
Демонстративные опыты Джима
Кеога. Его ненависть к Рапо. Сожжение
Франкфурта. Гибель «Монгольфье».
Преступник против воли. Освобождение
из плена. В редакции «2000 года». Немая
битва.*

Я вполне отчетливо сознавал, что мое тело перемещается в пространстве, уносится вдаль от гула, который только что стоял в моих ушах.

Когда, после первой минуты смятения и ужаса, ко мне вернулась способность соображать, мне и в голову не пришло, что я нарочно захвачен в плен. Я думал, что металлическая сетка, которую мои руки нащупывали кругом, служившая предохранительным средством против разрывных снарядов, зацепила меня случайно и что при первом наклоне или повороте машины я вылету из нее и упаду — куда? в море? на землю? на крышу какого-нибудь здания? В том состоянии

полубреда, в котором я находился, мне почему-то вдруг припомнилась игла громоотвода на шпиге Аугсбургской ратуши и представилось с навязчивостью галлюцинации, что я лечу на нее — и она прокалывает меня, как булавка муху...

Не знаю, долго ли длилась эта агония; мне казалось, час или больше, но позднее я сообразил, что находился в этом положении всего минуту или две. Внезапно в нескольких метрах над моей головой открылось отверстие в дне судна, сетка дрогнула, качнулась — и в ту минуту, когда я, закрыв глаза, похолодев от ужаса, готовился к головокружительному падению, меня осторожно втянули вверх; я почувствовал, что лежу на твердом полу и кто-то откидывает с меня сетку.

Я открыл глаза и приподнялся. Слева от меня матрос закрывал крышку люка, а прямо перед собой я увидел мужчину лет сорока пяти или пятидесяти, с густой рыжей бородой, пронзительными черными глазами, в синей куртке и морской фуражке. Мне казалось, что я уже видел раньше это лицо — но где, я не мог вспомнить.

Он обратился ко мне на плохом французском, и по резкому акценту и вольному обращению с грамматикой я сразу узнал американца.

— Очень вы удивились, когда покинули землю так внезапно?

— Еще бы не удивиться! Да я и теперь удивлен — и был бы очень доволен, если бы кто-нибудь объяснил мне это происшествие...

— Я вам объясню.

Заметив, что он с трудом говорит по-французски, я сказал:

— Вы можете сделать это на вашем родном языке, сударь, — я говорю по-английски.

Он, видимо, остался доволен и лед был, так сказать, сломан. Незнакомец предложил мне сигару, спросил меня, кто я такой, выразил удовольствие, когда я назвал себя сотрудником «2000 года», и прибавил:

— Теперь спрашивайте. Я отвечу на ваши вопросы. Затем мы пообедаем, а там опять отправимся в гости к вашему Рапо, этому болвану, невежде, глупому петуху...

— Однако! Вы, я вижу, недолюбливаете нашего аэрадмирала. Стало быть, вы его знаете?

— Как не знать? Ведь это он должен был находиться теперь на вашем месте. Его-то мне и хотелось зацепить.

— Как? Вы сделали это нарочно?

— Ну, разумеется. Эта сетка для того и сделана. Я метил в Рапо, мне хотелось с ним побеседовать... Что было бы, вероятно, полезно для этого бражника. Но он ускользнул, а попались вы... Однако я вижу, вы промокли насквозь. Снимайте-ка ваши доспехи, мы их живо просушим.

Я снял шубу и хотел было ограничиться этим, но американец настоял, чтобы я разделся до белья. Затем он повернул ручку какого-то прибора. Внезапно комната наполнилась теплом, мы точно перенеслись в баню. Я тщетно искал глазами таинственный радиатор, посылавший эти волны

теплоты. Я видел кругом только гладкие стены из незнакомого мне металла. Во всяком случае, температура была так высока, что мое белье и платье высохли в одну минуту. Я снова оделся, а хозяин опять повернул ручку и температура быстро упала до нормальной.

Тем временем матрос, спустившийся по лесенке из верхнего отделения, накрыл стол и поставил на него два прибора.

— Давайте обедать, — сказал незнакомец. — Вы, вероятно, не прочь узнать, с кем имеете дело. Вот, извольте...

Он протянул мне карточку, на которой я прочел: «Джим С. Ф. Кеог. Милуоки (Висконсин). Северо-Америк. Соединенные Штаты».

— Конечно, это еще ничего не говорит вам, — продолжал он, усаживаясь за стол и жестом приглашая меня занять место на противоположной стороне. — Терпение! Через десять минут вы будете знать, зачем я здесь и чего добиваюсь. Сейчас я вам все расскажу.

«Лучше бы ты рассказал, как мне удрать от тебя!» — подумал я, но не счел благоразумным заявлять об этом вслух.

— Итак, вы видите перед собой жертву Рапо, вашего Рапо, этого самодовольного, тупоголового... Эпитеты посыпались градом.

— Да что он вам сделал?

— Что сделал? Если вы патриот — в чем я не сомневаюсь, — спросите лучше, что он сделал вашей стране, вашей родине... В течение десяти

лет Рапо истратил несколько миллиардов на сооружение воздушного флота, более многочисленного, чем германский — и более совершенного, более подвижного, лучше оборудованного; допустим это. Но, милостивый государь, прогресс не останавливается. Пять лет тому назад некто Джим Кеог, американец, изобрел тот поистине чудесный аппарат, на котором вы находитесь в настоящую минуту. Разница между моим «Сириусом» — это имя моего корабля — и аэрокарами вашего Рапо такая же, как между орудиями последнего образца и мортирами короля Людовика XIV. Пять лет тому назад Джим Кеог предложил французскому правительству купить у него изобретение. Купить за бесценок... за ничтожную сумму в двадцать миллионов франков... Что же сказал ваш Рапо?

Джим Кеог, начавший спокойным тоном, постепенно разгорячился, чему, вероятно, способствовала бутылка шампанского, которую он осушил почти один.

— Вот что он сказал: «Я достаточно знаком с вопросом, чтобы знать, что в настоящую минуту возможны лишь аэрокары того типа, который я усовершенствовал. Не желаю слушать бредни недоучек-изобретателей. Их выдумки не имеют практического значения. Я строю флот, выполняю инструкции Парламента, постановившего его сооружение по выработанным, испытанным, проверенным образцам».

Джим Кеог ударил кулаком по столу.

— И вот, я получил отказ, самый унижительный — не взглянули даже на мои чертежи, не дали мне демонстрировать мой аппарат. А мне только того и нужно было... Тут бы сразу увидели разницу между мастодонтами Рапо и «Сириусом»... Я не стану вам объяснять техническую сторону моего изобретения — это пока секрет. Но вы сами видели, насколько он превосходит быстротой и подвижностью ваши аэрокары. Далее, он неуязвим...

— Неужели?

— Да. Вы видели, много ли вреда причинили мне ваши залпы. Только наверху есть уязвимое место, отверстие, которое я уничтожу в следующих аппаратах. Но и оно для меня неопасно. Я поднимаюсь на высоту четырех тысяч метров — следовательно, всегда буду выше аэрокаров Рапо... Да, если бы у вашего Рапо была дюжина таких аппаратов, как «Сириус», он в три дня мог бы истребить весь немецкий воздушный флот и кончить войну. Идиот! Счастье мое, что в Чикаго нашлись люди, которые помогли оборудовать «Сириус»...

— Я понимаю теперь ваше отношение к Рапо, но почему вы действуете против Франции? Разве Германия...

— Против Франции? Вовсе нет. Я просто демонстрирую мой аппарат. Демонстрирую на деле, на практике... Я давно чуял войну и поджидал ее здесь, в Швейцарии. В первый же день я начал свои опыты с аэрокара, попавшегося мне у Вердена...

— Так это были вы?

— Как?

— Это вы, господин Кеог, испортили «Южный», аэрокар «2000 года», и убили моего слугу-китайца?

— Как? Вы летели подле Вердена третьего дня, после полудня?

— Да!

— О! Тысячу извинений! Я думал, что имею дело с каким-нибудь из ваших военных аэрокаров. Жаль, очень жаль... Да, ну... потом я продемонстрировал «Сириус» в Монбланском арсенале, затем у Аугсбурга... Думаю, что после таких опытов ваше правительство не станет колебаться. Вы, конечно, не откажетесь взять на себя роль посредника. Еще маленькая демонстрация — а затем я высажу вас в Париже и вы сообщите вашему правительству о моем предложении. Согласны?

Разумеется, я согласился. Не потому только, что это давало мне возможность освободиться из плена — но по всему, что я видел и испытал, приходилось заключить, что Джим Кеог не попусту хвалился своим аппаратом и что со стороны моего отечества было бы большой ошибкой упустить это изобретение... Я не мог понять его тайны, но для меня было очевидно, что он летает как птица, что он действительно неуязвим, что ему мы обязаны уничтожением «Сантос Дюмона» и Бог знает сколько еще наших аэрокаров он уничтожит безнаказанно; что подъемная сила его аппарата громадна; что его артиллерия много сильнее нашей... Если Германия догадается опередить нас и купит «Сириуса» — горе тогда Франции!

Джим Кеог показал мне внутреннее устройство «Сириуса», не объяснившее мне, впрочем, его секрета; затем оставил меня в нижнем отделении, где мне приготовили постель. Несмотря на свое волнение, я вскоре погрузился в лихорадочный, тревожный сон.

Меня разбудил Джим Кеог, дергая за плечо.

— Прилетели, вставайте! — говорил он.

— Куда прилетели? — пробормотал я, собираясь с мыслями.

— Во Франкфурт-на-Майне. Вот, посмотрите... Он указал мне небольшие окна, проделанные в полу. Они были ярко освещены каким-то зловещим, красноватым светом. Я присел на пол, нагнулся над окном и увидел страшное зрелище.

Огромный город пылал, как Мюнхен накануне, с той только разницей, что Мюнхен был подожжен днем, тогда как на Франкфурт тысячи зажигательных снарядов посыпались ночью.

— Узнаете ваших друзей? — с усмешкой сказал Джим Кеог. — Они выстроились кругом на высоте тысячи метров. Мы же стоим над ними на высоте трех тысяч метров. Сейчас вы увидите осязательное доказательство превосходства моего аэрокара над вашими.

Он остановился, как будто какая-то новая мысль внезапно пришла ему в голову.

— Осязательное — ха! ха! именно так... Да, да, вы убедитесь на собственном опыте — и сообщите о результате вашему правительству.

Он два раза хлопнул в ладоши. Появились двое, один из них был негр.

— Зарядите оружие! — сказал Кеог.

Они отодвинули небольшой трап, под которым оказалось круглое отверстие, принесли и вставили в него какой-то аппарат в форме мортиры и зарядили ее гранатой.

— Мистер Кеог, — сказал я, догадываясь, в чем дело, — неужели вы хотите сделать меня свидетелем убийства моих соотечественников, моих друзей, моих братьев?..

— Как же иначе? Вы должны на собственном опыте убедиться в достоинствах моего аппарата. Это совсем не то, что видеть издали. Да, да... вы на личном опыте убедитесь, что это оружие не дает промаха. Я направлю его на вашего флагмана, затем вы нажмете пальцем эту кнопку и...

— Вы с ума спятили или пьяны! Сколько бутылок шампанского вы высосали в эту ночь?..

Джим Кеог побагровел. Выхватив из кармана револьвер, он крикнул:

— Или вы исполните мое требование, или я всажу вам в башку все шесть пуль!

— Стреляйте!.. Лучше десять раз умереть, чем пойти на такую измену. Или вы думаете, что я в состоянии буду жить с таким пятном на совести?..

Американец опустил револьвер, ярость его сменилась каким-то насмешливым изумлением.

— У него есть совесть, — пробормотал он. — Надо же быть глупцом... Ну, — прибавил он, — даю вам пять минут на размышление.

С этими словами он ушел вместе со своими помощниками.

Я не колебался. Исполнить это чудовищное требование... нет, все, что угодно, только не это. Но могу ли я равнодушно смотреть на истребление своих? У меня есть револьвер. Да, мне только это и остается. Выхода нет. Всажу в него пулю...

Через пять минут американец вернулся. Он прошел мимо меня, ничего не сказав. Отдав распоряжения своим помощникам, он наклонился над окном.

— Вон ваш аэрадмирал Рапо, полюбуйтесть!.. Я подошел к нему и заглянул в окно. «Сириус» в это время спустился пониже и я увидел на расстоянии какой-нибудь сотни метров «Монгольфье», ярко освещенный пожаром снизу, прожектором «Сириуса» сверху.

— Готово, сэр, — сказал один из помощников, возившихся с орудием.

Я хотел выхватить револьвер, но в то же мгновение две сильные руки схватили меня сзади, а Джим Кеог завладел кистью моей правой руки. Я тщетно пытался оказать сопротивление. Негодяй притянул мою руку к орудию и надавил ею на кнопку из слоновой кости.

Последовал выстрел. Я слышал взрыв, слышал отчаянные крики; потом в глазах моих потемнело, и я потерял сознание...

Я очнулся только утром. Не стану описывать своего душевного состояния. Хотя я по совести не мог поставить себе в вину это преступление, тем

не менее мысль, что «Монгольфье» погиб от моей руки, не давала мне покоя. Что касается Джима Кеога, вид которого был мне ненавистен, то он просто-таки понять не мог, что собственно меня возмущает и угнетает.

— Не все ли равно, вы или я дали выстрел? — твердил он. — Но важно то, что вы сами, на собственном опыте убедились... Теперь у вас не останется никаких сомнений.

Бесполезно и противно было толковать с таким человеком. Как бы ни было, приходилось не только выносить его общество, но и принять на себя поручение, о котором он говорил. Решено было, что он высадит меня в Париже, на террасе редакции «2000 года». Ответ на его предложение будет послан в Берн, до востребования, не позднее тридцатого сентября. До этого дня он считал себя связанным своим предложением и обязывался отвергать возможные предложения со стороны других держав; но если ответ не будет получен в течение недели, сделка считается не состоявшейся.

Мы были над Парижем под вечер, когда стемнело, так как американец желал остаться незамеченным. Около десяти часов «Сириус» спустился над террасой редакции и спустя минуту я избавился наконец от своего плена.

Можно себе представить, какой эффект произвело мое появление в редакции, где меня считали погибшим. Я был засыпан вопросами, но решительно отказался рассказывать о своих

похождениях, прежде чем о них узнает наш издатель, господин Мартен Дюбуа, который должен был прибыть в редакцию через полчаса.

К своему изумлению и радости, я встретил в редакции Пижона. Оказалось, что в момент отправки «Сантос Дюмона» против вспомогательных поездов, его там не было; он взялся отнести газеты капитану одного из соседних аэрокаров.

Но аэрадмирал Рапо со всем экипажем «Монгольфье» и поручик Том Дэвис погибли... погибли от моей руки; эта мысль снова обожгла меня! Бедная мисс Ада: мне говорили, что она была в отчаянии, что она дала клятву отомстить виновнику этого убийства. Я внутренне обещал себе оказать ей содействие, если только представится какая-нибудь возможность.

После смерти аэрадмирала эскадра, под начальством его ближайшего помощника, продолжала поиски германской эскадры и уничтожила колоссальные склады каменного угля в Дунсбурге вместе с заводами — но германский воздушный флот не подавал о себе вести.

Радостным было известие о победе над немцами, одержанной нами сегодня утром благодаря полку авиаторов. Бой длился двое суток; «беззвучная битва», как назвал ее один из наших корреспондентов, Жубек, только что вернувшийся с поля сражения.

«Ни боя, ни огня, ни грохота пушек, — рассказывал он. — Я был на привязном шаре телеграфистов. Мы слышали крики раненых и

умирающих — всего мы потеряли убитыми семьдесят две тысячи — проклятия и жалобы; но все это в относительной тишине. Направление и расстояние выстрелов определяются по указаниям, получаемым по беспроволочному телеграфу с аэрокаров, наблюдающих за полем сражения с огромной высоты. Люди целятся в невидимого и неслышного неприятеля — и вдруг падают... Вы не видите выстрелов, вы не слышите их; только свист бомб и ядер, валящихся откуда-то сверху... Адское впечатление! В старые времена грохот и треск пальбы должен был оглушать и опьянять сражающихся. Теперь это какая-то молчаливая, механическая война».

«Как же названо это сражение?»

«Да как его назвать? Сражение номер один такого же года?.. Линия боя растянулась на сто километров; на этом пространстве целый ряд городов и местечек... Длилось двое суток, но, я думаю, продлилось бы месяц или больше, не будь авиаторов. Вмешательство «крылатых» решило бой в нашу пользу. Этой атаки наш противник не ожидал. Они заставили отступить главный отряд немецкой армии; отступление превратилось в бегство; наши двинулись вперед, и вскоре паника распространилась по всей линии неприятеля...»

— Бедный Рапо! — вздохнул я. — Ведь это его победа...

Ликование, вызванное этой победой в Париже, омрачалось, однако, тревогой по поводу

исчезновения немецкого воздушного флота, тем более что в американских газетах появилось известие о подготовленной немцами отправке в Англию воздушной эскадры в две тысячи военных аэрокаров! Две тысячи аэрокаров! Что значили в сравнении с этой армадой полтора-ста крейсеров Рапо? Правда, серьезные люди считали это известие газетной уткой, но толпа была настроена тревожно. Загадочное отсутствие флота — в то время как наша эскадра терроризировала в течение трех дней всю среднюю Германию, казалось непонятным и заставляло думать о каком-нибудь подготовляемом втайне страшном возмездии.

Наконец, явился господин Дюбуа и принял меня в своем кабинете. Я спокойно и последовательно рассказал ему обо всем случившемся со мною со времени моего отъезда с Монблана (умолчав только о своей роли в расстреле «Монгольфье»). Он слушал молча, и когда я окончил, сказал:

— Я принял бы вас за сумасшедшего, друг мой, но ваш рассказ вполне подтверждается теми сведениями, которые мы уже имеем о «демонстративных опытах» этого бандита... Ясно, что в его руках страшное оружие и плохо нам будет, если этим оружием завладеют наши враги! Мы начнем кампанию. Напишите немедленно статью, изложите в ней то, что вы мне рассказали, подчеркните преимущества «Сириуса»... Номер с вашим описанием Монбланского арсенала — кстати,

вы можете получить в конторе десять тысяч франков за эту статью — разошелся в двенадцати миллионах экземпляров; завтрашний тираж будет не меньше... Я беру на себя депутатов и президента. В парламенте нам нетрудно будет провести это предложение, но канцелярии, канцелярии — наша язва, с их рутиной и волокитой! В неделю можно и не такие дела обделать, но раскатайте-ка вы их бюрократическое колесо в такой срок... А немцы, наверное, зевать не будут... В печати на нас, разумеется, ополчится наш соперник, «3000 год». Но мы не уступим. Благо Франции — прежде всего! Пишите же... Воображаю завтрашний тираж!

Когда, написав статью, я возвращался домой, на темном фоне пасмурного неба уже красовалась, отброшенная прожекторами, надпись испанскими разноцветными буквами:

**ЗАВТРА УТРОМ
ЧИТАЙТЕ В «2000 ГОДУ»**

**ИЗУМИТЕЛЬНЫЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ НАШЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА.
НА ВЫСОТЕ 4000 МЕТРОВ С ГЕНИАЛЬНЫМ
БАНДИТОМ! ВЛАСТЬ НАД ВОЗДУХОМ
В НАШИХ РУКАХ! НУЖНО ТОЛЬКО
ПОЖЕЛАТЬ И ЗАПЛАТИТЬ
ТРЕБУЕМУЮ ЦЕНУ.
УСЛОВИЕ, ДАЮЩЕЕ СЕМИДНЕВНЫЙ СРОК,
В КАРМАНЕ НАШЕГО РЕДАКТОРА.**

**МЫ ТРЕБУЕМ, ЧТОБЫ ПОКУПКА
СОСТОЯЛАСЬ! ДВАДЦАТИ МИЛЛИОНОВ
БУДЕТ ДОСТАТОЧНО.
ВПЕРЕД ЗА ОТЕЧЕСТВО!
ДА ЗДРАВСТВУЕТ ФРАНЦИЯ!**

Эту ночь я провел дома, в своей семье, с которой как мне казалось, я расстался чуть ли не столетие тому назад.

Глава V РЫЦАРИ БЕЗДНЫ

Парижская суматоха. Новая командировка. «Люди-крабы». Подводное путешествие. Неожиданная встреча. Чудесное спасение Тома Дэвиса. Слепой и безногий. В устье Эльбы.

Как и предполагал господин Мартен Дюбуа, наш соперник «3000 год» не преминул начать ожесточенную кампанию против нашего проекта, а представители администрации не обнаружили большой готовности заняться этим делом. В вечернем издании «3000 года», на другой день после моего возвращения в Париж, я имел удовольствие прочесть статью о «Бесстыжем шарлатанстве» — как гласил набранный жирным шрифтом заголовок — нашей газеты и ее «полоумного сотрудника», то есть вашего покорнейшего слуги. Оказывалось, что я, во-первых, просто забулдыга, который, вместо исполнения своих корреспондентских обязанностей, завяз в немецком «курзале», а потом выдумал для своего оправдания

историю об американском бандите. Во-вторых, я — человек ненормальный, если не сказать помешанный, которого нужно лечить и небезопасно оставлять на свободе. Что касается моего патрона Мартена Дюбуа, то он рассчитывает выудить в мутной воде этих бессовестных выдумок хорошую рыбку — сорвать с правительства огромный куш, пользуясь лихорадочным возбуждением военного времени. Пусть граждане остерегаются и так далее, и так далее.

Я думал было послать секундантов к автору статьи, но патрон решительно воспротивился этому:

— Все что угодно, только не это. Вызов только придаст ему важности... Напротив, мы должны игнорировать статью, ответить полным презрением, не замечать существования противника... Вы увидите — он провалится со своими обвинениями. Их подкладка слишком бьет в глаза; публика будет наверняка на нашей стороне...

Гораздо больше, чем агитация нашего противника, его смущало отношение официального мира. Он добился личного свидания с президентом. Но секретарь последнего, рассыпавшись в комплиментах по поводу «2000 года», заключил поток своих любезностей сообщением, что «господин президент с величайшим удовольствием примет господина Мартена Дюбуа... Сегодня, к сожалению, это невозможно, завтра господин президент занят в Совете министров, но послезавтра он будет к услугам господина Дюбуа, если это окажется для него возможным...»

Впрочем, патрон не терял надежды ускорить ход дела. В публике обнаружилось сильное движение в нашу пользу: Утром номер «2000 года» был буквально во всех руках, тираж достиг еще небывалой цифры. Меня узнали на улице, когда я шел в редакцию, окружили, подхватили на руки и отнесли в «2000 год» в торжественной процессии; в несколько минут собралась стотысячная толпа... Патрон был в восторге.

Дело в том, что ничто не оказывало такого влияния на воображение толпы, как сообщения о воздушных судах, посыпающих города и села зажигательными снарядами и бомбами. Эта мысль преследовала людей, как наваждение. На этой почве развивались массовые галлюцинации, помешательства, припадки панического ужаса... Когда я вышел утром из дома, меня поразило зрелище парижских улиц: я увидел какую-то фантастическую смесь современности со средневековьем. Каски, шлемы, кирасы, щиты круглые и продолговатые, всевозможных форм, медные, стальные, бронзовые, напоминали о временах рыцарей или античных героев... Публика как умела защищалась от воздушных врагов, а промышленность, разумеется, не преминула использовать это настраение.

Я заметил, что каждый прохожий то и дело поглядывает на небо. Ожидание огненного дождя, очевидно, никому не давало покоя. Но всего сильнее действовали на воображение сообщения газет о «демонстративных опытах» Кеога,

о внезапных нападениях Черного Корсара, неуловимого, неуязвимого, налетавшего и исчезающего, как метеор. Понятно, что возможность гарантировать себя от такого врага, мало того — овладеть этим страшным орудием и господствовать в атмосфере увлекла публику. Движение в нашу пользу росло. Я даже намекнул патрону, что при таком возбуждении населения мне нетрудно собрать сотню-другую тысяч народа и двинуть их на Елисейский дворец с требованием покупки «Сириуса». Такая внушительная демонстрация, заметил я, может ускорить обращение «бюрократического колеса».

Но... я упустил из вида, что мой патрон, владелец громадного предприятия, не мог питать особой склонности к народным движениям. Он слегка поморщился и сказал, что мы добьемся успеха легальными средствами.

«Митинг негодования» против «бесстыжего шарлатанства», устроенный нашими противниками на площади Инвалидов, превратился в митинг восторженного одобрения нашему проекту. Ораторы, пытавшиеся говорить против него, вынуждены были стушеваться гораздо быстрее, чем им хотелось этого, и громадная толпа, как один человек, поднятием рук одобрила предложенную нами резолюцию о необходимости приобретения «Сириуса».

Давление общественного мнения оказало свое действие на официальный мир. У президента нашлось время принять господина Дюбуа в самый

день митинга, то есть на другой день моего пребывания в Париже. Он выразил сочувствие проекту, обещал свое содействие, прибавив в заключение, что проект, вероятно, не встретит сильного противодействия в Совете министров, хотя, конечно, он не может ручаться и так далее, и так далее.

Сообщив мне о результатах свидания, патрон прибавил:

— Вот что, дорогой мой, дело Кеога я беру на себя. В возне с официальным миром вы не можете быть полезны. Но у меня имеется в виду предприятие, которое займет дня три, — предприятие самое необычайное, дерзкое и, не стану скрывать, самое рискованное, какое когда-либо предпринималось. Более подходящего человека, чем вы, я не знаю...

— Куда же вы собираетесь меня командировать, патрон?

— В такое место, где еще не бывал ни один из ваших собратьев-журналистов.

— Куда же?.. В пекло, в тартарары?..

— Ну, там-то, пожалуй, нет недостатка в журналистах... Но туда мы всегда успеем попасть... Нет, место, о котором я говорю, ближе и прохладнее. Я намерен отправить вас на дно моря...

— Ну что ж! С удовольствием... Прогулка интересная. Вернемся через три дня?

— Относительно возвращения должен вас предупредить, друг мой, и уже совершенно серьезно, что предприятие по своей рискованности стоит попытки пробраться в ад. Дело идет об

экспедиции во вражескую страну — подводной экспедиции маленького отряда войск совершенно нового типа. Оставаясь незамеченным, этот маленький отряд должен совершить большие дела. Вопрос в том, удастся ли ему избежать влияния противника. Только наша газета будет иметь в нем представителя. Воображаю, какое впечатление произведет статья об успехе предприятия... Какая слава для нашего отечества!.. Какой тираж!.. Конечно, такая статья заслуживает особого вознаграждения. Я уже послал в контору ордер на пятьдесят тысяч франков. Если нужен аванс...

Этот человек был замечательно красноречив. Я еще не слышал оратора, который бы умел находить такие убедительные аргументы.

— Патрон, — сказал я, — плох тот военный корреспондент, который отступает перед опасностями. Ведь и экспедиция на «Монгольфье» грозила опасностью. Мы не нашли немецкой эскадры, но если бы нашли... Недаром же покойный аэрадмирал назвал себя и своих солдат обреченными. Словом, я согласен!

— Я был уверен в этом... Обедайте сегодня со мной. Мой шурин, Марсель Дюшмен, морской офицер, участник экспедиции, уполномочен сообщить нам — разумеется под условием соблюдения тайны — подробности экспедиции, которые хранятся пока в секрете.

Марсель Дюшмен, с которым патрон познакомил меня за обедом, был молодой человек, стройный, темно-русый, с застенчивой улыбкой,

с кротким взглядом нежно-голубых глаз. Но с первых же минут знакомства я почувствовал, что он обладает сердцем героя. Природа любит такие контрасты.

Он сообщил нам следующее.

В течение нескольких лет адмирал Лелу готовлял в величайшей тайне новый тип войска «людей-крабов», или просто «подводных», как они были названы. Задачей их было уничтожение при помощи плутонита надводных и подводных судов всякого рода, стоявших близ берегов или в гаванях. Костюм, который они надевали, походил на обыкновенный водолазный — с той разницей, что он не нуждался в доставке воздуха извне, по трубке. Атмосфера, окружавшая подводного солдата в его герметически замкнутом костюме, не портилась: выдыхаемая углекислота захватывалась приспособленным к костюму аппаратом, в котором она разлагалась, освобождая кислород: таким образом, состав воздуха оставался постоянным. Благодаря этому приспособлению водолаз, раньше как бы привязанный к поверхности моря, теперь освобождался.

— Вам известно, господа, — продолжал Дюшмен, — что английский флот господствует в Канале* и на Северном море. Германия ограничивается обороной берегов и не рискует вступить в бой с несомненно сильнейшим противником. Тем не менее она готовит высадку в Англию. Мы

* Английский канал, или пролив Ла Манш.

получили об этом вполне точные сведения через лазутчиков. Эскадра аэрокаров, которой еще никто не видел, но которая, конечно, существует (маленькая эскадра, разрушившая Гаагу, была только отрядом разведчиков) на равнинах Шлезвиг-вига или, быть может, на Гельголанде, должна перенести в Англию отряд в двадцать тысяч человек. Но в связи с этой воздушной предположена и морская экспедиция. В устье Эльбы, под охраной пяти броненосцев в двадцать шесть тысяч тонн каждый, строятся пятьсот плоскодонных судов, каждое из которых, в свою очередь, рассчитано на двести человек. Считайте, сколько это составит...

— Сто тысяч человек, — живо подхватил господин Дюбуа.

— На буксире у торговых пароходов они рассчитывают пробраться в Англию в тумане, который в это время года сгущается до полной непроходимости. В таком тумане английские гиганты, дредноуты и крейсера, осуждены на неподвижность. И под его охраной немцы надеются пробраться в Англию. Но мы намерены предупредить их. Сегодня вечером отряд из ста двадцати «людей-крабов» отправляется в устья Эльбы на подводном судне «Разведчик» и там уничтожит броненосцы...

— Черт возьми, — вырвалось у меня, — но в устье Эльбы подводных судов, охраняющих германские берега, должно быть как песку морского...

— Да, конечно, но мы рассчитываем на неожиданность. Видите ли, потом, когда результаты нашей экспедиции обнаружатся, будут, конечно, выработаны и приняты всевозможные меры против таких сюрпризов. Но теперь никому и в голову не придет мысль о возможности подобного предприятия. Нам доподлинно известно, что этот тип подводного войска совершенно новый, что нам удалось сохранить тайну. Дня через два-три она перестанет быть тайной — потому-то адмирал Лелу и принимает вас в отряд, — но пока никто не подозревает о ней. В этом наша сила.

Отправляясь обедать к Дюбуа, я простился со своими и явился к нему готовым к отъезду. Он проводил нас с господином Дюшменом на вокзал, где мы простились с ним, не без подавленного волнения.

К ночи мы уже были в Дюнкирхене, где стоял наш подводный «Разведчик». Господин Дюшмен познакомил меня с начальником отряда «подводных» Шарлем Реальмоном, братом того офицера, с которым я познакомился в Монбланском арсенале, и с командиром «Разведчика» лейтенантом Берже. Когда мы явились на судно, все уже было готово к отъезду и вскоре мы тронулись в путь.

Мы сидели в отделении командира. Не спуская глаз со своих приборов, он прислушивался к какому-то таинственному голосу, исходившему из металлической трубки и указывавшему путь. Отдельные фразы вроде: — «Это огни Остенде!..»

«Я вижу маяк» и тому подобные — поразили меня. Стало быть, он получает сигналы с поверхности моря?

— С кем он разговаривает? — спросил я вполголоса у моего соседа.

— С воздушным шаром, — ответил Марсель Дюшмен.

Заметив мой изумленный взгляд, он засмеялся и объяснил мне, что ночью «Разведчик» пользуется услугами привязного воздушного шара. «Это не представляет опасности, — прибавил он, — ввиду темноты и того обстоятельства, что эта часть моря занята дружественным флотом. Днем, во всяком случае, шар опоражнивается и убирается, так как он слишком заметен; но по ночам он значительно облегчает нам движение. Указания передаются по телефонной проволоке. Мы, в свою очередь, передвигаем его туда же, куда сами движемся. Словом, мы странным образом воспроизводим старую басню о безногом и слепом».

В эту минуту снова раздался голос из трубки — но уже другой, не тот, что говорил раньше.

Боже мой! Но ведь я знаю этот голос, я уже слышал его!..

Передо мной всплыла картина «Монгольфье», озаренного снизу багровым заревом пожара, сверху белым светом прожекторов «Сириуса»... Грохот взрыва, сноп пламени, вопли погибающих — и моя, моя рука повинна в этом!..

— Что с вами? Вам дурно? — с беспокойством спросил Дюшмен.

— Кто у вас там, на шаре? — с трудом проговорил я.

— Один из наших офицеров и уполномоченный главного штаба английской армии, поручик Том Дэвис... Да, да, понимаю ваше изумление, ведь вы же сообщали в «2000 годе», что поручик Дэвис погиб вместе с Рапо и экипажем «Монгольфье» от бомбы Джима Кеога! Нет, он спасся истинным чудом... Скоро он явится к нам.

Не могу выразить охватившей меня радости. Я с трудом подавлял свое нетерпение. Я мог бы, конечно, попросить лейтенанта Верже позволить мне переговорить с Дэвисом по телефону, но это значило бы отрывать людей от дела. Между тем плавание при таких условиях требовало постоянного внимания. Итак, я решил ждать утра.

Наконец я услышал распоряжение о подъеме судна.

— Мы выйдем на поверхность, — заметил Марсель Дюшмен. — Пора убрать шар.

Это заняло немного времени. В одну минуту шар был опорожнен, принят на судно и мы тотчас же опустились на двенадцать метров глубины. Спустя минуту Том Дэвис вошел в наше отделение.

Я поднялся ему навстречу. Глаза наши встретились. Он пристально посмотрел на меня, но, видимо, не поверил глазам, думая, что обманут случайным сходством. Я молча, с улыбкой смотрел на него. Он взглянул еще раз и бросился ко мне, протягивая обе руки.

— Вы, дорогой друг! Вы здесь? Здесь? Живой! Целый и невредимый!

Я мог только повторить то же самое, с волнением пожимая ему руки.

— А вы, милый? Вы тоже здесь? Вы, которого я считал убитым гранатой Джима Кеога!

Но имя авантюриста, по-видимому, ничего не сказало молодому офицеру; тогда я назвал другое — и лицо его просияло.

— Мисс Ада еще третьего дня ничего не знала о вашем чудесном спасении; очевидно, вы были лишены возможности ее уведомить. Если бы вы знали, как она горевала! Надеюсь, теперь она уже получила известие.

— Только вчера я получил возможность известить ее.

— Расскажите же мне, как вы спаслись!

Мы уселись, и Том Дэвис поведал мне историю своих приключений.

— В момент взрыва «Монгольфье» я находился в задней части аэрокара. Вы понимаете, я не мог сообразить, что происходит. Я слышал только страшный треск, крики, вопли и почувствовал, что лечу в бездну. Машинально я уцепился за какую-то веревку. Мне предстояло сгореть живьем в пылавшем городе, как вдруг падение замедлилось. Огромный лоскут аэрокара с частью оснастки развернулся, образовав парашют; сильный ветер подхватил его и понес к северо-западу. Я видел, что мы быстро удаляемся от города; подо мной проносились деревни,

местечки; двадцать раз мне казалось, что я падаю, но всякий раз ветер снова подхватывал парашют, и мы неслись дальше. Разумеется, я должен был в конце концов упасть; я висел на руках и не мог бы выдержать этого положения долго. Через час у меня уже не хватало силы, я готов был разжать пальцы, но случай помог мне. Парашют мой двигался не по прямой линии, а скорее исполинскими скачками, то опускаясь к земле, то меняя форму и принимая восходящее направление. Во время одного из таких спусков вниз он задел за верхушку дерева. Этот толчок приблизил ко мне остаток оснастки и я мог упереться в нее ногами. Какое блаженство! Теперь я мог, придерживаясь одной рукой, дать отдохнуть другой. Так мчался я всю ночь. На рассвете я измерил глазами высоту, отделявшую меня от земли, и убедился, что она ничтожна. Я падал — да, на этот раз я действительно падал, но так тихо, что самый искусный пилот не сумел бы лучше спустить свой аэрокар.

— Куда же вы упали?

— В болото, в огромное болото. Прибежали крестьяне и помогли мне выбраться из него на челноке. Я только что перелетел — о счастье! — голландскую границу и спустился на землю или, лучше сказать, на воду — черную, мутную, полужидкую воду торфяного болота. Я оказался в Лимбурге. Приняли меня гостеприимно. Добравшись до Вреды — это было третьего дня, — я запросил свое правительство

об инструкциях и получил приказание присоединиться к этой экспедиции. Приехав вчера в Дюнкирхен, я явился к лейтенанту Берже, а затем телеграфировал в Париж и Гаагу о своем спасении лицам, которых вы знаете, дорогой друг. Вот вам мои похождения. Расскажите же теперь о ваших.

Он не читал газет за последние дни, и мне пришлось рассказать ему все мое приключение с Джимом Кеогом, которое крайне поразило его. Несколько раз он задумчиво повторил:

— Мы, во что бы то ни стало, должны завладеть этим аппаратом.

Мы подвигались вперед медленно и осторожно, а я коротал время, изучая правила подводной службы, сигнализацию, употребление различных орудий и прочее.

К ночи мы находились в пятидесяти милях от Гельгоlanda. Шар снова был наполнен водородом и Том Дэвис с поручиком Шукэ заняли места в его корзине. Теперь мы были уже в немецкой части Северного моря. Требовалась крайняя осторожность. Темнота и туман делали шар неприметным, но между Гельголандом и Куксга-венном сновали миноносцы и наши путеводители замечали полосы света от прожекторов.

— Если мы попадем в полосу света, — сказал по телефону Шукэ, — отвязывайте канат. Таким образом, ты сосредоточишь на себе внимание неприятеля — иначе же можем выдать ваше присутствие. Том Дэвис согласен со мной.

За нас не бойтесь, ветер с юга, и мы полетим в Норвегию.

Немного погодя снова раздался его голос:

— Так и есть; попались.

— Что случилось?

— Мы открыты. Три прожектора освещают нас. Режьте канат. До свидания!

— Счастливый путь, друзья! Мужайтесь. — Раздался визг стальной пилы — и шар был отпущен на свободу.

Возможность подобного случая предвиделась заранее, так что участники экспедиции не были смущены. Тем не менее всем было грустно расставаться с товарищами.

— Что-то с ними станется? — сказал я Дюшмену.

— О, вряд ли им грозит серьезная опасность. Вероятно, на рассвете их подберет какое-нибудь из пятисот английских военных судов, сосредоточенных в Северном и Балтийском морях.

Вскоре, однако, мое внимание было поглощено нашим положением. Мы находились перед устьем Эльбы на линии движения подводных судов между Куксгаветом и Гельголандом. Спустившись на глубину тринадцати метров, господин Берже смело направился в устье. Мы не опасались встречных подводных судов; хотя движение здесь оживленное, но они держались гораздо ближе к поверхности и вряд ли могли нас заметить. Правда, микрофоны, размещенные вдоль берегов, в арсеналах, на сторожевых

постах должны были уловить шум нашего винта — но кто мог думать, что это винт французского судна? Сама дерзость нашего предприятия сулила успех.

Нам предстояло пройти четыре или пять миль по реке, на глубине тринадцати метров, оставшись незамеченными.

Это удалось.

Было три часа утра, когда мотор перестал действовать. Мы остановились на расстоянии какого-нибудь метра от дна реки, в заранее намеченном по карте месте.

Глава VI

ТРАГЕДИЯ ПОД ВОДОЙ

Подводный поход. Уничтожение минных заграждений. Встреча с подводным судном. Его гибель. Взрыв броненосцев. Без вести пропавшие. Возвращение «Разведчика».

Мы приготовились к походу. Наше крошечное войско было разделено на одиннадцать отрядов, в каждом по десяти человек под командой офицера и унтер-офицера. Я присоединился к отряду Марсея Дюшмена. Мы должны были отправиться после всех, в половине пятого.

Я без особых затруднений облачился в водолазный костюм. Удельный вес его был рассчитан так, чтобы «подводный» мог сохранять равновесие и свободу движений, имея при себе весь запас инструментов, плутонита и прочего, на глубине четырнадцати-пятнадцати метров. Для этого главным образом служили тяжелые свинцовые подошвы и пояс с подвешенными к нему гирьками. Трудновато было двигаться с таким грузом внутри судна; мне казалось, что я не в состоянии

буду переставлять ноги; но я вспомнил, что в воде этот груз будет почти неощутим.

К поясу были подвешены инструменты: нож, топор, клещи, сигнальный звонок, электрическая лампочка с маленькой батареей и прерывателем, компас и два заряда плутонита, по десять килограммов каждый.

На спине помещался довольно большой металлический ящик с краном. Назначение его заключалось в восстановлении равновесия в случае потери орудий и после укладки плутонита под суда. В ящик впускалась вода и таким образом компенсировалась потеря веса.

Люди каждого отряда были соединены веревкой, которая прицеплялась к поясу посредством небольшой петли. Распоряжения передавались жестами: левая рука, поднятая кверху, означала «Вперед!», распростертые руки — «Подайся назад!» и так далее. Для сообщения между отрядами служили звонки и сигналы лампочками.

Когда все были готовы, начальник этого маленького войска господин Реальмон сказал солдатам несколько слов перед отправкой.

Он напомнил сначала порядок действия, заставил повторить главные сигналы, а затем произнес:

— Теперь я сообщу вам, в чем именно заключается ваша задача. Над нашими головами, в полумиле отсюда, стоят пять броненосцев по двадцать шесть тысяч тонн: «Бисмарк», «Фридрих», «Германская Империя», «Садова» и «Седан» —

крупнейшие суда германского флота. Мы должны взорвать их.

Мы положим под ними плутонит — на каждый броненосец от двух отрядов, следовательно, по двести сорок килограмм. Такое количество сильнейшего из всех взрывчатых веществ, заложенное на расстоянии трех метров от киля, превратит в груды обломков любой броненосец, хотя бы еще большей вместимости.

Это наша главная задача. Но есть и другие. Мы должны обезвредить торпеды, заложенные на дне реки, — всего три ряда. Затем уничтожить подводное электрическое освещение, перерезав питающие его кабели. Мы займемся этим по пути к броненосцам. Кабели подводного освещения нам нетрудно будет найти; положение торпед мы знаем благодаря английским шпионам. Итак, вперед! Соблюдайте тишину, как можно реже прибегайте к звонкам и световым сигналам. Теперь — за дело, друзья! Да здравствует Франция! Да здравствует Республика!

Затем мы спустились, отряд за отрядом, в подвижной механизм, приспособленный для высадки из судна, и вскоре я стоял на дне реки.

В первую минуту я почти ничего не мог различить вокруг. Силуэты ближайших спутников чуть-чуть выделялись в окружающем мраке. Затем глаза мои стали привыкать к темноте, но вскоре это оказалось излишним. Пройдя шагов полтора по направлению к середине реки, мы заметили свет, который постепенно усиливался.

Вскоре мы шли в мягком сумеречном сиянии среди водорослей и рыб, испуганно сновавших вокруг нас. Это было электрическое освещение; вдоль реки были расставлены в погруженных на дно баках сильные электрические лампы. Мы нашли два кабеля, но не остановились перерезать их; очевидно, наш командир решил сделать это позднее, а пока воспользоваться светом.

Затем мы встретили первую линию торпед. Они были заложены поперек реки и соединены проволокой. В случае надобности с берега можно было по первому сигналу взорвать целый ряд, вероятно несколько десятков, пустив по проводу ток. Но прошла минута — и они были обезврежены. Клещи были пущены в ход и проволока перерезана.

Покончив с этой задачей, мы двинулись дальше, по-прежнему выстроившись в линию.

Я гораздо быстрее освоился с подводным странствием, чем рассчитывал. Правда, костюм был удивительно приспособлен к этому способу передвижения. Система металлических пружин и сочленений, необыкновенно упругих и прочных, вделанных в ткань костюма, совершенно устраняла давление, от которого так страдают водолазы. Атмосфера внутри костюма оставалась свежей и чистой, движения были достаточно легки и свободны. Несколько затруднял ил на дне реки, но грунт, состоявший главным образом из песка и галек, был достаточно плотен, и нога вязла неглубоко.

Спустя некоторое время снова был дан сигнал «стой!» и передовой отряд перерезал проволоку второй линии торпед.

Снова двинулись вперед. Но вот опять сигнал остановки, затем другой, по которому мы бросились в сторону от полосы света, направлявшейся нам навстречу, и припали на дно. В то же мгновение кабели подводного освещения были перерезаны людьми моего отряда и дно реки оделось мраком.

Впрочем, неполным мраком... На некотором расстоянии перед нами я различал темную массу — по-видимому, подводное судно с четырьмя огромными, в форме чечевиц, стеклянными окнами, за которыми четыре прожектора посылали в темные воды реки снопы голубоватого света.

Что это за судно? Откуда оно взялось? Я никогда еще не слыхал о подводных судах такого типа.

Впоследствии я узнал, что они были выстроены немцами наспех перед самым началом войны: одно для Эльбы, другое для Везера, третье для Одера.

Вероятно, как ни строго хранил адмирал Лелу тайну своих приготовлений, но глухие слухи о каких-то подводных затеях дошли до немецких ушей и вызвали эту меру предосторожности на всякий случай. Конечно, она могла бы оказаться очень действенной, если бы этот подводный сторож встретил не наш отряд, а нашего

«Разведчика», когда тот входил в устье реки. Однако этого не случилось — и судьба немецкого сторожевого судна была решена.

Лишь только он поравнялся с нами, я услышал звонок — сигнал атаки.

Что подумали люди, закупоренные там, за этими стеклами, когда мы ринулись на них, точно банда дикарей?!

Багры и топоры были пущены в ход; в одно мгновение винт был изломан, руль превратился в обломки. Внутри слышались крики, мотор продолжал пытеть; видно, команда подводного судна пыталась подняться наверх... Но лишенное винта и руля судно было беспомощно, оно подалось вниз и, сильно качнувшись на бок, опустилось на дно. Удары наших топоров обрушились на окна, стекла разлетелись, вода хлынула внутрь, выдавливая воздух огромными пузырями. Шум и крики внутри продолжались; я слышал, как начальник крикнул: — «Взрывай все!»...

«Черт побери, — подумал я, — видно, не уйти живым из этой бездны. Если они взорвут судно, несдобровать и нам».

Но было уже поздно. Вода, хлынувшая внутрь, вероятно, наполнила крюйт-камеру; по крайней мере, взрыва не последовало. Судно окончательно повернулось на бок и село на дно. Мы продолжали работать над ним, превращая в никуда не годный остов. Внутри все еще слышался шум, но мало-помалу он затих; несчастные захлебнулись

в воде или задохнулись в спертom воздухе. Наши багры вытащили двоих уже мертвыми...

Покончив с судном, мы направились дальше, к нашей главной цели.

По пути нам удалась еще одна полезная операция: мы перерезали кабель, обслуживавший линию сигнальных колоколов, указывавших фарватер Эльбы. Теперь, когда они перестали действовать, целый флот мог потерпеть крушение на ее песчаных отмелях.

Наконец, после четвертьчасовой ходьбы, мы добрались до цели. Мы стояли под килем огромного броненосца, одного из пяти гигантских судов, которыми Германия справедливо гордилась, хотя Англия обладала и более крупными. Он находился на высоте двух метров над нашими головами.

Мы принялись за дело, не теряя времени. Два отряда — в том числе и мой — были оставлены у первого броненосца, остальные отправились дальше. Броненосцы стояли рядом, приблизительно на расстоянии двухсот метров друг от друга. Решено было, что взрывы начнутся с последнего, так что времени у нас было достаточно.

Мы поместили наши заряды плутонита в кружок под самым килем; офицер приладил к ним провода, связавшие их в один заряд; затем, постепенно разворачивая проволоку, он отошел на сто метров от броненосца — мы следовали за ним и здесь остановились. Один конец проволоки он соединил с полюсом маленькой батареи в футляре, другой оставил пока свободным.

Мы стали ждать. Кругом царил полумрак. На расстоянии ста метров судно рисовалось неясной темной массой. Царила глубокая тишина. Моя мысль невольно уносилась в редакцию, к газете. То-то будет статья! Первая полоса, несомненно! Что мы тут натворили! Испортили два торпедных заграждения, линию подводного освещения, линию сигнальных колоколов, уничтожили подводное судно совершенно нового типа — недурно! А теперь — пять исполинских броненосцев!.. И все это — в какие-нибудь час, другой, в самом центре неприятельского лагеря, даже не в берлоге, а, можно сказать, в пасти львиной, среди сторожевых судов, охранных постов! Если за путешествие на «Сириусе» меня называли полоумным, то что скажут теперь! Я представлял себе патрона, мне казалось, я слышу его восклицания: «Да здравствует Франция! Какой тираж! Пятнадцать миллионов номеров!»

Потом мои раздумья приняли другое направление. Сколько тысяч человек на этих пяти гигантах? Что будет с ними спустя пять или десять минут?.. Но я отогнал от себя эти мысли...

Но вот вправо от нас, далеко впереди, раздался грохот взрыва, за ним другой, третий, четвертый... Вода кругом заволновалась. Я с трудом удержался на ногах. Наш офицер замкнул ток. Последовал еще более страшный, более близкий, взрыв. Меня так и метнуло в сторону; веревка, соединявшая меня с остальными, соскочила с пояса; я шлепнулся навзничь, перевернулся

несколько раз, инстинктивно хватаясь руками за водоросли и ил, чувствуя, что меня швыряет туда и сюда, кружит, вертит, куда-то уносит... Наконец, судорожно уцепившись за камень на дне, я остановился. Вода понемногу успокоилась. Я поднялся на ноги, ошеломленный, плохо соображая, в чем дело.

Мало-помалу, однако, я опомнился. Ощупал себя — жив несомненно; и кажется, цел и невредим. Но где же остальные? Очевидно, их разметала в разные стороны разбушевавшаяся вода. Я вглядывался в полумрак, но ничего не видел перед собой, кроме трупов, медленно уносившихся течением. Это были погибшие при взрыве немецкие моряки. Бесконечной процессией тянулись они передо мной, десятками, сотнями... Но тщетно я старался различить на дне своих товарищей...

На мгновение мною овладело отчаяние. Я готов был считать себя погибшим. Но когда мысли мои пришли в порядок, я сообразил, что в случае крайности и один могу добраться до «Разведчика». Ориентироваться было нетрудно. Я вспомнил также о сигнальных аппаратах и немедленно пустил в ход электрическую лампочку. В ответ блеснул огонек шагах в пятидесяти. Немного погодя я, к великой своей радости, сошелся с офицером нашего отряда Марселем Дюшменом.

Мы принялись за розыски остального отряда, но тщетно. Ничего кроме трупов, трупов, трупов — очевидно их были тысячи — не попадалось

нам навстречу. Так как подобный случай предвиделся, заранее решено было, что разбредшиеся участники экспедиции, если им не удастся найти друг друга, возвращаются на судно каждый сам по себе — и после довольно продолжительных поисков, оставшихся безрезультатными, мы решили вернуться.

Мы прошли около двух километров — расстояние, отделявшее броненосцы от стоянки «Разведчика» — вниз по течению, сопровождаемые и перегоняемые трупными, все также безмолвно плывшими по реке; затем направились к берегу, всматриваясь в подводный сумрак. Было уже утро, в нашем подводном царстве оно казалось сумерками; глаза, привыкшие к этому полусвету, различали крупные предметы на значительном расстоянии. По дороге мы нагнали нескольких товарищей из разных отрядов и вскоре огромная темная масса «Разведчика» показалась перед нами.

Была уже половина восьмого, когда мы явились на судно — первые из отряда. Нас ожидали с нетерпением, с беспокойством.

За нами стали подходить и остальные товарищи — спустя полчаса собрались уже все, кроме двух отрядов, находившихся под командой начальника экспедиции капитана Реальмона.

Мы долго не хотели верить в их гибель. Но прошло еще полчаса, три четверти, час... Сомнения исчезали, тяжелая уверенность овладевала всеми. Невозможно было сомневаться. Отсутствие их

могло быть объяснено только гибелью. Офицеры перебирали различные возможности; наиболее вероятным казалось предположение, что взрыв первого броненосца вызвал в свою очередь взрыв третьей, не найденной нами, линии торпед, оказавшейся поблизости, и что этот последний взрыв погубил наших товарищей.

Между тем необходимо было принять решение. Мы не могли оставаться здесь неопределенно долгое время. Сейчас внимание неприятеля сосредоточено на месте гибели броненосцев, но поиски могут распространиться на все устье.

На случай своей гибели, оставил капитану Берже инструкцию в запечатанном пакете. Капитан пригласил в свое отделение господина Брамето, старшего офицера после Реальмона, и вместе с ним ознакомился с инструкцией. Затем он вышел к отряду.

— Господа, — сказал он, — я прочту вам инструкцию капитана Реальмона. Вот его требование:

«Если я не вернусь спустя два часа после взрыва, считайте меня погибшим, равно как и всех, кто не вернется за это время. Не ждите дольше, а отправляйтесь в обратный путь. В тридцати милях к западу от Гельгоlanda вы встретите эскадру английских минных крейсеров, которой поручено сопровождать вас до встречи с французским флотом. Прошу г. Брамето, моего заместителя, обсудить со всеми вами, господа, и с начальником английской эскадры, не окажется ли

возможным пустить ко дну несколько германских пароходов в Кильском канале. Если эта, вторая, операция удастся, то постройку плоскодонных судов, вероятно, придется приостановить, и я думаю, что наше вмешательство убьет в зародыше германскую экспедицию в Англию».

Было уже четверть десятого. Со времени взрыва прошло почти три часа. Оставалось только исполнить приказание нашего предводителя.

Капитан Берже распорядился отъездом. Гробовое молчание царствовало на судне. Очевидно, наши товарищи погибли, но все же сомнения мучили нас. А что если они живы? Что если через десять минут — четверть, полчасика они вернутся, не найдут судна и будут тщетно искать его — брошенные своими товарищами на дне реки!

Между тем «Разведчик» двигался, оставаясь над самым дном реки. Мы благополучно выбрались из устья. К половине двенадцатого, когда мы должны были находиться за тридцать миль к западу от Гельгоlanda, капитан Берже решил подняться наверх. На расстоянии полумили от нас оказалась эскадра из шести минных крейсеров под английским флагом.

Моя задача была завершена, и я простился с товарищами по экспедиции, так любезно принявшими меня в свою среду, и пересел на быстроходный крейсер «Корнивалл», который должен был отделиться от эскадры и плыть в Дюнкирхен.

Спустя пять часов я был уже в этом городе. Здесь я прочел телеграммы о гибели пяти

германских броненосцев, «взорванных французскими водолазами, пробравшимися в устье Эльбы». Об этом свидетельствовали двадцать три трупа, найденные около полудня. «Без сомнения, эти люди погибли при взрыве линии подводных торпед, — прибавляла телеграмма, — немногие из них были искалечены, большинство же захлебнулись вследствие разрыва водолазных костюмов».

Электрический поезд из Дюнкирхена отходил в 8 часов. Еще до полуночи я был в редакции. Тут меня усадили в отдельной комнате, где я написал статью в шесть столбцов, под охраной двух сторожей, стоявших перед дверью и не допускавших ко мне никого. Таково было распоряжение патрона, который и сам не заглянул ко мне, пока статья не была кончена.

О колоссальном тираже на следующий день и говорить нечего. За номер «2000 года» платили франк. Наши машины не успевали удовлетворять требования публики и запросы из других городов.

Глава VII ОСАДА ЛОНДОНА

*Канцелярская волокита. Постановление
Конгресса. Поездка в Берн. Опоздание на
три минуты. «Сириус» продан Германии.
Волнение в Париже. Мое обещание.
В Лондоне. «Город кротов».*

Пока мы совершали подводный поход в Германию, господин Мартон Дюбуа, со свойственной ему энергией, но с гораздо меньшим успехом подвизался в своем сухопутном походе по канцеляриям и приемным министров.

— Ах, друг мой, — простонал он в ответ на мой вопрос, как обстоит дело с покупкой «Сириуса», — что за администрация в нашей Франции! Какие канцелярские лабиринты! Какое ненужное бумагомаранье! Смерть!.. А служебные честолюбия, *jalousie de metier*!. Вы только представьте себе — все ведомство авиации против нас. «Аэрокар Рапо — последнее слово техники»,

* Профессиональная зависть (*фр.*).

и кончен бал! Все остальное — химеры или шарлатанство...

Если бы законопроект об ассигновании двадцати миллионов франков на покупку изобретения Кеога удалось провести обычным порядком, то нам не о чем было бы беспокоиться. Настроение народных представителей было нам известно; в парламенте проект прошел бы подавляющим большинством голосов.

Но обычный порядок означал передачу в комиссию, последовательное обсуждение в палате депутатов и сенате и так далее — процедуру, требовавшую по крайней мере месяца. А в нашем распоряжении, считая со дня моего возвращения в Париж, была всего неделя. Необходимо было сократить процедуру и провести закон ускоренным способом.

Давление общественного мнения, народное возбуждение, прорывавшееся все более и более внушительными демонстрациями, сделали свое дело, но все-таки заседание Конгресса состоялось только двадцать девятого сентября. Как мы и предполагали, законопроект прошел подавляющим большинством голосов. Президент выдал господину Дюбуа официальное удостоверение; патрон решил отправиться вместе со мною в Берн и, в случае надобности, выдать Кеогу задаток в миллион франков из собственных средств. Поезд в Берн отходил в одиннадцать часов; на всякий случай я послал Кеогу телеграмму о постановлении Конгресса.

Мы должны были прибыть в Берн в девять часов утра тридцатого сентября, то есть за три часа до истечения назначенного срока. По-видимому, нельзя было сомневаться в благополучном окончании дела, но на этот раз судьба оказалась решительно против нас. С самого начала войны в пограничных местностях участились случаи порчи железнодорожных путей; у нас немецкими, а в Германии — французскими шпионами. Приходилось двигаться с особенной осторожностью, и наш поезд прибыл в Понтарлье с опозданием на полтора часа. Здесь он остановился, дальше путь оказался испорченным.

Нам пришлось пешком перейти швейцарскую границу и, когда мы явились на станцию, поезд уже ушел. После долгих хлопот и переговоров с начальником станции Мартен Дюбуа получил экстренный поезд и мы отправились. Но неудачи преследовали нас. В половине одиннадцатого, на станции Биенна, последней перед Берном, наш поезд был задержан какой-то путаницей в движении; нам заявили, что раньше двадцати минут или получаса он не может тронуться дальше. Мы попытались найти автомобиль, но их не оказалось и нам пришлось отправиться в город архаическим способом — на лошади! Пробило двенадцать, когда мы въехали в Берн. Возница, поощряемый обещаниями прибавки, гнал во весь дух свою клячу, и спустя три минуты мы подлетели к главному почтамту.

— Вот наш американец, — сказал я патрону. Действительно, из почтамта выходил Кеог в

сопровождении какого-то незнакомца, с рыжеватыми, вздернутыми усами.

Я обратился к бандиту:

— Нас задержала порча железнодорожного пути. Впрочем, мы явились всего на три минуты позже срока. Надеюсь, условие остается в силе...

— Напрасно надеетесь, — холодно ответил американец. — Если бы явились на три минуты раньше срока, оно оставалось бы в силе, но вы опоздали на три минуты.

— Опоздали, сударь, — подхватил его спутник, тоже по-английски, но с сильным немецким акцентом.

— Как опоздал? Да вы-то чего путаетесь, сударь? Я не с вами говорю. Я обращаюсь к господину Джиму Кеогу и спрашиваю его, неужели он воспользуется таким ничтожным опозданием...

— Разумеется, воспользуется, — с усмешкой перебил меня Кеог. — Зачем он будет вам дарить это опоздание? Оно стоит пять миллионов франков... Не дождавшись вас к двенадцати часам, я продал свое изобретение вот этому господину, германскому уполномоченному, за двадцать миллионов марок*. Контракт подписан в двенадцать часов и одну минуту.

— Но вы получили мою телеграмму?

— Никакой телеграммы я не получал.

Я с отчаянием взглянул на господина Дюбуа. Бешенство душило меня. Без сомнения, он врал,

* Немецкая марка равна одному франку с четвертью.

этот Кеог. А может быть, наши соперники из «3000 года»... Эти люди способны на все...

Ненависть к этому человеку, которую я подавлял до сих пор, заставляла меня сжимать кулаки. Быть может, я бросился бы на него, но господин Дюбуа, заметив мое состояние, взял меня под руку.

— Полноте, идемте, — сказал он. — Теперь уже ничего не поделаешь. Ах, канцелярия, рутина, волокита... дорого они обойдутся Франции!

Отправив в Париж две телеграммы, одну — в «2000 год», другую председателю Совета министров с извещением о постигшей нас неудаче, патрон заказал экстренный поезд и спустя несколько часов мы были в Париже.

На вокзале нас встретил Кокэ, один из моих помощников; он сообщил, в числе прочих новостей, что нашему подводному судну «Разведчик», удалось закупорить Кильский канал, пустив ко дну несколько германских пароходов. Таким образом, целая эскадра германских броненосных крейсеров оказалась в плену, надолго лишенная возможности выбраться из гавани. Но этот успех был куплен дорогой ценой: «Разведчик», взорванный немецким миноносцем, погиб со всем своим экипажем.

— А «люди-крабы»? — спросил я с беспокойством.

— Целы и невредимы. Они перешли на английский крейсер, так как в этой экспедиции им нечего было делать...

— А здесь что творится? — спросил господин Дюбуа, когда мы уселись в автомобиль и двинулись в редакцию. — Почему такая масса полиции, какое-то возбуждение на улицах?

— О, возбуждение... чуть ли не восстание! — отвечал Кокэ. — Дополнение к «2000 году» с вашей телеграммой взбудоражило весь Париж. Были уже столкновения с полицией... Есть убитые и раненые...

— Неужели? Чего же требует население?

— Смены министерства, отставки президента. Кричат, что это правительство предало Францию, что оно состоит из изменников и олухов, что его надо убрать...

— Вот как! Таково влияние нашей газеты... Но мы, люди порядка, не можем сочувствовать подобному движению. Надо действовать на легальной почве. Притом же теперь не время для переворотов. Отечество в опасности. Да, «2000 год» — большая сила. Конечно, народом руководит патриотическое чувство. Но... не время! Теперь наша газета самая влиятельная во Франции...

Между тем нас узнали. Мигом громадная толпа окружила наш автомобиль. Раздались такие оглушительные крики, что я боялся за целостность своих барабанных перепонок. Нас приветствовали с восторгом, но настроение толпы внушало тревогу. Слышались крики: «Долой правительство!», «В Елисейский дворец!» и тому подобные. В одном месте толпа сцепилась с отрядом

полицейских. Мы слышали выстрелы. Наконец, автомобиль остановился у редакции «2000 года». Мы поднялись на террасу. Толпа не расходилась, она росла, крики становились все грознее и яростнее. По-видимому, люди ждали, что мы поведем или направим ее на правительство.

Патрон был в затруднении. Гордость влиянием газеты и опасения «человека порядка» отражались на его лице весьма комичной борьбой чувств.

— Публика на нашей стороне! — сказал Кокэ. — Полиции не совладеть с населением, а войска ненадежны. Ведь это общий лозунг — «Республика без бюрократии!» Вон, смотрите, никак уже свалка начинается.

Действительно, отряды полицейских, попытавшиеся было рассеять толпу, были встречены яростными ругательствами и градом камней, раздались даже выстрелы из револьверов...

— Господа, — сказал нам начальник полиции, поднявшийся на террасу, — попытайтесь уговорить толпу. Вы — люди порядка. Быть может, вам удастся предотвратить вспышку, опасную для Республики, опасную для отечества.

В эту минуту у меня мелькнула мысль, овладевшая мной с неотразимой силой.

— Я поговорю с толпой, — ответил я полицейскому. — Надеюсь, мне удастся ее утихомирить.

На террасе нашей редакции имелся фонограф с амплификатором — исполинской трубой, возвещавшей оглушительным голосом содержание

полученных и еще ненапечатанных телеграмм. Этим прибором можно было пользоваться и для разговора с толпой. Вам не приходилось кричать, надрывая горло; вы говорили в приемный аппарат обыкновенным голосом, который выходил из амплификатора громовыми звуками, совершенно отчетливыми, с сохранением интонации. Я сказал:

— Граждане! Я понимаю и разделяю ваше негодование. («Браво!» Потом глубокая тишина.) Но теперь, в разгар войны, перед лицом неприятеля, не время для восстания — да оно и не вернет нам потерянного. Верите ли вы человеку, который осветил и поднял все это дело? («Верим, верим!») Слушайте же, чтобы отнять у врагов преимущество, которое мы сами упустили из рук, нам остается одно: уничтожить этого Джима Кеога с его машиной. («Да! Да! Но как!») Я беру это на себя. («Браво!») Повторяю, я беру это на себя. Дайте мне четыре недели срока; это немного, но я приложу всю свою энергию — и обещаю вам расправиться с бандитом. Это все, что нам нужно. Я ручаюсь, что он не продал секрет своего изобретения; он продал только «Сириус», а за изобретение возьмет не такую сумму, когда его действие выяснится вполне. Но я уничтожу его вместе с «Сириусом» раньше, чем это случится. Даю вам клятву, что сделаю это. («Браво!») Но и вы исполните мое требование: разойдитесь по домам, соблюдайте порядок, уважайте законы. Быть может, наступит минута, когда мне потребуется

ваша помощь. Тогда я позову вас. («Мы придем, все придем!») Теперь же я прошу от вас спокойствия. Я, со своей стороны, беру на себя обязательство. Если спустя четыре недели Джим Кеог не будет еще уничтожен и обезврежен, то это будет значить, что я сам погиб при исполнении этой задачи.

Я, быть может, немножко далеко зашел в своих обещаниях, но события последних дней возбуждали меня. Как бы то ни было, мне удалось успокоить толпу. Понемногу они разошлись и я, поговорив с патроном о своем предприятии, для которого он согласился отдать в мое распоряжение наш аэрокар «Южный», отправился домой спать.

Проснувшись поздно утром — усталость, копившаяся в течение десяти дней, сказалась наконец, и в ту ночь я проспал как убитый более десяти часов, — я первым делом просмотрел газету.

Война, как это ни странно, затягивалась. Пушки гремели всюду, но результаты не складывались во что-нибудь определенное. Громадные усилия делались на суше, на море, в воздухе, но общий ход дел оставался неясным.

Второе сражение между французами и немцами в окрестностях Бельфора завершилось, после пятнадцатичасового артиллерийского боя, результатом, возможность которого техники давно предвидели — у обеих сторон истощились боевые припасы. Наш летучий полк уничтожил транспорт, подвозивший новые запасы немцам,

но и неприятель, смелым обходным движением двух тысяч автомобилей с двадцатью тысячами солдат, успел отрезать наши транспорты. Сражение должно было прекратиться. Генералы обеих армий сочли неблагоприятным пытаться решить бой как в старые времена, холодным оружием, потому что добираться до неприятеля приходилось сквозь чащу колючей проволоки, через волчьи ямы, среди рассеянных повсюду разрывных снарядов.

В Северном море произошел бой между почти равносильными эскадрами, английской и немецкой, не давший решительных результатов. Немцы потеряли семь, англичане — шесть судов.

Обнаруживались уже экономические последствия войны — падение акций и бумаг, банкротства, закрытие фабрик, местами в Германии начался уже настоящий голод. Ее внешняя торговля затормозилась благодаря господству англичан в море. По вычислению наших газет, расходы на войну составляли для Франции около миллиарда франков в неделю, для других стран, конечно, не меньше. Что же будет, если она продлится несколько месяцев? Где взять денег? Заем? Но весь мир охвачен войной — кроме разве таких стран, которые могут быть только должниками, а не кредиторами, как Турция и Китай...

Но всего более поразила меня заметка, озаглавленная: «Осада Лондона». В ней сообщалось, что лондонские власти, в ожидании воздушной осады Лондона двумя тысячами германских

аэрокаров, принимают более серьезные меры для охраны населения, чем опереточные шлемы и щиты парижан. С помощью быстродействующих сверлящих машин новейшего типа вырыты уже сотни километров подземных галерей, в которых жители могут укрываться от разрывных снарядов воздушного флота.

Раздумывая об этих новостях, я вышел из дома. Мне пришло в голову навестить мисс Аду Вандеркуйп. Бедной девушке пришлось пережить в последнее время столько волнений. Два раза она уже считала своего жениха погибшим и два раза он чудом ускользал от катастроф, стоивших жизни его спутникам. Удалось ли ему благополучно выпутаться из своего третьего приключения?

Я застал мисс Аду в самом радостном настроении. Она дала мне прочесть телеграмму Тома Дэвиса из Бергена от двадцать девятого сентября. Он и его спутник лейтенант Шукэ благополучно спустились в лесу, в Норвегии, добрались до Бергена и оттуда намеревались отправиться в Англию.

Здесь я познакомился с господином Франсуа Реальмоном, старшим братом командира «людей-крабов», погибшего в устье Эльбы. Он только что вернулся из Японии, куда был командирован в качестве инструктора аэронавтики. С ним приехали пятеро японцев, намеревавшихся заканчивать свое образование в специальной аэротактической школе в Лондоне. Я заметил, что французские

школы могли бы дать им больше, так как Англия по-прежнему возлагала все надежды на свой грандиозный флот и пренебрегала авиацией; они согласились со мною, но не могли нарушить предписания своего начальства.

Пока мы разговаривали, слуга принес только что появившееся на улицах приложение к «3000 году», нашему сопернику. В нем оказалась действительно сенсационная новость.

«По телефону из Лондона, 1 октября, 3 часа:

Черная Черепаша Джима Кеог появилась над Трафальгар-Сквером.

Неожиданно вынырнув из тумана, она свалила выстрелом из своего орудия статую Нельсона.

Пушки Конногвардейской казармы дали залп, но дьявольский аэрокар исчез так же быстро, как появился. Предполагают, что это только прелюдия к появлению немецких аэрокаров. На бирже паника».

Заметка сопровождалась ядовитым примечанием: «Вот подходящий случай для хвастуна, обещавшего вчера уничтожить Джима Кеога, отправиться искать его в туманах Англии».

«Да, так я и сделаю! — подумал я. — Если действительно германская воздушная эскадра намерена осадить Лондон, то и „Сириус“ будет действовать там же — стало быть, в Париже мне делать нечего».

Я спросил по мегафону нашу редакцию, подтверждается ли сообщение «3000 года». Да, оно оказалось верным. Я узнал больше: Англия

просила немедленной помощи французского воздушного флота и наша аэроэскадра, стоявшая в Лангре, должна была завтра отправиться в Лондон, за исключением десяти аэрокаров, охранявших Париж.

Я решил тоже отправиться. Но возникало серьезное затруднение. Пилот «Южного» Морель поступил в действующую армию; оба его помощника, резервисты, были на днях призваны на службу. Сколько времени пройдет, пока мне удастся набрать новый персонал?

В этом затруднительном положении я вспомнил о японцах Реальмона. Еще утром я прочел в газете, в числе прочих новостей, о прекращении пароходного сообщения с Лондоном. Стало быть, японцам придется засесть в Париже и, вероятно, они рады будут воспользоваться «Южным».

Дело уладилось к общему удовольствию. Оказалось, что японцы умеют управлять аэрокаром и мое предложение пришлось им как нельзя более кстати. Их было пятеро: старший, капитан Мурата, и его четверо товарищей — Сикава, Нарабо, Мотоми и Вами. Все они увлекались авиацией и были в восторге от представлявшейся возможности применить свои познания на практике, быть может на войне.

Не менее доволен остался господин Дюбуа, когда я сообщил ему о своем плане.

— О, это превосходно, ничего лучше придумать нельзя! — одобрил он. — Японский экипаж; это еще более увеличит интерес предприятия в

глазах публики. Мы немедленно выпустим приложение, в котором сообщим, что вы отправляетесь завтра утром на «Южном», с командой японских специалистов, в погоню за бандитом...

— Нужно ли это? — рискнул я перебить.

— О, непременно, непременно! Разве мы делаем тайну из этого предприятия? С какой стати вам улетать втихомолку? Вы отправляетесь исполнить обещание, данное народу... Воображаю, с каким лихорадочным нетерпением будет ожидать публика дальнейших номеров «2000 года». Мы оставим за флагом всех наших соперников... Друг мой, вы истинный герой, верный сын Франции. Вы мне напоминаете Тезея, отправляющегося на борьбу с Минотавром; Язона, стремящегося за Золотым Руном; Роланда, Лоэнгрина, Орлеанскую Де...

— Помилосердствуйте, патрон!..

— Ну, ну, наши сотрудники сумеют найти подходящие сравнения. Я деловой человек, не литератор... Да, это будет великая заслуга перед Францией. Интересы отечества прежде всего! Я уверен, уверен, что ваше смелое предприятие увенчается успехом и, когда его описание появится в газете... друг мой! Вы представляете себе тираж этого номера?!

Правду сказать, я еще не задумывался об этой стороне дела. Я лучше, чем кто-либо, мог судить о качествах «Сириуса» и почти безумном характере моего предприятия. Но воспоминание о грубом и гнусном насилии, которому я подвергся,

о чудовищном преступлении, которое бандит совершил моей рукой, преследовало меня сильнее, чем когда-либо, после неудачи проекта покупки «Сириуса»; оно жгло меня и не давало покоя... Я помнил слова Кеога о слабом месте его машины, на верхней стороне «Сириуса». Значит, все дело в том, кто поднимется выше. А «Южный», построенный перед самой войной, почти на днях, представлявший собой последнее слово аэротехники, мог забираться на чудовищную высоту. Стало быть, успех не так уж и невозможен...

Остаток дня я посвятил снаряжению «Южного». Мы запаслись бомбами, зажигательными ракетами и прочими принадлежностями, которые нам выдали из арсенала без затруднения, по рекомендации патрона. Пробный полет над Парижем показал, что мои японцы управляются с аэрокаром не хуже самого Мореля. Решено было, что они останутся на ночь при аэрокаре, а завтра утром залетят за мной и Пижоном на террасу «2000 года», куда мы явимся к назначенному времени.

Обо всем этом публика была предупреждена в вечернем приложении к нашей газете; и на другой день, в восемь часов утра, мы тронулись в путь с террасы при оглушительных криках бесчисленной толпы, напутствовавшей нас пожеланиями успеха.

Перелет совершился вполне благополучно. По дороге мы нагнали нашу воздушную эскадру, явились в Лондон одновременно с ней и видели торжественную встречу, устроенную лорд-мэром

и олдерменами в их пышных архаических костюмах. Нам отвели ангар в Сайденгэм-Парке, где остановилась французская эскадра, и ее начальник, адмирал Троарен, согласился причислить «Южный» к своему флоту как волонтера и поручить мне расправу с Кеогом. Впрочем, он не придавал никакого значения «Сириусу».

— Ваш Кеог не выдержит и десятиминутного столкновения с нами, — сказал он презрительно. — Увидите это завтра же — если завтра дойдет до дела...

Я не стал спорить.

Об экипаже для «Южного» мне не пришлось думать. Мои японцы имели разрешение от своего посла принимать участие в военных действиях, и сам капитан Мурата обратился ко мне с просьбой позволить им остаться на «Южном», так как небольшой подвижной аэрокар интересовал их больше, чем гигант нашего флота, и казался более рациональным типом.

Я, со своей стороны, не мог и пожелать лучшего экипажа. Их искусство в маневрировании, ловкость, проворство, сообразительность и хладнокровие были просто поразительны.

Лондон имел уже вид осажденного города, хотя осада собственно еще не начиналась, если не считать налетов Джима Кеога. За несколько часов до нашего прибытия он снова показался над городом; пустил несколько гранат в церковь Св. Павла и исчез так же быстро, как появился. Пока его нападения не причинили большого ущерба,

но в городе было много немецких шпионов, высматривавших слабые места; существовала опасность, что их сигналы облегчат путь ему и ожидавшим немцам воздушным судам. Что касается этих ожиданий, то они превратились в полную уверенность. Сведения, полученные от шпионов, не оставляли никаких сомнений. Немецкий воздушный флот, подготовленный частью на равнине Шлезвига, частью на Гельголанде, должен был не сегодня-завтра отправиться в Лондон. Замедление на несколько дней произошло вследствие подвига наших «людей-крабов» в устье Эльбы, задержавших отправку плоскодонных судов. Тем не менее от нее не собирались отказаться; по-прежнему предполагалось осуществить комбинированную воздушно-морскую экспедицию. Попытка английского флота бомбардировать Гельголанд не имела успеха вследствие множества торпед, которыми было усеяно море вокруг острова.

Значительная часть лондонского населения уже перекочевала в подземные галереи, в «Moletown», то есть «Город Кротов», как прозвали его газеты.

Мы посетили эти галереи с сотрудником нашей газеты Джонсоном, любезно взявшим на себя роль нашего провожатого. Они имели восемь метров в диаметре и разделялись на две части: одна, более широкая, служила улицей, по которой могли двигаться пешеходы, велосипедисты, автомобили; другая, поуже, разделенная на два яруса, представляла как бы бесконечную

спальню, перегороженную местами поперечными стенками. Сюда могли укрываться на ночь жители квартала, находившегося над галереей; многие, впрочем, устроились уже здесь на постоянное место жительства, памятуя поговорку «в тесноте, да не в обиде». Вообще, настроение жителей было подавленным, гораздо более тревожным и близким к панике, чем у нас в Париже, где публика разгуливала в своих бутафорских латах, подтрунивая сама над собой и над всем. Здесь не то; население, привыкшее считать себя в безопасности от неприятельского нашествия под охраной океана и сильнейшего в мире флота, упало духом, когда оказалось, что эта охрана бессильна против вторжения. Многие проводили под землей и день и ночь, лишь изредка решаясь высунуть нос наружу. Вообще эти ярко освещенные электрическими лампами галереи кипели жизнью. Местами они были загромождены мебелью и разными пожитками публики, еще не успевшей устроиться; в части, отведенной для движения, сновала толпа, медленно двигались автомобили. Хорошо устроенная вентиляция, сточные трубы, проложенные вдоль галерей, и другие гигиенические приспособления делали их вполне обитаемыми. Мы прошли по этим улицам, где уже действовали конторы, лавки, кафе, и полюбовались на работу машин, сверливших новые галереи. Огромные кривые ножи, приводимые в движение электрическим током, двигались с невероятной быстротой, точно огненное колесо фейерверка; только

вместо снопа искр сыпалась непрерывным потоком земля, падая на бесконечное полотно, уносившее ее далеко. В какие-нибудь четверть часа галерея углубилась на наших глазах на целый метр. Двести таких машин работали без перерыва, денно и ночно, с первого дня войны. Грунт, «лондонская глина», на которой расположен город, однородная и лишенная камней, облегчала эту работу.

Познакомившись с жизнью «Города Кротов», мы, то есть я и Пижон, так как японцы остались при аэрокаре, простились с нашим чичероне и решили навестить семью Тома Дэвиса, адрес которой я узнал от мисс Ады. Мы рассчитывали застать там поручика, так как он должен был уже вернуться в Лондон.

Семейство Тома состояло из его отца, болезненного шестидесятилетнего старика, матери, маленькой, еще живой и подвижной старушки, и сестры, двадцатилетней хорошенькой мисс Нелли, похожей на брата. Нас приняли как нельзя радужнее, оставили обедать и уговорили дожждаться прихода Тома, который целый день проводил на службе и даже не ночевал дома, а только по вечерам заходил навестить семью. Впрочем, и семья ночевала не дома, а в подземной галерее.

Здесь мы прочли последние новости в вечерней газете. В Калифорнии японцы нанесли американцам жестокое поражение на Блэк Ривер. На границе Франции, между Тулем и Бельфором, началось третье сражение между французами и

немцами. Во Франции кабинет министров подал в отставку, так как палата, возмущенная исходом дела Кеога, подавляющим большинством голосов отвергла предложенную им формулу перехода к очередным делам и приняла другую, выражавшую недоверие.

Наконец явился Том Дэвис, и мы провели остаток дня, рассказывая друг другу о своих приключениях.

Глава VIII НАШЕСТВИЕ

*Новый «демонстративный опыт» Джима
Кеога. Наводнение. Спасение семьи Тома
Дэвиса. Рекогносцировка «Южного».
Нашествие немцев. Сражение в воздухе.
Высадка немцев в Риджент-Парке.
Уничтожение их флота. Пожар в Лондоне.
Битва за городом. Снова Джим Кеог.*

Было уже поздно, когда мы, проводив семью Тома Дэвиса в ее подземное убежище, простились с нею и отправились ночевать в гостиницу. Мы взяли автомобиль и подвезли Тома до Блакжраерского моста. Здесь он должен был расстаться с нами. Мы остановились на минуту, неподалеку от спуска в туннель, проложенный под Темзой. Внимание Тома привлек красный фонарь на шесте над самым входом в спуск.

— Я, кажется, не замечал его раньше, — проормотал он. — Зачем его там поставили?

В это мгновение странные полосы света прорезали туманную атмосферу. Они направлялись

откуда-то сверху, напоминая лучи прожекторов. Я взглянул вверх:

— Джим Кеог!

— Он и есть! — подтвердил Пижон. — Это его огни. Куда он ме...

Что-то просвистело в воздухе по направлению к трубе спуска в туннель, затем раздался взрыв, груда обломков взлетела вверх, раздались отчаянные крики и воды Темзы хлынули в зиявшее перед нами отверстие...

Как описать ужасы, превратившие Лондон в эту ночь в истинно проклятый город? Туннели сообщались с сетью подземных галерей, большая часть которых находилась ниже уровня Темзы. Вода должна была затопить «Город Кротов», а в это позднее время жители уже перебрались в него на ночь, большинство улеглось спать... А сколько их там! Сотни тысяч... Действительно, адская война, оставляющая за собой все самые мрачные пророчества!

Из нас первым опомнился Том Дэвис. Он судорожно схватил нас за руки и сказал прерывающимся голосом:

— Друзья мои... я обязан явиться в военное министерство при первой тревоге. Я не могу вернуться домой... Не могу нарушить долга службы... Попробуйте помочь моей семье, моим старикам и сестре...

— Мы сделаем все, что в наших силах! — отвечали мы в один голос. — А потом разыщем вас в военном министерстве, — прибавил я.

Он молча стиснул нам руки. Минуту спустя мы мчались обратно. Суматоха уже распространилась по всему городу. Отовсюду стремились к месту катастрофы автомобили с насосами для выкачивания воды, с орудиями для заделки пробоины; быстро формировавшиеся отряды полицейских и солдат спускались в подземелья помогать утопающим... Я слышал свистки, сигналы, команды начальников.

Семья Тома Дэвиса помещалась недалеко от входа в галерею. Когда мы спустились в нее, нам показалось, что мы попали в ад. Неистовые крики, суматоха, растерянные лица, полуодетые, бестолково мечущиеся фигуры! Спросонья люди не сразу сообразили, в чем дело; кто-то крикнул, что две тысячи прусских аэрокаров бомбардируют Лондон; отряд полицейских и пожарных, спустившихся в галерею спасать утопающих, был принят за переодетых пруссаков; словом, водворилось нечто неопишемое! Старики Дэвисы обезумели от ужаса и, если б не мужество мисс Нелли, которая не только лицом, но и душевной твердостью и самообладанием походила на брата, вряд ли бы нам удалось что-нибудь сделать. Она убедила отца и мать, что мы друзья, а не переодетые пруссаки. Я схватил в охапку старика, Пижон — старуху, мисс Нелли ухватила за мою руку и мы успели во время добраться до выхода. К счастью этот пункт находился далеко от реки, отделяясь от нее несколькими продольными галереями, так что вода добралась сюда не сразу.

Тем не менее она догнала нас и едва не сбила с ног, но в конце концов мы отделались лишь этой холодной ванной.

Водворив семью в квартиру и убедившись, что растерявшиеся старики пришли наконец в себя, мы поспешили в военное министерство успокоить Тома. Не буду описывать благодарность этого славного малого, когда он узнал, что его семья в безопасности.

Видя, что мы промокли насквозь и трясемся от холода, он предложил нам отправиться в цейнгауз и выбрать платье, какое придется впору. Разрешение было выдано без затруднения. Пижон надел старую форму цвета хаки, я же нарядился в какую-то нелепую венгерку с бранденбурами и синие штаны с красными лампасами. Этот костюм делал меня похожим не то на венгерского героя, не то на генерала негритянских войск.

Тем временем Дэвис сообщил нам новости. Солдат, стоявший неподалеку от спуска в Темзу, видел «черепаху» Кеога и дал по ней выстрел, но безрезультатно. Несомненно, красный фонарь, замеченный Томом, был сигналом, поставленный для Кеога каким-нибудь шпионом. Наводнение удалось локализовать, закупорив галереи на некотором расстоянии от реки, но целый ряд их был затоплен Темзой и из ближайших к реке галерей почти никто не спасся.

Том сообщил, что по известиям, полученным от наших шпионов, немецкая флотилия плотов двинулась из Эльбы, а воздушные эскадры

соединились и также направляются в Англию. Аэрадмирал Троарек уже отдал приказ готовиться к бою.

Услыхав об этом, мы с Пижоном поспешили в Сайденгэм. Сообщение Тома подтвердилось. Аэрадмирал сказал нам, что в Лондон направляется германский флот, правда не в две тысячи, но в пятьсот аэрокаров, несущих по сто-двести человек. По-видимому, его главная цель — высадка в Лондоне отряда войск, к которому должна присоединиться армия, переправляемая на плотях. Туман, стоявший на море и одевший непроницаемым покровом Лондон, благоприятствовал той и другой задаче.

— Но они немножко ошибутся в расчетах... Здесь, над Лондоном, они не найдут тумана, который помешал бы сражению и помог спуску и высадке.

— Как так, адмирал? — возразил я. — Кажется, в это время года туман здесь не расходится даже днем...

— Да, ведь вы не знаете... Это хранилось в секрете, но теперь я могу вам сообщить. Найден способ разгонять туман по желанию. Он уже проверен единичными опытами, а теперь будет применен в большом масштабе. Достигается это взрывами газов, заставляющих туман сгущаться. Вы их услышите. Двести сорок исполинских стальных труб будут извергать в атмосферу взрывающуюся смесь, пока туман не осядет росой... Но к делу, мы должны спешить. Я намерен воспользоваться

услугами вашего аэрокара. Отправляйтесь навстречу германской эскадре и сообщите нам, если что заметите. Не улетайте слишком далеко от берегов. Сейчас вы получите письменную инструкцию, план берегов с указанием маяков, которыми можете воспользоваться для передачи нам известий, набор флагов для сигнализации — все, что вам может понадобиться при рекогносцировке. Пока ступайте, готовьтесь к отлету.

Вернувшись к «Южному», я застал в обществе Пижона и японцев шурина господина Дюбуа, Марсея Дюшмена, которому очень обрадовался. Он участвовал в морском сражении между англичанами и немцами, на крейсере, который был пущен ко дну неприятельскими бомбами. Ему удалось уцепиться за обломок судна и вскарабкаться на него. Морское течение понесло его к берегам Англии; в тумане он остался незамеченным своими и неприятельскими судами и спустя сутки был выброшен на отмель близ Ярмута. Рыбаки помогли ему выбраться на берег; затем он направился в Лондон, где разыскал нас, узнав из газет о нашем прибытии. Он телеграфировал в Париж тестю и своему начальству, но так как еще не получил никакого назначения, то решил отправиться со мной на «Южном».

— Воевал под водой, воевал на воде, теперь повоюю в воздухе, — заметил он. — У вас найдется для меня местечко?

— Как же, — ответил я, — вы можете заменить Пижона, который останется на земле

и будет сообщать в газету обо всем, что заметит снизу... Не забудьте, Пижон, сообщить, что «Южный» примет участие в военных действиях соединенного англо-французского воздушного флота. Официальное поручение от аэрадмирала... Это чего-нибудь да стоит! Какая реклама для «2000 года!»

— Реклама! — укоризненно подхватил Пижон. — Можно ли так говорить? Интересы отечества выше всего...

— Какой тираж!.. — закончил Марсель, ухмыльнувшись. Мы все засмеялись.

— Как бы то ни было, патрон будет доволен, — заметил я. — Но вот и инструкция...

Нам передали письменное распоряжение и все обещанное аэрадмиралом. Я дал необходимые объяснения капитану Мурата, Марсель взял на себя сигнализацию, которая была ему хорошо известна, и мы отправились.

Мы поднялись на высоту двух тысяч метров. Здесь атмосфера была почти прозрачна, но внизу под нами расстилалась сплошная толща тумана. Но вот мы услышали грохот выстрелов. Он не походил на канонаду орудий старого типа, которые и теперь еще применялись для салютов — на войне их заменили беззвучные пушки; это был дребезжащий звук, точно разрыв громадного листа цинка. Вскоре грохот раздался со всех сторон. Мы догадались, что это действуют двести сорок разгонителей тумана, о которых говорил мне аэрадмирал.

Чудеса! Их действие превзошло все наши ожидания. Спустя каких-нибудь десять минут темная масса тумана начала проясняться. Мы стали понемногу различать внизу беловатые, желтые, красноватые пятна, линии, смутные очертания кварталов, Темзы; наконец, облако разъяснилось и Лондон раскинулся под нами, озаренный мириадами огней. Зрелище было волшебное.

Действие разгонителей, впрочем, распространялось на ограниченное пространство. Когда Лондон остался за нами, мы снова встретили туман, хотя и не такой непроницаемый, как над морем.

Мы крейсировали довольно долго, не заметив никаких признаков германской эскадры. Зато мы нашли, чего не искали: заметили длинный плот, с сотнями людей, буксируемый пароходом. Тотчас после этого открытия «Южный» направился к ближайшему Соутэндскому маяку, чтобы дать знать в Лондон.

— Телеграфируйте в военное министерство, — сказал я сторожу, — что аэрокар «Южный», причисленный к французскому воздушному флоту, встретил в двух милях от Соутэнда плот с немецкими солдатами, но не смог обнаружить воздушной германской эскадры.

Он исполнил мое требование, а затем сказал:

— Это уже не первое известие о плотях. Они начали показываться с трех часов и отсюда до Гарвича их уже замечено штук пятнадцать. Они высаживаются, пользуясь отливом. Я думаю, тысяч

пять-шесть немцев высадились. Наверное, много плотов пущено ко дну нашими судами, но немало и проскользнуло в тумане. Здешние рыбаки видели, как они высаживались и прибежали сообщить мне. А говорили, за нашим флотом мы как за каменной стеной... Вот тебе и флот! Что он поделает в таком тумане?

В эту минуту раздался звонок телефона. Сторож отправился к аппарату, а мы хотели уже продолжать путь, когда он крикнул:

— Пойдите, это вам... Вот что мне передали: «Сообщите „Южному“, что германская воздушная эскадра замечена к северу от Лондона, над Сент-Альбансом. Пусть он немедленно возвращается».

Несколько сконфуженные нашей неудачей, мы понеслись обратно в Лондон.

Было уже совсем светло, когда мы подлетели к Лондону и вступили в светлое, очищенное от тумана, пространство. Вся северная сторона горизонта была буквально усеяна аэрокарами разных величин, быстро приближавшихся к городу. Мы благоразумно остановились в последней гряде тумана, на высоте пятисот метров, откуда могли наблюдать за неприятелем, сами оставаясь незамеченными. Германский флот двигался над слоем тумана, рассчитывая, очевидно, погрузиться в него уже над городом. Двухсот аэрокаров соединенного англо-французского флота не было видно.

— Троарек делает то же, что и мы, — заметил Марсель. — Флот держится в кольце тумана,

чтобы нагрянуть на неприятеля сверху. Правильно!..

— Господа, — сказал я японцам, — помните, что мы не принимаем участия в бою. Моя задача — дать отчет о сражении, а не участвовать в нем. Исключение только для Джима Кеога, аэрокар которого вы узнаете по описаниям. Если будет случай с ним померяться, я не откажусь. Имейте в виду, капитан Мурата, что у нас могут быть шансы на победу лишь в том случае, если нам удастся подняться выше его.

Между тем германская эскадра приближалась, выстроившись пятью линиями в форме подковы, обращенной концами к нам. Центр держался над Гайбери, крылья спускались над Риджент-Парком.

— Какие странные формы! И какое разнообразие!

— Но кажется, довольно-таки тяжеловесные махинеи.

— А наши шпионы не ошиблись, — заметил Марсель. — На самых крупных — не меньше, чем по двести солдат...

— Ясно, что их главная задача высадить людей, — сказал капитан Мурата. — Что делать в воздухе с таким экипажем? Они высадутся и укрепятся в Риджент-Парке.

Не прошло и двух минут, как из парка полетели вверх гранаты. Примчавшаяся батарея орудий, приспособленных для стрельбы по воздушным судам, начала действовать. Вместо ответа

громадные аэрокары продолжали спускаться с головокружительной быстротой. Немецкие солдаты отвечали на залпы англичан.

Очевидно, немцы торопились занять во что бы то ни стало Риджент-Парк. Мы видели, как на расстоянии тридцати-сорока метров от земли они толпами выскакивали за борт и прыгали на землю точно обезьяны — но обезьяны крылатые.

Каждый из них был снабжен оригинальной формы парашютом, при помощи которого спускался — живой, раненый или мертвый, так как пули английских стрелков делали свое дело.

Очутившись на земле, стрелки открывали огонь по англичанам, меж тем как саперы в центре парка уже рыли траншею, подготавливая укрепления. Они как песок сыпались из гондол гигантских аэрокаров — в несколько минут их набралось уже тысяч десять.

— Где же, однако, соединенный флот? — сказал Мурата. — Пора бы ему вмешаться в дело...

Но в эту самую минуту желанный маневр совершился. Пока немецкий флот теснился за двести метров от земли, занятый высадкой солдат, из окружающей стены тумана, на высоте шестисот метров, вылетели двести аэрокаров Троарека и его английского коллеги сэра Джона Бернсайда.

Град разрывных снарядов, зажигательных ракет, гранат, посыпался на немецкую эскадру.

Это было грозное зрелище. На высоте от двухсот до пятисот метров кружилась туча воздушных судов разнообразных форм и величин,

от колоссальных аппаратов с экипажем в двести душ, до крошечных снарядов, рассчитанных ни одного-двух человек.

Над нею, на высоте от шестисот до тысячи метров, нависла другая туча, точно стоя коршунов, более стройных, подвижных и проворных, чем германские левиафаны.

Гранаты и ракеты лопались с оглушительным треском, гигантские аэрокары взрывались, столбы пламени поднимались на огромную высоту, солдаты, орудия, обломки хаотическими грудями, кувыряясь в воздухе, летели вниз...

Но немцы были снабжены остроумными парашютами, еще неизвестными французской аэротактике; мы могли разглядеть в бинокли, что большинство благополучно достигало земли. Пулеметы, различные аппараты, ящики с патронами — все это имело такие же парашюты, автоматически развертывающиеся при падении, и потому вооружение благополучно опускалось на землю.

— Чертовы немцы! — вырвалось у Марсея. — Надо отдать им справедливость — молодцы! А ведь этот сумасшедший маневр может иметь успех. Вон уже тысяч двадцать утвердились в Риджент-Парке... И продолжают себе сыпаться, как ни в чем не бывало. Их аэрокары взрываются целыми роями, а они точно и не замечают...

— Для них это ничего не значит, — заметил Мурата. — Их тут тысяч шестьдесят-семьдесят. Благодаря этим парашютам тысяч пятьдесят

достигнут земли невредимыми. Да с плотов, если высадится тысяч тридцать...

— То выйдет восемьдесят, — закончил я. — А в Лондоне всех войск вряд ли наберется пятьдесят тысяч.

Ясно было, что истребление германского флота лишь вопрос времени. Союзный флот уничтожал все, что находилось под ним. Экипажи немецких судов попали меж двух огней. Сверху сыпались гранаты их воздушных противников. Снизу их осыпали пулями английские батальоны, стекавшиеся к месту боя.

Но, очевидно, немцы заранее предвидели этот результат. Они рассчитывали не на победу в воздухе, а на победу на суше, на возможность овладеть Лондоном, пользуясь незначительностью английской территориальной армии, которая вся не превышала сотни тысяч человек, разбросанных по стране.

В течение боя — или бойни — адмиральский аэрокар очутился поблизости от нас. Мы воспользовались этим, чтобы сообщить посредством сигналов о своем возвращении и спросить о дальнейших распоряжениях.

Аэрадмирал поручил нам наблюдать за окрестностями Лондона, не удаляясь значительно от места действия, и сообщать ему каждые четверть часа о результатах.

Туман за городом был довольно редкий и прозрачный, и мы различили колонны войск, направляющихся с разных сторон в Лондон. Но

установить их национальность пока было невозможно.

Вернувшись к эскадре, мы убедились, что она переместилась от Риджент-Парка к Гайд-Парку, преследуя отряд немецких аэрокаров странной формы. Это были небольшие аппараты типа «Южного», тащившие за собою обыкновенные сферические шары старого типа. Наши аэрокары осыпали их разрывными снарядами. Шары взрывались, гондолы опрокидывались, изливая огненные потоки; очевидно, они были наполнены керосином или другой легко воспламеняющейся жидкостью, загоравшейся от наших снарядов или поджигаемой немцами... Многие из них были уничтожены раньше, чем успели причинить вред, но вскоре большая часть отряда уже парила над Букингемским дворцом. Здесь нельзя было осыпать их гранатами и зажигательными снарядами.

Тогда начальник английской эскадры пошел на отчаянный маневр. Вопреки правилу аэротактики, предписывающему атаковать врага сверху, сэр Джон Бернсайд решился штурмовать их на одном уровне. Тут, как и на море, англичане показали себя достойными своей старинной репутации. Быстрым движением сорок английских аэрокаров перегнали германский отряд, спустились на один уровень с ним и развернутым фронтом ринулись на абордаж.

Гондолы и оболочки смешались в кучу; взрывы следовали за взрывами, солдаты стреляли друг в друга в упор, рубились, резали оболочки, потоки

пылающего керосина лились на крыши дворца; люди, гондолы, разорванные оболочки летели грудами с высоты в двести метров.

Натиск англичан был так быстр, неожидан и неистов, что победа осталась за ними. Скоро неприятельские аэрокары были истреблены. Но дворец пылал, превращаясь в гигантский костер, и множество сфер уносились по ветру, изливая огненные потоки из своих резервуаров. В последнюю минуту команда немецких аэрокаров отпускала их на волю, открыв клапан резервуара и поджегши его содержимое.

Крейсеры Троарека гонялись за ними, уничтожали их гранатами, но они успели сделать свое дело — вскоре мы были свидетелями колоссальнейшего пожара. Горели, подожженные разом в нескольких местах, доки — гигантские доки Темзы, с их громадными складами товаров, в особенности хлопка.

В Риджент-Парке кипел отчаянный бой. Стекавшие со всех сторон английские войска атаковали немцев. Последние, однако, стойко отбивали атаки, меж тем как в центре парка росли земляные укрепления и прорывались траншеи, где осажденные могли укрыться от английских пуль и снарядов.

Воздушный бой приходил к концу. Соединенный флот потерял не более десятка аэрокаров, главным образом английских, при атаке над Букингемским дворцом. Немецкая армада была уничтожена почти вся; уцелевшие аэрокары,

высадившие своих солдат, тщетно пытались спастись бегством. Союзники нагоняли их, взрывали, и один за другим они падали на землю. Команда машинально пускала в ход парашюты — напрасно! Люди гибли в огне пылавших зданий; те же, которые благополучно достигали земли, падали под ударами разъяренных жителей. Пожар распространялся, пылали уже кварталы Стрэнда, Уайтчепеля, Гольборна, Ливерпуль-Стрит, черные столбы дыма поднимались над исполинскими кострами. Население, укрывшееся в подземельях и прежде обнаруживавшее такой упадок духа, по видимому, одушевилось мужеством, когда опасность оказалась налицо, высыпало на улицы, вооруженное чем попало, и истребляло все, что носило прусский мундир.

Мы видели это в бинокль, возвращаясь из второго облета окрестностей Лондона, так как не забывали о задаче, возложенной на нас аэрадмиралом. На этот раз у нас не оставалось сомнений; мы ясно рассмотрели колонну тысяч в тридцать или сорок пруссаков, двигавшуюся на Лондон, о чем и поспешили сообщить сигналами аэрадмиралу.

С удивительною быстротою соединенный флот построился четырьмя рядами и понесся навстречу грозному неприятелю. Он держался на высоте четырехсот метров, мы следовали за ним на высоте около шестисот метров.

Вскоре разрывные снаряды посыпались на неприятельский отряд. Но ряды стоически смыкались и колонны шли безостановочно, оставляя

на дороге убитых и раненых. Видимо, они спешили соединиться с войсками, высаженными в Риджент-Парке.

Но вот на Темзе, вдоль которой двигались немцы, появилась флотилия маленьких судов и принялась осыпать неприятеля бомбами. К счастью для немцев, они вступили в это время на полуостров, который река образует у Поплера. Миноносцам пришлось огибать его кругом, тогда как немецкие колонны пересекали его поперек.

Если бы хоть одна-две дивизии войск были высланы навстречу немцам из города, они были бы истреблены до последнего человека. Но мы тщетно всматривались — войска не показывались. Несомненно, в городе уже получили по телефону известие о наступлении, но, как видно, не решались увести часть войск от Риджент-Парка.

Когда Наполеон под Ватерлоо ждал Груши, который должен был довершить расстройство неприятельской армии, явился Блюхер и превратил ожидаемую победу в поражение французов.

И мы дождались своего Блюхера.

Странно, что до сих пор никто из нас не вспомнил о существовании Джима Кеога с его «Сириусом». Впрочем, захватывающее зрелище адской бойни могло заставить забыть обо всем на свете. Но если «Сириус» до сих пор не принимал участия в сражении, то это не значило, что он отказался от него.

Внезапно какой-то яркий луч заставил нас зажмуриться.

— Солнце играет, — заметил Марсель.

— Нет, не солнце, — воскликнул я, — это Джим Кеог!

Мои японцы так и подпрыгнули. Все глаза устремились на точку, приближавшуюся к соединенному флоту.

Ринувшись откуда-то с громадной высоты, «Сириус», со свойственной ему головокружительной быстротой, спустился над флотом, сделал несколько зигзагов, приостановился и разрядил свою пушку под углом, рассчитанным так, чтобы задеть несколько аэрокаров.

Плачевное зрелище! Пять взрывов, пять столбов пламени, пять огромных аэрокаров — три наших, два английских — разлетелись в клочья!

Сотни людей посыпались на немецкий отряд, который встречал их выстрелами снизу, продолжая идти.

А «Сириус» уже поднимался ввысь и спустя несколько минут скрылся из вида.

Глава IX ПОЕДИНОК В ВОЗДУХЕ

Атака «Сириуса». Расстройство союзного флота. Состязание на высоту подъема.

Балласт Джима Кеога. «Банзай!»

Последняя схватка. Гибель бандита.

Его последний выстрел.

Мы понимали, что американец не замедлит вернуться и что именно в этой фазе боя он рассчитывает сыграть главную роль. Я сказал японцам, чтобы они постарались не упустить случая схватиться с ним, хотя и не мог себе представить, как это осуществить при его быстроте.

Немецкая колонна продолжала наступление и уже достигла области пожара. Если сопротивление на суше останется таким же вялым, то скоро она очутится в сердце Лондона, в Уайтчепеле.

Наконец, мы заметили движущуюся в направлении Виктория-Парка колонну пехоты в красных куртках, спешившей навстречу неприятелю. Она была по крайней мере вдвое меньше немецкой, зато англичане находились у себя дома;

конечно, они постоят за родные очаги при поддержке населения. Флотилия миноносцев столпилась у Лондонской башни и высаживала на берег свой экипаж и орудия. Соединенный флот продолжал забрасывать немцев бомбами, вырывавшими сотни людей из их рядов...

Но вот снова, откуда-то из небесной бездны, появился «Сириус», ринулся на нашу флотилию, описал огромный круг и, приостановившись над линией крупнейших наших аэрокаров, выпустил в них целый каскад бомб. Одна за другой лопнули оболочки четырех гигантов — и газ воспламенился. Мы не видели их названий: мы наблюдали только ужасное падение людей на крыши домов, на улицу, на деревья, на штыки прусского арьергарда.

Мы видели также сигналы «Генерала Менье», флагманского аэрокара. Троарек убедился наконец в превосходстве этого нового противника и отдал приказ бросить наступающую колонну и гнаться за американцем. Выпустив четыре бомбы, тот умчался на высоту.

Я задыхался от бессильной злобы. Желтые лица японцев еще более пожелтели, глаза их горели...

— Надо во что бы то ни стало уничтожить этого разбойника, — сказал капитан Мурата. — Иначе он уничтожит всю вашу эскадру...

Теперь тактика переменилась. Предоставив английскому отряду, при помощи команды миноносцев и аэрокаров сэра Бернсайда, бороться с наступающими немцами, аэрадмирал Троарек

дал сигнал французской эскадре рассеяться на большом пространстве. Теперь каждый аэрокар должен был действовать отдельно и вся эта масса судов имела целью борьбу с Кеогом; стая львов против одного комара!

В общем, все поднимались выше и выше, так как борьба с Кеогом должна была, в сущности, свестись к состязанию на высоту полета. Мы держались приблизительно на высоте тысячи метров выше огромной массы судов. «Южный» поднимался легко и плавно, простым движением руля высоты; не прибегая к балласту, который уже приходилось выбрасывать судам Троарека. На высоте около трех тысяч метров мастодонтам Рапо было уже трудно маневрировать.

Снова из-за туч вынырнул «Сириус». На этот раз он устремился на флагманский аэрокар «Генерал Менье», находившийся довольно близко от нас, и пустил две гранаты.

Оболочка лопнула и, хотя газ не воспламенился, адмиральский аэрокар начал падать, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Несмотря на все усилия экипажа замедлить падение, выбрасывая балласт, гибель его была неизбежна.

Но «Генерал Менье» был не единственной жертвой нового появления «Сириуса».

С невообразимой быстротой он кидался на другие аэрокеры, тщетно стремившиеся перегнать его, и в самое короткое время несколько огромных судов последовали за флагманом, взорванные гранатами.

Такой результат не мог не деморализовать флот. Рассеявшись на огромном пространстве, аэрокары делали круги, поднимались, опускались, бесцельно и бессмысленно маневрируя, видимо, не зная, что делать, что предпринять в борьбе с этим неуловимым противником...

Что же делать? Отступить? Бежать? Все, кроме этого! Бежать огромному флоту, «непобедимой армаде», только что перебившей втрое большую эскадру германских судов, — от одного крошечного суденышка, на позор и смех грядущим поколениям! Стать притчей во языцех, героями рассказов о том, как один американский бандит обратил в бегство целую армию французов! Нет, конечно, об этом никто не думал. Но по движениям наших аэрокаров видно было, что их экипажами овладевает фаталистическое уныние, что они не надеются на победу и ждут неизбежной гибели...

Я взглянул на капитана Мурату. Не сводя глаз с «Сириуса», он упорно направлял «Южный» к нему и вверх, отдавая какие-то приказания японцам на их языке. Мотоми оставался у мотора, остальные трое поместились у борта, держа наготове автоматические скорострельные ружья. Мы с Марселем тоже присоединились к ним.

Мы были уже на высоте четырех тысяч метров с лишком. «Сириус» носился под нами, значительно ниже, преследуя аэрокары. Вдруг он направился к нам. Очевидно, Кеог заметил наш аэрокар и решил отделаться от него.

— Внимание! — крикнул Мурата.

В ту же минуту «Южный» с изумительной быстротой и легкостью взлетел на тысячу метров.

Без сомнения Кеог удивился, видя нас на такой высоте, так как «Сириус» также быстро поднялся. Теперь он был на одном уровне с нами и так близко, что мы видели, как из отверстий на нижней стороне сыпался песок.

— А! А! — весело заметил Мурата, — значит, и вам приходится прибегать к балласту, почтеннейший!

Без сомнения, Кеог прочел имя аэрокара и рассмотрел его экипаж. Еще мешок балласта — и он перегнал нас, крикнув в рупор:

— Come up, laps, come up, monkeys!*

Вероятно, он не ожидал нашего ответа — залпа пяти ружей.

Ура! Очевидно, хоть одна пуля попала в отдушину для высыпания балласта, потому что «Сириус» сделал резкое... неправильное движение. Видимо, зверь был ранен.

Не слишком тяжело, так как он продолжал подниматься, но достаточно, чтобы вызвать со стороны экипажа «Южного» дружный крик «Ура!» французов и «Банзай!» японцев. Мы также поднимались, не спуская глаз с нашего противника.

На высоте пяти тысяч трехсот метров мы попали в слой облаков, несшихся с востока. Еще сотня метров, и мы снова плыли в чистой лазури, но куда девался Кеог? Мы тщетно искали его глазами.

* Вверх, япошки, вверх, обезьяны! (англ.)

— Ничего не видно, — сказал Марсель. — Наш молодец остался внизу.

— Добрый знак, — подхватил Вами. — Пуля, видно, попортила ему внутренности. Я уверен, что это моя.

Но в ту же минуту остальной экипаж испустил крик. Прежде, чем я сообразил, в чем дело, несколько пуль пробило нашу гондолу. Вынырнув неподалеку от нас из облаков, Кеог дал залп по «Южному». К счастью, его пули не причинили нам большого вреда. Оболочка аэрокара не была задета. Разумеется, мы не преминули ответить на этот салют. Но «Сириус» уже удалился по направлению к югу. Как видно, американец отказался от надежды одолеть нас, поднявшись выше и пустив бомбу. Он бежал... При его быстроте нам, конечно, за ним не угнаться! Однако нам казалось, что он движется гораздо медленнее, чем раньше.

— Попробуем догнать! — сказал Мурата. «Южный» пустился вслед за американцем, развивая всю свою быстроту.

Несколько минут прошло в напряженном ожидании. Не было сомнения, что мы догоняем его. Черное пятно росло заметно.

— Через пять минут догоним, — сказал Мурата и, схватив рупор, крикнул на английском языке:

— Спасайся, Америка! Япошки близко!

Устыдился ли Кеог или его бегство было только притворным, но мы заметили, что он переменил направление и полетел к нам. На расстоянии двухсот метров от «Сириуса» Мурата приказал

японцам выбрасывать балласт; на этой высоте подъемный руль уже не действовал. Мы стали забираться вверх, но и из «Сириуса» посыпались каскады песка. Кеог тоже поднимался, хотя не так быстро, как мы. Очевидно, пуля подпортила ему двигатель.

Обе машины продолжали подниматься на расстоянии двухсот метров одна от другой. Орудия Кеога могли действовать только сверху вниз: наши ручные гранаты вряд ли бы справились с его неуязвимой оболочкой. Во всяком случае, благоразумие требовало бросить их сверху в отверстие в корпусе «Сириуса».

Состязание продолжалось. Мы достигли уже почти шести тысяч метров высоты.

— Как подумаешь, отчего иной раз могут зависеть судьбы народов! — сказал я Марселю. — Теперь наша флотилия, видя, что «Сириус» и «Южный» унеслись в пространство, не станет, конечно, дожидаться исхода нашего поединка, а возобновит прерванное сражение с немцами — и плохо им придется! Их дерзкая попытка не удастся, а кто этому причиной? «Южный», аэрокар «2000 года». Что сказал бы ваш тесть, если бы знал об этом?

— Мы телефонируем ему по окончании! — шуточно ответил молодой человек.

— Американец отстает. У него нет балласта! — воскликнул Мурата со злобной радостью.

Действительно, «Сириус», до сих пор державшийся почти на одной высоте с нами, начал заметно отставать.

А у нас еще десять мешков песка. Стало быть, победа наша.

— Смотрите, у него открывается брюхо! — крикнул один японец.

Открывается брюхо? Что это значит?

Действительно, подъемная дверь в нижней части «Сириуса» открылась, и мы стали свидетелями чудовищного преступления, драмы, от которой поднялись бы дыбом волосы на головах, менее освоившихся с ужасами, чем наши, в течение двух последних недель.

Знакомая мне сеть вылетела из отверстия; за ее петли судорожно цеплялся человек — негр, которого я видел, когда был в плену у Кеога.

Что же это такое? Зачем его выбрасывают на высоте пяти тысяч девятисот метров?

Ни я, ни Марсель не решались понять, в чем дело. Но капитан Мурата мигом сообразил:

— Балласт! Приготовьте балласт! — крикнул он японцам.

Негр висел на сетке, цепляясь за нее с энергией отчаяния. Но он недолго оставался в этом положении. Раздался револьверный выстрел и несчастный, пораженный пулей Кеога, с головокружительной быстротой полетел в бездну, вертясь и кувыркаясь в воздухе.

Чтоб облегчить «Сириус», янки употребил очень простое средство: выбросил вместо балласта человека.

Облегченный на сотню килограммов, «Сириус» взвился.

Я и Марсель, ошеломленные, не могли отвести глаз от тела, пока оно не исчезло в бездне.

Но японцы не теряли времени. Десять мешков балласта разом полетели за борт и «Южный» помчался ввысь за своим противником.

Мы поднялись до шести тысяч трехсот метров. «Сириус» был немного выше.

— Еще сотню метров, — сказал я Мурате, — и мы обгоним его.

— Да, сотню метров, — отвечал он. — Но мы ее не сделаем. Балласта больше нет.

— Черт возьми, мы должны, однако, разделиться с этим негодяем! — сказал Марсель.

— Еще бы, не для того же мы залетели на шесть тысяч и триста метров высоты, чтоб спуститься ни с чем... Да к тому же, если мы не разделимся с ним, то он разделается с нами. Кажется, он движется к нам...

Во время подъема расстояние между нами и «Сириусом» увеличилось до пятисот метров. Но теперь он снова приближался. Очевидно, Кеог рассчитывал воспользоваться своим положением и пустить в нас гранату.

— Бросайте кресла и ненужные вещи, — крикнул я. Вещи полетели за борт.

— Не поздоровится тому, кому они шлепнутся на голову, — заметил я. — Ну, может быть, как раз в немцев угодим...

«Южный» поднялся еще на восемьдесят метров и почти поравнялся с «Сириусом».

— Еще метров на десять — и будет достаточно! — сказал я.

— Да, — отвечал Мурата, — но мы остановились, а выбрасывать больше нечего. Он выше нас на десять метров; этого достаточно, чтобы, ставши над нами, пустить в нас бомбу.

Он был прав. И, несомненно, «Сириус» направлялся к нам с этой целью.

Мурата взглянул на своих и что-то сказал японски. Все четверо вскочили и протянули руки, как будто просили о чем то.

Затем произошла сцена, которая в первую минуту показалась мне до того невероятной, такой дьявольской, что я готов был приписать ее галлюцинации.

Капитан Мурата еще раз взглянул на приближающегося врага, затем окинул взглядом гондолу. Марсель, сидевший на небольшом ящике с консервами, встал и взялся за ящик.

— Этого будет мало, — сказал Мурата, как бы отвечая на его взгляд и, повернувшись к своим товарищам, произнес:

— Сикава!

В одно мгновение японец кинулся на край гондолы, взмахнул фуражкой и с криком «Бан-зай», повторенным его товарищами, исчез за бортом...

«Южный» сделал огромный прыжок вверх, оставив Кеога далеко внизу. Марсель был бледен, как полотно. Вероятно, и я тоже; по крайней мере, на минуту волнение захватило мне дух. Мы оба уставились на японцев, которые, как ни в чем не бывало, продолжали возиться с аппаратами,

точно героический подвиг самоотвержения являл собой самую обыденную вещь.

Наконец, я опомнился. Счетчик барографа показывал высоту в семь тысяч метров. «Сириус» был гораздо ниже нас. Теперь он в наших руках.

— Внимание! — крикнул Мурата. — Кеог на триста метров ниже нас. Через несколько минут мы станем над ним. Но следует податься вниз, иначе наши гранаты могут пролететь мимо. Мотоми, попробуй, не спустимся ли мы без потери газа.

Оказалось, что аппарат, не действовавший при направлении вверх, мог еще служить для спуска. Мы стали медленно опускаться, приближаясь к «Сириусу».

— Готовьте гранаты! — крикнул капитан. Вами и Нарabo схватили по гранате, я и Марсель сделали то же. Мы разместились по двое по обеим сторонам гондолы. Нужно было сделать еще сотню метров, чтобы стать на одной вертикальной линии с «Сириусом».

Но в эту минуту до нас долетел слабый, сухой звук револьверного выстрела, другой, третий...

— Что это? Они там дерутся внутри! — воскликнул Вами.

— Сколько их там? — спросил меня Мурата.

— Трое. Механик, сам Кеог и еще один слушитель.

— Я этого и боялся.

— Чего?

— Посмотрите...

В самом деле мы снова увидели возмутительную сцену. Откидная дверь открылась вторично и мертвое тело, выброшенное из нее, полетело вниз. Я узнал его по одежде. Очевидно, Кеог и его механик убили служителя, чтобы облегчить шар.

«Сириус» снова, как птица, взвился в высоту, далеко оставив нас под собою.

И снова Мурата обратился к своим японцам:

— Нарабо!

Ни минуты не колеблясь, Нарабо ринулся за своим предшественником.

Но это было еще не все. «Южный» быстро взлетел на высоту семи с половиной тысяч метров.

— Вон он! Мы обгоняем его! — воскликнул я.

— Нет, — отвечал Мурата после некоторого молчания. — Его груз был тяжелее. Он остается выше нас метров на двести. Но у нас все-таки большое преимущество.

— Какое же?

— Ни он, ни механик, конечно, не захотят выскакивать. А выбросить им больше ничего не найдется. У них нет ни одного человека.

— А у нас?..

— А у нас... у нас еще найдется...

Сказав несколько слов, он обратился к Марселю:

— Господин Дюшмен, вы, кажется, умеете управлять мотором?

— Да, это дело мне знакомое.

— Попробуйте же заменить нашего Мотоми.

Марсель взялся за мотор. Сразу видно было, что он легко справляется с делом. Между тем Мотоми остановился на краю гондолы.

— Почему вы оставили мотор? — спросил я.

— Чтобы быть готовым отправиться своевременно. Мы приближаемся к «Сириусу». Он на двести метров выше нас. Когда наступит момент, капитан скажет мне...

— Да куда отправиться? — спросил я, догадываясь и в то же время не веря.

— Туда... вниз!

— Неужели вы сделаете это?

— Конечно... Ведь мое отечество в войне с Америкой и Германией. Я жалею, что не мне первому досталось. Но Сикава и Нарабо старше меня; я должен был уступить.

— А Вами?

— Вами младший. Он пойдет последним. Теперь моя оче...

— Мотоми! — крикнул капитан.

— Банзай! — было ответом...

Мы снова господствовали над Кеогом. Отметчик показывал семь тысяч четыреста метров. «Сириус» тяжело двигался на двести метров под нами.

Не схватятся ли теперь Кеог с механиком и тот, кто одолеет, выбросит побежденного? Но нет, одному невозможно управлять шаром и действовать орудием. Им остается одно: открыть все каналы и спускаться вниз... правда, это слабая надежда на спасение. Сверху «Южный»,

внизу — внизу, конечно, с Кеогом поступят как с бандитом, а не как с воюющей стороной...

— Опять там дерутся! — крикнул Вами.

В самом деле, из «Сириуса» доносились револьверные выстрелы. Негодяи бились за верный шанс спасения; облегченный еще на одного человека, «Сириус», без сомнения, ушел бы от нас.

Но было уже поздно. Наступил, наконец, час расплаты. Мы были на одной линии с «Сириусом», на высоте около сотни метров от него. Широкое, в метр, отверстие на верхней стороне шара ожидало наших страшных гранат.

— Внимание! — крикнул Мурата. — Я спущусь еще на пятьдесят метров. Через полминуты...

Я стал лихорадочно отсчитывать до тридцати.

— Бросаем! — крикнул мне Вами, поднимая гранату.

— А, Джим Кеог! Наконец-то я сведу с тобой счеты!

Моя граната — именно моя, потому что Вами промахнулся — влетела в углубление «Сириуса». Последовал страшный взрыв. «Черепеха» мгновенно разлетелась в мелкие дребезги. Осколки долетели до нас, на высоту пятидесяти метров. «Южный» быстро подался в сторону. Передо мной мелькнуло искаженное — не страхом, а бешенством — лицо Кеога. Он успел еще схватить и разрядить в нас скорострельное ружье. Секунду спустя пылающая гондола «Сириуса» была уже далеко внизу.

Победа! Триумф!

Но что такое с Марселем? Он лежал на дне гондолы, раскинув руки. И капитан Мурата не шевелился, уткнувшись лицом в дно.

— Мотор не действует! Резервуар пробит! — крикнул Вами.

Да, Джим Кеог сумел послать парфянскую стрелу. Кажется, ни одна его пуля не пропала даром. Две поразили наших товарищей, третья пробила резервуар мотора, испортив его непоправимо. Наш аэрокар стал неуправляемым. Он превратился в такую же игрушку ветра, как сферические шары прежних времен.

Глава X

БОРЬБА СО СМЕРТЬЮ

*Беспомощное положение. Предложение
Вами. На Северном полюсе. Медведи.
Смерть капитана Мурата. Кошмар.
Солнце. Брошенное судно. Последние
минуты «Южного». Встреча
с американским крейсером. В плену.
«Притворитесь сумасшедшим».*

Надо было спускаться как можно скорее, иначе ветер, дувший с востока, занес бы нас в Атлантический океан. Притом нужно было подать помощь нашим товарищам. Они лежали без чувств, но, как мне казалось, были еще живы.

— Откройте клапан, Вами! — сказал я. — Живее!

Но и здесь нас ожидало разочарование. Одна из пуль Кеога перерезала веревку клапана и он оказался недоступным для нас. Между тем ветер крепчал, превращаясь в настоящий ураган.

Мы решились сделать разрыв оболочки. Веревка разрывного приспособления, к счастью,

осталась нетронутой. Но тщетно мы дергали ее изо всех сил — она не действовала. Приспособление испортилось и все наши усилия оставались бесплодными.

Положение было отчаянное. Мы не могли спуститься, а ветер неумолимо мчал нас в море. Мне пришлось было в голову выстрелить в оболочку, чтобы пробить ее пулями — но к чему? Автоматические закупориватели, оказавшие нам такую услугу под Мезьером, оказали бы ее и здесь.

Можно было распороть ее ножом, но ни я, ни Вами не могли добраться до оболочки.

Приходилось убедиться, что мы совершенно беспомощны. Гибель казалась неотвратимой.

Вами, до сих пор метавшийся в лихорадочном возбуждении, вдруг как-то странно и неожиданно для нас успокоился.

— Сударь, — сказал он очень серьезно, — нам больше нечего делать. Может быть, вы желаете умереть?

— Э, нет, милейший, — ответил я. — А отчет в «2000 год»? Придет смерть, постараемся встретить ее, как подобает мужчинам, но торопиться к ней на встречу?.. Нет, наши европейские идеи о самоубийстве не сходятся с вашими. Что сказал бы патрон, если б узнал, что я покончил с собой, когда еще не была потеряна надежда спуститься и написать статью о расправе с Джимом Кеогом? А разве с нами не могут случиться новые приключения, сообщение о которых составит гвоздь

номера? Хорош журналист, который добровольно отказывается от такого материала. Вы тоже обязаны сообщить своему правительству о героических подвигах ваших товарищей. Нет, Вами, не будем искать смерти, постараемся жить и делать свое дело!

Не знаю, убедился ли Вами моими аргументами, но он пробормотал:

— Вы начальник, я обязан вам повиноваться.

Мы еще раз осмотрели тела наших товарищей. Капитан Мурата был тяжело ранен. Пуля пробила ему верхнюю челюсть между правым глазом и ртом; рана была смертельная.

Но Марсель, к моему изумлению и радости, был, по-видимому, невредим. Я не обнаружил на его теле никаких ран. Я пытался привести его в чувство, вложил ему в рот таблетку концентрированного коньяка, растирал грудь... Наконец, мои старания увенчались успехом. Он вздохнул и открыл глаза.

— Как вы себя чувствуете? — спросил я.

— Ничего... В голове шумит, мысли путаются... Я не ранен?

— Кажется, нет. Я не мог найти раны. Чувствуете вы боль в каком-нибудь месте?

— Ни малейшей... нигде... Теперь припоминаю, я был поражен точно электрическим разрядом. Что-то блеснуло, как молния... страшное сотрясение... и я потерял сознание.

Я вспомнил о странных, напоминавших молнию, лучах вылетающих порою из «Сириуса».

Положительно, бандит изобрел какой-то новый способ приложения электрической энергии. А впрочем, черт с ним и с его изобретениями! Благо счеты сведены.

— Где мы? — спросил Марсель. — Я не слышу мотора...

— Увы, друг мой, и не услышите. Мы теперь без мотора, без рулей, без пропеллера и несемся первобытнейшим способом по ветру куда-то на край света. Проклятый бандит послал нам напоследок гостинец... Мотор испорчен непоправимо... И вдобавок капитан Мурата смертельно ранен.

Потянулись тоскливые часы. Ветер переменялся и мчал нас к северу с быстротою сотни километров в час. Было холодно; мы завернулись в одеяла и сидели молча на дне гондолы. Под нами клубились облака, нельзя было ничего разобрать. Вами накрыл одеялами капитана и ухаживал за ним, как умел. Время от времени Мурата приходил в себя, но большей частью лежал в забытьи.

Я думал об этой идиотской — другого эпитета я не мог подобрать — войне. Пятнадцать дней — а сколько жертв! Все наполеоновские кампании вместе взятые вряд ли загубили столько душ, сколько погибло их за эти две недели. Зачем, собственно, понадобилась эта бойня?

Потом мысли мои обратились к нашей участи. Мы несемся на север: где же конец нашему странствию — в водах Атлантического океана или во льдах полярной области?

Изредка мы обменивались мыслями с Марселем, неизменно начиная каждый раз со слова: «Предположим... Предполагался благополучный спуск в норвежском фиорде, где рыбаки помогут нам выбраться из затруднения, или в море близ случайно подвернувшегося парохода, который пошлет шлюпку нам на помощь, и тому подобное. Но эти приятные перспективы плохо утешали. Ветер выл в снастях, холод забирался под одеяла, порою мокрый, ледяной туман охватывал нас своими липкими лапами. День клонился к вечеру.

Стемнело, наступила ночь. Утомление взяло верх над тревогой и мало-помалу мы забылись сном.

Когда мы проснулись, было уже светло. Моя борода примерзла к одеялу. Мы были засыпаны снегом. Зрелище, представшее перед нашими взорами, окончательно разбудило нас.

Мы находились на высоте не более пятидесяти метров над землей. Безотрадная полярная пустыня простиралась под нами всюду, куда хватал взгляд. Унылые снежные поля, бесконечные ряды исковерканных льдин, мертвая тишина, никаких признаков живого существа. Где мы находились? В северной Норвегии, над Шпицбергенем? Над Землей Франца-Иосифа? Марсель, плававший в северных морях, утверждал, что мы летим над морем, одетым льдами. Но мы не могли ориентироваться, так как инструменты были выброшены во время состязания на высоту с «Сириусом».

Направление полета оставалось прежнее — прямо на север.

Мы заметили, что шар продолжает спускаться, и постарались его облегчить, выбрасывая части мотора и других приспособлений, ставших ненужными для нас. Спуститься здесь означало бы неотвратимую гибель.

Из вещей мы оставили только ящик с бертлотками — концентрированными съестными припасами — и несколько одеял. Все остальное было постепенно выброшено, даже бомбы, ружья, револьверы... «Южный» взвивался в высоту, но мало-помалу упорно опускался к земле. Так прошло несколько часов. Ветер упал, мы летели небыстро. Первоначально немые и безжизненные, снежные поля оживились. Мы видели северных оленей, стаи бакланов, пингвинов*, гаг. Потом показались медведи.

Часы шли за часами; мы сидели молча, предаваясь безотрадным думам. Капитан Мурата был еще жив и в сознании; иногда он разговаривал по-японски с Вами.

Между тем развязка приближалась. «Южный» снова опускался к земле и мы не могли облегчить его. Все было выброшено. Оставались одеяла — но мы замерзнем, если их выбросим! Ящик с бертлотками — но с потерей его нам грозила неминуемая

* Ошибка автора или переводчика; в полярных областях северного полушария пингины не водятся. — *Прим. составителя.*

голодная смерть! Правда, мы попали в область, обильную зверем: моржи, олени, медведи то и дело попадались целыми стаями и группами. Но у нас нет оружия! Все наши боевые запасы были выброшены, чтобы облегчить аэрокар. При таких условиях не животные послужили бы нам пищей, а мы достались бы на обед медведям, которые уже заметили нас и обнаруживали недвусмысленные поползновения познакомиться с нами поближе. Когда «Южный» медленно скользил над ледяным утесом почти касаясь его поверхности, огромный медведь, быстро взобравшись на скалу, едва не бросился к нам в гондолу. Я швырнул в него тяжелым компасом — последним инструментом, который мы еще не решались выбросить; аэрокар поднялся метра на два, а изумленный зверь немедленно принялся за исследование незнакомого предмета.

Вдруг Вами окликнул нас:

— Господа, капитан желает вас видеть. Он хочет поговорить с вами обоими.

Мы подползли к куче одеял, под которыми лежал умирающий.

Он с трудом проговорил по-английски:

— Вами говорит, что мы опускаемся. Это гибель для всех. У вас нет балласта... Мое тело заменит его. Со мной покончено; немного раньше, немного позже — не важно... Сбросьте меня вниз; «Южный» поднимется и, может быть, найдет благоприятное воздушное течение... Сбросьте. Я требую этого.

— Никогда! — воскликнул Марсель.

— Невозможно! — подхватил я. — Нет, капитан Мурата, пока вы живы, вы останетесь с нами. Если смерть неизбежна, умрем вместе, но купить спасение ценой...

Я не успел договорить. Мурата улыбнулся и что-то сказал Вами. Японец, не говоря ни слова, засунул руку за пазуху, вытащил облатку и положил ее в рот капитану. Он вытянулся, дрогнул; желтое лицо его приняло мертвенный оттенок — и спустя секунду перед нами лежал труп. По японскому обычаю отважный капитан принял яд ввиду неизбежной смерти.

Минут пять мы сидели молча перед бездыханным телом, дрожа от холода с полными слез глазами.

— Господа, помогите мне! — сказал Вами. — Я один не справлюсь.

Я все-таки хотел протестовать, но Марсель перебил меня:

— Пусть же, по крайней мере, жертва нашего товарища не пропадет даром, — сказал он.

Спустя несколько минут тело капитана Мурата полетело за борт, а «Южный», сделав огромный скачок, поднялся высоко над ледяными полями.

Мы были спасены — вернее сказать, наша гибель была отсрочена на несколько часов. Короткий полярный день давно кончился, во круг нас царил сказочный полумрак северной ночи. Мы лежали, зарывшись под одеялами,

в полудремоте, полубреду. Меня преследовала галлюцинация — я видел тело нашего товарища на льдине, пожираемое медведями, дерущимися из-за его останков, при фантастическом освещении полярного сияния. Я видел Вами, Марселя, наконец, себя самого в том же положении. Галлюцинация принимала силу действительности — я слышал ворчание зверей, видел их оскаленные белые зубы, ощущал на своей щеке жаркое дыхание... Я схватывался, приподнимался — наваждение исчезало; но когда я опускал голову, кошмар снова возобновлялся и картины, одна другой нелепее, теснились в возбужденном мозгу.

Кошмар сменялся тяжелым забытьем, которое снова нарушалось галлюцинациями. Порою мы приходили в себя все трое, поднимались, старались осмыслить свое положение. В один из таких промежутков Марсель обратил наше внимание на полярную звезду — она стояла вертикально над нашими головами. Мы были на полюсе! Мои грезы приняли новое направление; проснулся журналист, я видел редакцию «2000 года», товарищей по перу, патрона. Он смотрел на меня с грустной укоризной, покачивал головой и говорил: «Такой материал, такой богатый материал для сенсационных статей — а вы погибаете!» Но из-за его плеча высовывалась морда белого медведя, зверь скалил зубы и, уставившись на меня пламенными глазами, рычал: «Какой тираж?»

Из этого состояния летаргии, нарушаемой тяжелыми кошмарами и галлюцинациями, нас вывели животворные лучи солнца. Мы были так угнетены и подавлены, что не заметили, как миновала полярная тьма, как зловещая игра северного сияния уступила место отрадному свету дня. Только когда лучезарное светило поднялось уже высоко на небе, я, пригретый под своими одеялами, не понимая, откуда это ощущение тепла, выкарабкался из-под них и в первую минуту с ужасом подумал, что лишился рассудка. Солнце сияло на лазурном небе, обдавая нас волнами света, под нами расстилалось, сверкая и шумя тысячами красок, безбрежное, свободное от льда, море.

— Марсель! Вами! — заорал я, убедившись наконец, что это не сон, не бред, а подлинная действительность. — Проснитесь! Вставайте! Солнце, день, лето... вставайте же!

Мне пришлось растолкать их: на мгновение у меня похолодело сердце — живы ли они? Но они были живы и, очнувшись, одурели от радости так же, как я. Мы кричали «Ура», «Банзай» и готовы были пуститься в пляс на дне нашей гондолы. В первые минуты мы совсем забыли, что положение наше, в сущности, не лучше прежнего, так обрадовали нас тепло и свет.

Марсель хотел было выбросить одеяла, чтобы облегчить шар, летевший довольно низко над морем, но я запротестовал:

— Нет, нет! Как знать? Предположите, что мы попадем в новое течение, которое увлечет нас...

— Обратно на полюс! Ну нет, слуга покорный! Я скорее соглашусь попасть в Сахару...

Однако вскоре мы убедились, что положение наше не слишком отрадное. Шар потихоньку опускался, метра на два в час. Впрочем, мы не унывали...

— У нас довольно времени, — заметил я. — Не одни же акулы плавают в этом море — а одна из этих хищниц как раз показалась на поверхности неподалеку от нас, — ходят здесь и суда. Попадется какое-нибудь навстречу...

Опять потянулись длинные и томительные часы. Наше веселье мало-помалу угасло. Солнце в очередной раз начало клониться к закату, наступал вечер, а перед нами по-прежнему расстилалась пустынная, безмолвная гладь.

Вдруг Вами крикнул:

— Судно на юге!

— Где? Где?

Мы кинулись к борту. Действительно, вдали виднелось парусное судно.

— На нашем пути, — сказал Марсель. — Лишь бы ветер не переменялся. Выкинем сигнал.

Флаги — французский, английский и японский — лежали на дне гондолы. Их мы не выбрасывали, так как ничтожный вес их немного прибавлял тяжести, а остаться без флагов было нежелательно.

Спустя несколько мгновений флаги вились по ветру за бортом «Южного».

Расстояние между нами и судном быстро уменьшалось; вскоре оно сократилось до полумили.

— Лесоторговец, — заметил Марсель. — Трехмачтовый норвежский бриг. Как он странно движется... Что такое?.. Ах, бедняги, они потерпели аварию! Судно почти разбито. Плывут все-таки... Сейчас мы заговорим с ними.

Мы быстро приближались к судну. Но наши крики и сигналы оставались без ответа.

— Неужели они нас не видят? — сказал я. — Этого быть не может...

— Ни души на палубе, — ответил Марсель. — Паруса распущены, а на палубе ни души. Это брошенное судно!

Да, это было судно, потерпевшее аварию и брошенное своим экипажем, пересевшим в шлюпки. Иногда это делается своевременно, иногда преждевременно — и брошенное судно долго блуждает по морям, увлекаемое течениями, становясь иногда в ночное время причиной новых аварий вследствие столкновений. В каком состоянии то, которое встретилось нам? Вероятно, в близком к гибели; архаическое парусное судно, бог весть когда построенное, без сомнения, и до аварии представляло из себя почтенную реликвию, годную только на слом.

Но размышлять было некогда.

— Нам нужно спуститься на ту развалину, — сказал Марсель. — Все-таки на ней вернее... В случае крайности хоть плот построим. А «Южный» не продержится до утра; ночью же, если и встретим еще один корабль, то рискуем остаться незамеченными.

— Да как нам спуститься? — ответил я. — Мы не можем выпустить газ.

— Нужно, во что бы то ни стало. Через две минуты будет поздно. Сейчас мы пройдем мимо судна.

— Уцепимся все трое за разрывную веревку, — предложил я. — Может быть, удастся.

Мы ухватились за веревку, налегли изо всех сил — нет, не поддается.

— Еще раз, — крикнул Марсель. — Постойте... Беритесь крепче и разом, по команде: раз! два! три!..

Наконец-то! Раздался сухой треск, материя лопнула — и секунду спустя мы были уже в воде, в каких-нибудь десяти метрах от судна. Не теряя времени, мы пустились к нему и не без труда вскарабкались на палубу в тот самый момент, когда солнце опустилось в море.

Остатки «Южного» колыхались на поверхности воды в десяти метрах от судна. Заметив на палубе канат, Вами схватил его конец, кинулся в море вновь и вскарабкался на ящик с бертлотками. Мы поспешили притянуть его обратно к судну — не без тревоги, так как я заметил акул поблизости от останков «Южного».

Спустя несколько мгновений гондола и оболочка, наполнившись водой, погрузились в море.

Итак, около пяти часов вечера седьмого октября (по нашему расчету; в действительности же, как мы узнали позднее, уже наступило

восьмое октября) аэрокар «Южный» редакции «2000 года» перестал существовать.

Из его экипажа оставались в живых только три человека — на полуразрушенном судне, игрушке ветра и морских течений. Зловещее впечатление произвела на меня эта немая развалина — точно гроб, потерявший своего обитателя. Как бы то ни было, не одни же брошенные суда плавают по океану; почему бы нам не встретить и судна с экипажем, который подаст нам помощь...

Мы осмотрели палубу, потом — насколько могли — внутреннюю часть. В каюте капитана мы нашли запас одежды и с удовольствием переменили наше промокшее платье. Нашлись и сигары, и спички, и съестные припасы — впрочем, в нашем ящике был запас бертлотов, которого хватило бы на месяц для десяти человек. Однако, к нашему сожалению, на судне не оказалось корабельного журнала, который дал бы нам указания относительно нашего местонахождения. Как видно, покидая судно, капитан взял документы с собой.

Мы решили обрезать паруса, так как по их милости судно то и дело меняло галс и скорее болталось туда и сюда, во все стороны, чем плыло в определенном направлении. Кроме того, в случае перемены погоды они грозили нам бедой. Марсель и Вами выполнили эту операцию с изумительной быстротой и ловкостью; я, не привыкший карабкаться по снастям, ограничился одобрениями и поощрениями.

Ветер крепчал, волнение усиливалось. Вода, болтавшаяся в трюме, зловеще ворчала, море с воем набрасывалось на нашу посудину снаружи, ветер гудел в снастях, которые жалобно визжали и скрипели; судно прыгало, металось, вертелось — прескверная была ночь! Мы решили чередоваться: один спал, двое держали вахту. До четырех часов утра я стоял на вахте сначала с Марселем, потом с Вами, но тщетно мы всматривались в ночную мглу — никаких признаков судна, ни единого огонька не мелькнуло на горизонте...

В четыре часа я ушел спать в капитанскую каюту. Но я и не пытался уснуть. Растянувшись на капитанской койке, в темноте, я с тоской вслушивался в адскую музыку бури, как вдруг, сквозь вой ветра, скрип снастей, рев моря, различил отчаянные крики моих товарищей. Обливаясь холодным потом, я сорвался с койки, выбрался ощупью из каюты и кое-как добрался до них.

— Кричите, кричите, громче! — гаркнул мне Марсель, — эй! Эй! Эй!

Не понимая в чем дело, я тем не менее присоединил свой голос к их дуэту и заорал неистово:

— Э-ге-ге!

Но в то же мгновение последовал страшный толчок, мелькнул ослепительный свет, напомнивший мне печальной памяти «Сириус», и наша развалина была разрезана надвое колоссальным крейсером, шедшим без огней, по уставу военного времени.

Я увидел огромный вал, хлынувший в нашу скорлупу, почувствовал, как подо мной разъезжаются

балки и доски, и очутился в воде; потом вынырнул на мгновение, опять погрузился в воду, тщетно пытаясь выплыть, и потерял сознание...

Очнувшись, я увидел себя на матрасе между Вами и Марселем. Платье на мне было сухое. Кое-как собравшись с мыслями, я сообразил, что мы взяты на крейсер — но чей, какой нации? Двое часовых стояли недалеко от нас. Когда один из них повернулся к нам лицом, я узнал форму американских моряков и прочел на ленте шапки надпись: «Миннесота».

Стало быть, мы попали в руки неприятеля, мы в плену! Это лучше, чем попасть в желудок акулы, но все же прискорбно.

Я взглянул на товарищей. Лицо Вами поразило меня. Он скалил зубы, гримасничал, морщил лоб, хихикал, глаза его, раньше такие осмысленные и живые, приняли вдруг идиотское выражение.

«Бедный Вами, — подумал я, — помешался, не выдержал!»

Я взглянул на Марсея.

«Господи, и он тоже!» — подумал я с ужасом. Глаза его бессмысленно уставились куда-то в пространство; он, видимо, не узнавал меня.

Но вдруг, когда оба часовых отвернулись от нас, он бросил на меня быстрый взгляд и шепнул, чуть шевеля губами:

— Притворитесь сумасшедшим.

Ага! Это мысль! Сумасшедших не берут в плен. Особенно строгого присмотра за нами не будет и, может быть, нам удастся удрать. Я слегка кивнул

головой и попытался соорудить соответствующую физиономию. Не знаю, насколько это удалось вообще, но, кажется, бессмысленный смех выходил у меня недурно. Собственно, у меня его вызывала комическая сторона нашего предприятия, но для незнающего, в чем дело, он должен был показаться совершенно безумным.

Кроме того, я дрожал всем телом, но это уже без всякого притворства — в нашем помещении оказался сильнейший сквозняк, а одежда на нас была легкая. Я чихнул раз десять подряд, что вызвало припадок дикого ужаса у Вами и неистового веселья у Марселя; положительно, они обладали редким талантом симуляции!

Очевидно, наши спасители или победители — не знаю, как правильнее выразиться, — заметили наше состояние, так как вместе с группой офицеров к нам подошел корабельный доктор. Видя, что мы дрожим от холода, он велел дать нам куртки и шапки. Считая, что и сумасшедший должен быть благодарным, я радостно принял даяние. Марсель не последовал моему примеру; он молча переводил бессмысленный взгляд с доктора на платье. Вами пришел в бешенство и, схватив куртку и шляпу, швырнул их в лицо доктору. Когда он успокоился, старший офицер обратился к нему.

- Ваше имя?
- Татами, — пробормотал японец.
- Какой вы нации?
- Татами.
- Куда вы плыли?

- Татами.
- Вы понимаете меня?
- Татами.
- Я велю выбросить вас в море.
- Татами.
- Или расстрелять...
- Татами.

Офицер махнул рукой и обратился к Марселю:

— А вы? — спросил он. — Кто вы такой? Откуда? Куда вы плыли на норвежском судне? Вы норвежец? Итальянец? Француз? Турок?

Ответы Марселя были еще лаконичнее, чем Вами. Он только улыбался и кивал головой на всякий вопрос.

Наконец, дошла очередь и до меня. Я не знал, чтобы придумать в отличие от своих товарищей. Но раздумывать было некогда и я выкинул первое дурачество, которое пришло мне в голову: запел во всю глотку «Янки Дудль», приплясывая и отбивая рукою такт.

Офицер снова махнул рукой и обратился к доктору:

— Кажется, от этих несчастных ничего не добьешься?

— Insanes* — сказал доктор, пожав плечами.

После этого нас оставили в покое под надзором часового.

На другой день «Миннесота» бросила якорь в Чарльстонной бухте.

* Сумасшедшие (англ.).

Глава XI ВОЕННОПЛЕННЫЕ

*Сенсация в Чарльстоне. Нас узнают.
В сумасшедшем доме. Последствия
военных ужасов. Легионы помешанных.
На положении военнопленных. Бегство.
Загрызенный часовой. Зарезанный сторож.
Автомобиль-лодка. Экспедиция Пижона
и мисс Ады. «На Кракатау».*

Не без удивления заметили мы, что наше прибытие в Чарльстон вызвало положительную сенсацию. Военные всех родов оружия, статские и дамы теснились на пристани. Газетные репортеры взбирались на крейсер, заглядывали в сопровождении офицеров к нам в каюту, пытались разговаривать с нами, щелкали фотоаппаратами... Мы слышали обрывки разговоров. «У японца буйное помешательство» (Вами, выдерживая свою роль, почти на каждое обращение отвечал приветствием в виде сапога или одеяла, запущенного в физиономию спрашивавшего), «Да и французы не в своем уме», «Который же сотрудник «2000-

го»? и так далее. Стало быть, нас узнали, догадались, кто мы такие. Действительно, современные средства сообщения сделали свое дело. Мы заметили в руках квартирмейстера, которому было поручено наблюдать за нами, только что отпечатанный номер газеты, из которого он с важностью прочел вслух двум своим товарищам следующую заметку:

«Командир „Миннесоты“ справился в Берлине по беспроволочному телеграфу. Ему ответили, что эти трое человек, без сомнения, остатки экипажа „Южного“, где команда была японская.

Не подлежит никакому сомнению, что „Южный“ уничтожил в воздухе знаменитую „Черную Черепаху“, обломки которой были найдены в окрестностях Лондона. Видели, как „Южный“ гнался за „Черепахой“ и оба аэрокара исчезли в высоте. Оттуда обрушились обломки „Сириуса“ и изувеченные трупы смелого корсара Джима Кеога и его товарищей; найдены также страшно изуродованные останки трех японцев, но сам „Южный“ пропал без вести; вероятно, поврежденный в борьбе, он был увлечен ветром в океан. Как бы то ни было, уничтожение „Черепахи“ — крупнейший факт современной воздушной войны. С ее гибелью Америка и Германия потеряли важный шанс успеха».

В тот же день нас отправили под конвоем в «War Insanes Asylum», «Убежище военных сумасшедших», учреждение еще новое для меня. Оно состояло из группы наскоро построенных

бараков, разбросанных в обширном парке и обнесенных крепкой, высокой решеткой. На крыше главного здания развевался флаг «Красного Креста».

За воротами нас встретил заведующий с группой сиделок и служителей. Тут же бродили группами и по одиночке помешанные из категории тихих. Нас отвели в павильон, где мы должны были помещаться с пятнадцатью другими пациентами.

При виде этих несчастных у меня пропала охота симулировать безумие. Во-первых, бежать отсюда, пожалуй, еще труднее, чем из плена — не в тюрьме же нас будут держать, а только под надзором; во-вторых, в такой компании, чего доброго, и впрямь потеряешь рассудок. Впрочем, некоторое время я еще продолжал играть роль, бессмысленно улыбаясь в ответ на вопросы сиделок; но когда пришел доктор, я решил сбросить маску — тем более что мне казалось трудным обмануть его. Это был человек, с добродушным лицом и проницательными глазами; мне показалось, что он с первого взгляда угадал во мне симулянта. Он не задавал никаких вопросов, а сказал со спокойной улыбкой: «Вы, верно, еще не знаете последних новостей, я вам расскажу...» Прием остроумный; мог ли я устоять против такого соблазна и не показать, что понимаю его слова! Но я и не пытался; напротив, выслушав сообщение о нескольких крупных и мелких делах на суше, на море и в воздухе, я сам предложил вопрос:

— А чем кончилось сражение в Лондоне?

— Полным поражением немцев. Когда вы схватились с «Черепашкой», эскадра аэрокаров оправилась от смущения и помогла сухопутным войскам уничтожить колонну, наступавшую с моря. Затем войска сосредоточились против Риджент-Парка и одержали верх после отчаянной защиты. Тысяч двадцать немцев сдались в плен, остальные убиты. Чудовищная мина, введенная через тоннель, вырытый быстро сверлящими машинами в какие-нибудь три часа, одна уничтожила шесть тысяч человек... Половина пленных потеряли рассудок, да и в английских войсках и в лондонском населении огромный процент помешанных. Теперь и в Англии, как у нас, строят убежища...

— Убежища?

— Ну да, для потерявших рассудок вследствие ужасов войны... Число помешанных растет в ужасающей прогрессии! Оттого и вашему помешательству так легко поверили, хотя и вы, и особенно ваши товарищи, плохие симулянты, — прибавил он, смеясь.

— Что вы, доктор! А я-то гордился нашими способностями...

— Чересчур стараетесь — особенно ваш японец. Ни один психиатр не поддается на такой обман... Стало быть, бы не настаиваете на своем помешательстве?

— Нет, что уж тут... Так число помешательств растет?

— Да. Сражение с неслышным и невидимым противником, сражение с ничто, которое сыплет откуда-то бомбы, гранаты, шрапнель, с врагом-невидимкой, который опустошает ряды, разносит смерть, взрывает, расстреливает, отравляет ядовитыми газами тысячи жертв — и которого нет налицо — все это оказывается чересчур сильным для человеческой природы. Вы стреляете куда-то в пространство и кажется — впустую, зря, без смысла, а вас бьют тоже откуда-то из пространства, но так метко, что целые полки в несколько мгновений превращаются в гору трупов... А вдобавок к этому воздушные суда с их разрывными снарядами! Нельзя сказать, чтобы в войсках обнаруживалась трусость, паника, страх — напротив, развивается какое-то бешенство, равнодушие к смерти, слепое презрение к опасности, но... нервы не выдерживают такого напряжения и каждое сражение теперь дает двадцать и больше процентов помешанных... У вас в Европе то же, но сумасшедших стараются скрывать под рубрикой без вести пропавших. У нас это обнаружилось в особенности со времени сражения на Блэк Ривер. Сто тысяч мирных японцев, проживавших в Калифорнии, в какие-нибудь десять дней организовались в отлично вооруженную армию, подкрепленную отрядом аэрокаров с Гавайских островов. А у нас ведь, вы знаете, вся территориальная армия — восемьдесят тысяч человек. Тем не менее наше военное министерство в несколько дней собрало

и вооружило стотысячную армию... Но опыт и превосходство оружия дали верх японцам. Мы потерпели страшное поражение, потеряв тридцать тысяч убитыми и ранеными, десять тысяч без вести пропавшими и двадцать тысяч сошедшими с ума. Но вы нездоровы, — прибавил он неожиданно, — попробуйте лечь и уснуть, а там посмотрим...

Действительно, я чувствовал себя скверно и последовал его совету. Затем — лишь смутно припоминаю, что было в последующие дни. Организм не выдержал напряжения и в течение двух недель я почти все время оставался в бреду.

Когда кризис миновал и я начал оправляться от болезни, то застал себя еще в убежище. Со мной был Марсель, которого доктор согласился оставить в убежище до моего выздоровления. Вами был передан военным властям как явный симулянт.

В ожидании той же участи мы гуляли по парку, наблюдая печально-комические сцены сумасшедшего дома. Сиделки и сторожа сообщали нам новости. Один дюжий молодец-надзиратель заметил с чисто американской деловитостью:

— Я вас знаю, джентльмены, читал о ваших похождениях. Они-таки заинтересовали нашу публику. После войны вы можете зашибить хорошую деньгу лекциями о том, как вы расправились с этой «Черной Черепахой».

Через несколько дней, когда я совсем оправился, доктор подошел к нам с какой-то бумагой.

— Военные власти требуют вас в качестве военнопленных, если я нахожу вас излечившимися... Что им ответить?

Я поблагодарил его за гуманное отношение и любезность и сказал, что мы ничего не имеем против перечисления из умалишенных в военнопленные. В тот же вечер нас отправили под конвоем взвода солдат-негров к коменданту Чарльстонской крепости. После допроса нам разрешено было поселиться в городе под надзором часового, который должен был денно и ночью дежурить у нашего дома — за наш счет, — и полиции. Я настаивал на том, что мы частные лица, а не воюющая сторона, так как «Южный» был частным аэрокаром газеты «2000 год», а Джим Кеог также частное лицо, воевавшее за свой страх и риск; поэтому, утверждал я, нас должны отпустить на все четыре стороны... Напротив, комендант обнаруживал наклонность продержать нас в каземате крепости. Тем бы, вероятно, и кончилось, если бы не заступничество доктора, пользовавшегося большим влиянием.

Нам вернули наши бумажники, записные книжки, часы и прочие мелочи, находившиеся в наших карманах, когда нас вытащили из моря, и тот же майор Эллиот, комендант крепости, предложил нам поселиться в принадлежавшем ему домике, с прекрасным видом на замок Пинкней и батареи Кинг Стрита, за скромную плату в двадцать долларов в сутки. Он даже ссудил нам пятьсот долларов до присылки денег из Парижа,

заметив, что ему известно, что господин Дюбуа считается одним из самых богатых людей во Франции. Я подозреваю даже, что возможность выгодно сдать домик не осталась без влияния на его решение поступить с нами снисходительно. Как бы то ни было, мы приняли предложение.

Мы рассчитывали встретиться здесь с Вами, но оказалось, он был отправлен в Вашингтон.

Первым делом, конечно, я принялся за серию писем в «2000 год» — телеграфом не пришлось воспользоваться ввиду порядков военного времени — с описанием нашего поединка с Джимом Кеогом и дальнейших приключений. Мы купили также газеты за время с четвертого октября, чтобы подробно ознакомиться с событиями. Два больших сражения немцев с французами кончилось одно в пользу французов, другое в пользу немцев, не изменив, однако, общего хода войны. Они обошлись в восемь тысяч человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Мы знали теперь, что означает это «пропавшими без вести».

Двадцать немецких военных судов были уничтожены англичанами у Флиссингена, с потерей, однако, семи английских единиц, в том числе двух дредноутов и двух крейсеров.

Голод, разорение, бесчисленные банкротства — все это умножалось со дня на день.

В Америке Калифорния перешла в руки японцев, спешно организовывалась новая ар-

мия, но пока войска отступали перед натиском желтых.

В общем, пока перевес был на стороне Франции, Англии и Японии, но... наперекор патриотическому чувству, это как-то мало радовало. Уж очень томила нелепость и ненужность этой всемирной бойни, выступавшая все ярче и ярче по мере развития военных действий и вызвавшая уже во всех странах сильное движение против войны.

Мы прожили тут почти две недели, коротая время в прогулках по городу, и успели уже изрядно соскучиться, когда неожиданное событие внесло разнообразие в наше существование.

Однажды — это было седьмого ноября, на двенадцатый день после нашего поселения в Чарльстоне — квартиронка, прислуживавшая в нашем домике, заболела. В восемь часов вечера вместо нее явилась какая-то негритянка; мы видели из окна, как она объяснялась с часовым, затем вошла в дом. Вскоре мы услышали легкий стук в дверь.

— Войдите, — крикнул я.

Негритянка оказалась худенькой, черной, как смоль, девушкой лет пятнадцати с виду. Она подошла к нам, сделала реверанс, затем неожиданно сдернула со своей головы тюрбан вместе с шевелюрой густых курчавых волос, оказавшихся париком. Мы узнали Вами. Он приложил палец к губам, давая понять, что не следует привлекать внимание часового.

— Откуда, дружище? — спросил Марсель.

- Из Филадельфии.
- Что ты там делал?
- Придумывал план бегства.
- Ну и что же?
- Ну и бежим!
- Когда?
- Сегодня.
- Банзай! Но как же мы выберемся отсюда?
- Через дверь.
- А часовой?

Японец вытащил из-за пазухи кинжал.

— Нет, Вами, — сказал я, — я не хочу убивать этого беднягу.

— Вы предпочитаете, чтобы он застрелил вас?

— Нас трое, мы можем его связать.

— Стоит ему крикнуть — не говорю уже выстрелить — и мы пропали. Как вы им овладеете без шума? А всадить кинжал я сумею прежде, чем он рот разинет.

Марсель принял сторону Вами.

— Надо быть последовательным, — сказал он. — На войне приходится действовать военными средствами. А мы военнопленные... Или добудем свободу, уничтожив врага или... или давайте спать ложиться.

Я колебался. Но видя, что спор грозил затянуться, Вами с какой-то странной усмешкой сказал:

— Раз вы этого хотите, командир, я даю слово, что не стану прибегать к этой игрушке... Но идемте немедленно, если вы мне доверяете. Подробности узнаете после.

Мы живо собрались, и немного погодя все трое спускались к выходу. Было без двадцати девять и я рассчитывал, что часовой пропустит нас беспрепятственно, так как возвращаться домой мы были обязаны к девяти часам и, следовательно, двадцать минут были в нашем распоряжении. Но он загородил нам дорогу. Мы тщетно спорили, настаивали, наконец, предложили ему золотой — но это окончательно испортило дело. Он заявил, что позовет людей и уже открыл рот, намереваясь крикнуть...

В эту минуту произошла ужасная сцена, которая действовала на меня сильнее всех виденных и пережитых до сих пор ужасов — хоть и немало я их видел!

Верный своему слову. Вами не пустил в ход кинжал. Он, как волк, ринулся на грудь негросолдату и впился зубами в его горло. Несчастный захрипел, выронил ружье, судорожно дернул руками, пытаясь схватить врага, пошатнулся и грохнулся навзничь. Спустя несколько секунд Вами поднялся и выплюнул кровь.

— Идем, — шепнул он нам. — Мы потеряли время из-за этого болвана.

Мы торопливо вышли из садика, прошли две-три улицы, пустынные в этот час в этой части города, и увидели автомобиль странной формы, напоминавшей лодку. Им управляли двое негров, о которых Вами сказал нам кратко:

— Это свои.

Мы уселись и вскоре город остался далеко позади нас.

Ночь была лунная, легкий туман вился над побережьем, автомобиль быстро мчался по гладкой дороге, а передо мною неотступно стояла жестокая картина: Вами, перекусывающий своими белыми зубами горло негра и выплевывающий струю крови...

Я был так подавлен, что не спрашивал, куда мчит нас черный шофер. Мне казалось, что наше предприятие осуждено на неудачу. Какое-то равнодушие овладело мною; смерть негра мучила мою совесть, точно я сам загрыз его...

Марсель тоже был в угнетенном настроении. Мы молчали, погруженные в свои мысли, когда неожиданно пушечный выстрел заставил нас встрепенуться.

— Уже! — сказал Марсель, взглянув на меня с тревогой.

— Да, скоро хватились, — пробормотал я. Мы не сомневались, что, это был сигнал тревоги по поводу нашего бегства.

Было близко к полуночи. Часа полтора еще мы мчались, не замечая признаков погони. Но когда наш автомобиль неся вдоль железной дороги из Чарльстона в Саванну, мы заметили далеко позади поезд, шедший из Чарльстона. Один из его прожекторов освещал путь, двое других обыскивали своими пучками света местность по сторонам от дороги.

— Это за нами, — сказал Марсель. — Нас ищут...

Автомобиль пробежал еще несколько сотен метров и остановился. Вами соскочил с него.

— Я сейчас вернусь, — кинул он нам на бегу. И исчез в темноте. Минуту спустя послышался глухой стон; затем я увидел, что закрытый до сих пор семафор подает какой-то сигнал поезду; еще минута — и Вами уже вскакивал в автомобиль, который помчался вперед.

— Я дал сигнал поезду остановиться, — сказал Вами. — Если мы выиграем хоть десять минут, то успеем уйти. Лишь бы добраться до реки...

Мне было не по себе. Я догадывался, что означал слышанный нами стон. Марсель тоже хмурился.

— О чем вы думаете? — спросил я.

— О том же, о чем и вы, — ответил он. Я не выдержал и обратился к Вами.

— А как же сторож при семафоре?

Японец выразительно провел рукой по горлу и показал нам рукоятку кинжала.

Итак, уже второе убийство!

Вами заметил, что на меня неприятно подействовал его ответ.

— Если мы хотим уйти от янки, нам нельзя терять ни секунды, — сказал он. — Мы будем жалеть врага потом, командир, когда уйдем от расстрела или виселицы, а теперь приходится с ним расправляться. Потому что ведь если нас захватят, то не пожалеют. Это война. Вы сами будете довольны, что ушли из плена...

Я ничего не ответил. Да и что мог я сказать? Мы были уже недалеко от реки, когда грохот поезда снова долетел до нашего слуха.

— Нагоняют! — сказал Марсель. — Живее, Вами!

Если у нас еще оставалось сомнение насчет намерений поезда, то залп двух автоматических митральез рассеял его. По нам стреляли. Однако три последовательных залпа не причинили нам вреда. Трудно было прицелиться, когда и мишень и орудия мчались со скоростью сотни километров в час. Вот мы на берегу реки — но где же судно, лодка, шлюпка? Нам изменили, никто не ждет нас, мы пропали!

Чудеса! Автомобиль влетел в воду — еще секунда — и мы плыли на моторной шлюпке, уносившей нас в океан от наших преследователей.

Шоферу не пришлось даже останавливать машину. Легкого движения рычага было достаточно, чтобы перенести движение от колес на винт. Была поднята маленькая мачта с парусом, прибавлявшим хода нашей лодке. Под защитой высокого берега мы были недоступны для наших преследователей, которые, впрочем, потеряли нас из вида на спуске к воде и, вероятно, ломали голову, недоумевая, куда мы провалились; автомобиль-лодка был еще совершенно новым изобретением — и притом не американским, сказал нам Вами.

— Чьим же? — спросил Марсель.

— Одного из ваших соотечественников... Он изобретен в Париже и принадлежит яхте, на которую мы сейчас сядем. Впрочем, спросите лучше негров; они вам все объяснят...

Оба негра обернулись ко мне и, оскалив зубы, вымолвили разом:

— Здравствуйте, патрон.

Час от часу не легче! Несмотря на черную кожу, я в ту же минуту узнал своих молодцов — Пижона и Кокэ! Они явились к нам на выручку за две тысячи миль, из Франции!

Когда, обменявшись приветствиями, мы немного успокоились, Пижон рассказал нам, каким образом они очутились здесь.

— Наш великий человек, желая освободить вас из американских лап, решил снарядить с этой целью экспедицию. Надо было найти молодца, способного осуществить такое предприятие. Нужно ли говорить, на ком остановился его выбор? Ровно месяц тому назад, восьмого октября, вызывает он меня из Лондона. Сажусь на крейсер и лечу через Ламанш — кругом торпеды плавают, подводные суда ползают, миноноски рыскают...

— Утки летают, — буркнул Кокэ, занимавшийся мотором и внимательно слушавший.

Но Пижон только отмахнулся рукой и продолжал:

— Миллионы миллионов опасностей, но, презирая все, прилетаю в Париж и являюсь перед ясные очи «самого»... Принимает благосклонно, спрашивает: «Вы ведь смелый человек, Пижон?» «О да, местье», — говорю я.

— И соврал, — снова перебил Кокэ; но Пижон продолжал, не смущаясь:

— «А Кокэ согласится отправиться с вами?»
«На край света, месье». «Прекрасно, я вас именно туда и посылаю». — Затем он изложил мне суть дела — выцарапать из плена вас и господина Дюшмена, для чего зафрахтовать пароход, но не французский — потому что его захватят либо немцы, либо американцы, — а какой-нибудь нейтральной нации. Великий человек поручил мне поискать подходящее судно. В тот же день я зашел с визитом к мисс Аде Вандеркуйп и разговор с ней навел меня на мысль... Надо вам сказать, что ее жених. Том Дэвис уехал...

— Разве он жив? Ведь он был на аэрокаре «Принц Уэльский», который на моих глазах взорван Кеогом.

— Да, и почти весь экипаж погиб, но Дэвис уцелел...

— Вот гуттаперчевый малый! Ну так что ж он?..

— Он в тот же вечер уехал, исчез, пропал без вести, уведомив мисс Аду письмом, что ему поручена деликатная, секретная миссия и чтобы не беспокоились по поводу его отлучки... Но потом распространились слухи, будто никакой миссии на него не возлагалось, а просто он помешался — надо вам сказать, что из участников сражения чуть ли не пятая доля потеряла рассудок, — и скрылся неведомо куда. Разумеется, это все вздор, но за последние шесть недель в Европе наделано и наговорено вздора больше, чем за все прошлые времена, считая от праотца

Адама. Как бы то ни было, мисс Ада решила разыскивать своего жениха. Предполагается, что он в Америке, и вот ей пришлось в голову зафрахтовать голландское судно. Тут-то я и подумал, что было бы кстати соединить наши усилия. Патрон — я говорю о самом, о великом человеке — одобрил этот план, хотел взять все издержки на себя, но господин Вандеркуйп запротестовал, и в конце концов решено было разделить их пополам... И вот, немного погодя, господин и госпожа Вандеркуйп с дочерью отплыли на голландском судне «Кракатау» — вон оно перед нами, — намереваясь укрыться на время войны в своем имении на Яве, что совершенно естественно...

— А как же вы нашли Вами?

— Я узнавал у японского посланника, известно ли ему что-нибудь об участии экипажа «Южного». Он сообщил мне, что единственный уцелевший японец, Вами, бежал из плена, о чем сообщил ему. Затем, когда мы прибыли в Филадельфию, на палубу «Кракатау» явился негритенок с мелким товаром... Вы догадываетесь, кто был этот негритенок. Был выработан план вашего избавления, а как он приведен в исполнение, вы сами знаете...

В это время мы были уже близко от «Кракатау». Пижон дал сигнал и через несколько минут мы были на палубе. Несмотря на поздний час ночи — вернее, ранний час утра — семейство Вандеркуйп встретило нас в полном составе; они

не ложились спать, тревожась за успех опасного предприятия.

Приняв нас на борт, судно немедленно двинулось к Багамским островам. Мы долго сидели за чайным столом, обмениваясь впечатлениями и новостями, и только около четырех часов утра разошлись по каютам. Заботливая госпожа Вандеркуйп приготовила для нас с Марселем роскошную спальню и скоро усталость взяла свое — мы погрузились в сон.

Глава XII

ОПАСНОЕ ПЛАВАНИЕ

*Встреча с американским крейсером.
Обыск. Наше убежище. Взрыв «Оклахомы».
Блуждающие торпеды. Бунт экипажа.
Запоздалая помощь. Странный пловец.
Прибытие в Нассау. Встреча с Томом
Дэвисом. Отплытие «Кракатау». Новая
экспедиция.*

Около восьми часов нас разбудил пушечный выстрел, от которого наша каюта заходила ходуном.

— Видно, на море не применяют беззвучных орудий? — спросил я Марсея.

— Нет, — ответил он зевая. — Впрочем, это сигнал... Не нам ли?

В ту же минуту Пижон ворвался в каюту.

— Вставайте, — крикнул он, — торопитесь! Американский крейсер. Выстрел — сигнал остановиться! Будут осматривать судно!

Мы поспешно оделись, обмениваясь мыслями по поводу этого приключения. Может быть, это

просто осмотр встречного судна с целью убедиться в его подлинной нейтральности и отсутствии на нем военного груза; в таком случае нам не грозило никакой опасности. Но могло быть и нечто худшее: появление и отплытие «Крака-тау», вероятно, не осталось без внимания и наши преследователи могли связать с ним наше исчезновение и уведомить по беспроволочному телеграфу суда, крейсирующие близ американских берегов. В таком случае сообщены, конечно, и наши приметы. Нас найдут, заберут, предадут военному суду...

— И расстреляют, патрон, — закончил мой помощник. — А потому торопитесь — от крейсера уже отвалила шлюпка — идите за мной, а я вас закупорю так, что никакая ищейка не заподозрит вашего присутствия.

Оказалось, что только одна труба парохода связана с машинным отделением. Другая была фальшивой и в ней-то «закупорил» нас Пижон на время обыска. Рекомендуя нам соблюдать тишину, он прибавил, что господа Вандеркуйпы намерены предложить посетителям лучшие вина и фрукты, а мисс Ада приготовила для них запас очаровательнейших улыбок, так что обыск, вероятно, будет не слишком строгим.

Обыск, действительно, сошел с рук благополучно, хотя командир «Оклахомы» получил из Чарльстона уведомление о нашем предполагаемом отплытии на каком-то голландском судне, замеченном ночью близ устья Саванны. Поэтому

осмотр производился довольно тщательно; но внимание американских офицеров было направлено, главным образом, вниз, на трюмы, которые они обшарили добросовестнейшим образом, пока мы утешались апельсинами вверх, в нашем убежище. В конце концов посетители не нашли ничего подозрительного и отправились восвояси, а мы продолжали свой путь.

Я беседовал с мисс Адой о шансах отыскать Тома Дэвиса. Во время моего пребывания в Чарльстоне я случайно узнал, что американская полиция получила уведомление о нахождении Тома Дэвиса в Америке и разыскивала его. Это сообщение очень обрадовало мисс Аду, так как подтверждало ее предположения. Мы обменивались догадками о том, где бы он мог находиться, как вдруг «Кракатау» вздрогнул от отдаленного, но страшного взрыва.

Это был уже не пушечный выстрел. Все бросились на палубу. В бинокли мы увидели страшное зрелище. В нескольких милях к северу от нас гигант «Оклахома» быстро погружался в воду.

— Блуждающая торпеда! — крикнул нам с мостика капитан «Кракатау» Йорденс. — В Гольфстриме их много, оторванных бурями. Крейсер тонет...

— Ах, бедняги! — воскликнула мисс Ада. — Капитан Йорденс, папа, господа... Мы должны им помочь. Мы успеем спасти хоть часть несчастных!

— Мадемуазель, — возразил капитан, — это неблагоприятно. Это флоридское течение — самая опасная часть здешнего моря: в нем блуждает не одна торпеда. Мы удаляемся от него, — и чем скорее мы уйдем, тем лучше... Я обязан повиноваться распоряжениям вашего отца, как владельца этого судна, но я не уверен, что там одна, а не две или несколько торпед. Конечно, если он прикажет...

Говоря это, старый морской волк глядел на Вандеркуйпа с выражением, говорившим: «Надеюсь, что вы не сделаете такой глупости».

Пижон и Кокэ также говорили о неблагоприятии и опасности этой попытки, господин Вандеркуйп хмурился и молчал, я и Марсель ждали развязки.

— Но, господа, — возразила молодая девушка, — ведь это люди — такие же, как мы! Они гибнут, неужели вы оставите их без помощи. Они видят нас. Они ждут нас. Они надеются, что мы принесем им помощь. Отец, мама, умоляю вас, прикажите капитану идти на помощь. Капитан, взгляните на этот флаг, голландский флаг — и если у вас нет жалости, то побойтесь позора! Ведь это стыд для нашей родины...

Капитан побагровел.

— Мадемуазель, — быстро возразил он, — я моряк, мое дело бороться с морем; будь это простое кораблекрушение, меня не остановил бы никакой шторм... Но тут нам грозят другие опасности. В этом течении много блуждающих торпед... Они наставлены самими американцами — пусть

американцы и знают последствия. С какой стати нам терпеть в чужом пиру похмелье! Мы почти вышли из этого опасного течения, будем же продолжать путь.

Но господин Вандеркуйп перебил его:

— Капитан, — сказал он твердо, — моя дочь права — мы должны помочь гибнущим. Перемените курс и идите к месту катастрофы.

Но это оказалось не так-то просто. Капитан, человек суровой дисциплины, не колебался ни минуты — но его распоряжения встретили неожиданное сопротивление со стороны команды.

Напуганные взрывом, люди отказались повиноваться, и потребовалась вся решимость капитана, чтобы подавить это сопротивление, едва не разрешившееся открытым бунтом.

На это ушло довольно много времени и когда мы направились к месту катастрофы, наша помощь была уже запоздалой.

— Немного их останется на поверхности, когда мы подойдем — сказал Марсель, всматриваясь в бинокль. — К тому же им не справиться с течением, а оно уносит их от нас.

Вскоре нам пришлось убедиться, что мы бесполезно подвергаемся опасности. Ни крейсера, ни обломков, ни людей не было видно на поверхности. Огромное судно пошло ко дну почти мгновенно; немногие из экипажа успели всплыть, но и те уже были поглощены водой или акулами. Быть может, иные были унесены течением и еще держались на воде, но отправляться на розыски этих

несчастливых было бы безумием. Мы прошли все-таки с милу по течению дальше того места, где произошла катастрофа, но не заметили никого. Капитан вопросительно взглянул на господина Вандеркуйпа, стоявшего рядом с ним на мостике.

— Будем продолжать наш путь, капитан, — сказал он. — Очевидно, наша помощь запоздала.

Судно снова переменяло курс — на этот раз к великой радости экипажа — и мы стали удаляться от опасного места.

Вдруг капитан крикнул не своим голосом:

— Руль направо! Круто! Полный поворот!.. Прямо на нас плывет торпеда!

Он вовремя заметил опасность. Еще несколько минут — и было бы поздно. На расстоянии каких-нибудь пятидесяти метров от «Кракатау» мы увидели странного пловца. Обезумевший от ужаса матрос с «Оклахомы» оседлал одну из торпед, оторванных последней бурей. Судорожно цепляясь за нее, как за какой-нибудь безобидный буюк, он медленно плыл по течению. Он кричал нам и махал рукой, умоляя о помощи.

Но «Кракатау» уходил полным ходом. Мы слышали, как его жалобные мольбы сменились проклятиями, видели, как он грозил нам кулаком...

Но едва избежав гибели, мы сами поддались ужасу. Сколько здесь этих торпед? Мы напряженно всматривались в море, то и дело ожидая увидеть смертоносное орудие... Никто не помог несчастному, да и бесполезно было бы пытаться

остановить судно — экипаж на этот раз скорее сбросил бы нас в море, чем подчинился бы такому приказу.

Вскоре мы вышли из опасного течения. Настроение, однако, было подавленное, мы избегали смотреть друг на друга. Однако с начала этой безумной войны нам пришлось уже пережить столько жестоких впечатлений, видеть столько ужасов, что никакая сцена из Дантова ада не могла бы оказать на нас длительного влияния. Когда, спустя два часа, перед нами всплыл над изумрудной гладью Антильского моря Багамский архипелаг и показались укрепления порта Нассау, мы уже весело болтали, собравшись на носу судна.

Огненный диск солнца спускался на безоблачном небе. Постройки Нассау и английские военные суда выделялись резкими черными силуэтами на золотистом фоне. Винты «Кракатау» тихо шлепали по воде. Мы медленно входили в гавань, направляясь к пристани. Мисс Ада была очень взволнована, яркая краска выступила на ее щеках, глаза светились надеждой и беспокойством. Она направила бинокль на пристань, где виднелась толпа людей. Вдруг она радостно вскрикнула:

— Это он! Он!

В самом деле в толпе любопытных мы узнали Тома Дэвиса, жениха нашей очаровательной командирши. Он был, по обыкновению, в статском платье, и махал нам шляпой.

Спустя несколько минут мы были у пристани. Лишь только сбросили лесенку, Том взбежал на пароход с проворством школьника. Мы теснились к нему навстречу. Минута была очаровательная, и Пижон не преминул зафиксировать ее на фотографической пленке.

Том, видимо, не был расположен рассказывать о своих делах при всех. Мы спустились в гостиную, где он живо уединился с мисс Адой. Я отправил Кокэ на телеграф с депешами в «2000 год», а сам беседовал с английским офицером, явившимся на яхту для санитарного осмотра. Он сообщил нам последние новости. Впрочем, их было немного. В войне наступил момент затишья, три дня уже не было сколько-нибудь крупного столкновения. Противники исправляли, как умели, понесенный ущерб, хоронили своих мертвецов, лечили своих сумасшедших. Приближался момент всеобщего банкротства.

Ближайшие решительные действия ожидались здесь, в Америке. Вторая японская эскадра шла от Суэцкого канала на соединение с английской. Они должны были ринуться на американцев со стороны Атлантического океана, меж тем как первая японская эскадра действовала в Тихом, по ту сторону Панамского канала.

Покончив со своими секретами, мисс Ада и ее жених присоединились к обществу. Но мы тщетно пытались выжать из Тома какие-нибудь сведения о его путешествии. Он был очень весел, сообщил кое-какие неизвестные нам подробности

о Лондонском сражении, но в своих делах не обмолвился ни словечком. Он попросил только нас не упоминать о нем в телеграммах и сообщил, что завтра собирается уехать из Нассау.

«Кракатау» должен был отправиться обратно в Европу, так как обе цели — господина Дюбуа и мисс Ады — были достигнуты; я же решил остаться в Америке в ожидании обещаемых великих событий.

Остаток дня мы с Пижоном посвятили телеграфированию в «2000 год» подробного отчета о наших приключениях. Это удовольствие обошлось в тридцать восемь тысяч франков.

На другой день утром мы осмотрели порт Нассау, гигантские доки, арсенал, где нас особенно заинтересовали исполинские бомбы для броненосцев. Пижон, несмотря на запрет, сфотографировал мисс Аду рядом с одной из таких бомб.

После осмотра мы не торопясь возвращались на пристань, когда сигнал, раздавшийся на яхте, заставил нас встрепнуться и ускорить шаги. Что случилось? Сирена звала нас неистово. Мы знали, что этот сигнал — быстрое повторение коротеньких взвизгов — означает требование возвращаться на борт как можно скорее.

Оказалось, что японский адмирал Курума, который должен был вечером прибыть в Нассау с эскадрой из тринадцати судов, опасаясь шпионов, потребовал от своего английского коллеги, вице-адмирала Кноллиса, очистить порт от нейтральных судов.

Куруме вверялось, по соглашению английского и японского правительств, общее командование над соединенной англо-японской эскадрой. Кноллис, возглавлявший английский отряд из семи крейсеров, обязан был подчиняться его распоряжениям. Не позднее трех часов «Кракатау» должен был оставить порт Нассау.

Как ни горько было мисс Аде расставаться с Дэвисом, но пришлось покориться судьбе. Смелая девушка не задумалась бы остаться со своим женихом и разделить его приключения и судьбу, но она понимала, что эта романтическая затея неосуществима.

Мы простились с семейством Вандеркуйп и Марселем, возвращавшимся во Францию, и долго следили глазами за уходившей яхтой. Когда она скрылась в голубоватой дали, я обратился к Дэвису с просьбой помочь мне устроиться на английской эскадре. Пижона я решил оставить в Нассау, главной базе предполагаемых операций, куда будут стекаться все сведения; сам же хотел отправиться на место действия. В этом решении меня укрепляла телеграмма патрона, полученная утром — следующего содержания:

«Статья кабелем получена. Соперники из „3000 года“ лопнут от зависти. Браво! Продолжайте в том же духе. Внимание здешней публики устремлено Америку. Там производятся таинственные приготовления, которые должны положить конец войне».

Том подтвердил это краткое сообщение.

— Вы увидите великие дела, если останетесь с нами, — сказал он. — Великие дела...

Он отвел меня на «Кромвель», флагманский крейсер, и представил вице-адмиралу Кноллису, который отнесся к моей просьбе очень любезно и разрешил мне остаться на крейсере.

К вечеру явился японский флот. Адмирал Курума решил остаться сутки в Нассау, пополнить запасы, а затем двинуться дальше.

Японский план заключался в одновременном нападении обеих японских эскадр на американцев в Тихом океане и в Антильском море. Задачей адмирала Курумы было пройти в Мексиканский залив, высадиться — в случае победы над американской эскадрой — в устье Миссисипи и овладеть Нью-Орлеаном. Проникнуть в Мексиканский залив можно было двумя путями — через Флоридский пролив, между Флоридой и Кубой, или через Юкатанский, между Кубой и Мексикой.

Первый путь был кратчайшим, но и более опасным. Приходилось идти между двух огней, имея неприятеля с обоих боков, а главное — нужно было пройти мимо Кейп-Веста, гряды островков или, точнее, скал, обрамлявших флоридский проход с севера и превращенных американцами в грозное укрепление. Их соединяла железная дорога, защищенная исполинскими орудиями и флотилией миноносцев. По слухам, здесь же сосредотачивалась деятельность Электрического отдела Военного министерства Соединенных Штатов, который, под руководством знаменитого

изобретателя Эриксона, подготавливал в тайне какие-то чудеса, какие-то новые применения электрической энергии, долженствовавшие превзойти все известное поныне. Об этом ходили пока только темные, глухие слухи.

В четыре часа японская эскадра, готовая к отплытию, выстроилась на рейде Нассау. При каждом японском крейсере имелось небольшое подводное судно и аэрокар, так что вся эскадра состояла из тридцати девяти единиц. Начальство над воздушной эскадрой было вверено адмиралом нашему приятелю Вами, в награду за его подвиги на «Южном». Я порадовался этому повышению храброго малого, но Том Дэвис отнесся к моему японскому другу очень сухо и холодно. Вообще меня поразило отношение англичан к своим желтолицым союзникам; в нем чувствовалось какое-то отчуждение, почти враждебность. Адмирал Кноллис говорил о своем японском коллеге с заметной гримасой; я объяснял это самолюбием белого — да еще англичанина! — которое оскорблялось подчинением японцу, хотя бы и старшему в чине. Но как объяснить отношение Тома Дэвиса?

— Не находите ли вы, что эта нелепая война выглядит еще нелепее благодаря союзу белых с желтыми против белых? — заметил он, когда я спросил его об этом. — Как хотите, а я не могу отделаться от мысли, что тут есть нечто вроде измены... Все мы, белые, связаны узами нашей старой культуры; разрывать эти узы — противоестественно...

Ну, дрались бы меж собой, если уж без этого нельзя, но призывать на помощь монголов, хотя бы и усвоивших нашу культуру... Знаете ли вы, что в европейских странах повсюду наблюдается в последние дни сильнейшее движение в том именно смысле, как я говорю: движение против войны — и рядом с ним движение против союза с японцами?

Он помолчал немного и прибавил:

— И я думаю, что народное чутье не обманывает. Да, да, мы в союзе с японцами, но они не о союзе с нами думают! Японцам — Америка, китайцам — Европа... Впрочем, не будем предаваться социологическим фантазиям, — прибавил он, засмеявшись. — У нас слишком много практических дел на руках. Но и на практической почве кое-что выяснилось. Вы, по-видимому, очень интересуетесь моей миссией?

— Очень... По тем глухим слухам и неясным намекам, которые достигли моих ушей, я заключаю, что дело идет о чем-то весьма важном, и если мне первому удастся сообщить об этом в «2000 год»...

— То номер произведет фурор... Да, я думаю. Но, друг мой, сейчас еще не время для сообщений. А если вы отправитесь со мною, то обещаю вам кое-что новенькое...

Мы вели этот разговор, пока «Кромвель» готовился к отплытию. Английская эскадра должна была следовать за японской. У нас также при каждом крейсере имелось подводное судно и

вместо свободного аэрокара привязной воздушный шар. Том предложил мне поместиться в его корзине, вместе с ним и капитаном Брайеном, на что я охотно согласился.

Вскоре длинная вереница судов, выстроившихся в линию, покинула рейд Нассау, направляясь во Флоридский проход, без огней, во мраке ночи.

Глава XIII

МОРЕ В ОГНЕ

*Во Флоридском канале. Магнитное
возмущение. Загадочный циклон.
Встреча с американским флотом.
Неудачная бомбардировка. Огненная
стена. Саламандры. Возвращение
вспять. Таинственная поездка. В стане
неприятеля.*

Сидя в корзине привязного шара, мы всматривались в темноту, и я недоумевал, почему эскадра не хочет пользоваться прожекторами. Но Том Дэвис объяснил мне, что решено попытаться пройти Флоридский пролив без боя, а для этого нужно было остаться незамеченным.

Мы толковали об укреплениях Кейп-Веста, где механизм обороны — торпеды и другие приспособления — приводился в действие телемеханически, то есть посредством электрических волн. Вдруг на судне послышался какой-то шум — видимо, возникла тревога. Капитан Брайен

переговаривался с командиром по телефону. Он взглянул на свой компас и сказал:

— Да, верно... — а затем, обратившись к нам, прибавил: — Удивительное дело... Командир заметил, что компасы сбились с толку. А японский адмирал сообщает, что то же произошло на всех судах. Везде стрелка показывает неправильно. Так что, направляясь к юго-западу, мы в действительности шли на север и отклонились на пять миль от верного курса. Хорошо, что с переднего аэрокара заметили это отклонение. Что бы это могло значить?

— Бьюсь об заклад, что я угадал, — сказал Том Дэвис. — Это одно из тех чудес, которые готовит нам Электрический отдел. Если гений Эриксона электризовал эту гряду скал, соединил их целыми системами кабелей, по которым проходит мощный электрический ток, то не мог ли он превратить, ее в нечто вроде колоссального электромагнита, который притянет к себе наш флот, причем его влияние сказывается в начале отклонением магнитной стрелки?

— Полноте, это неправдоподобно, — сказал я. — Это напоминает легенды о магнитных островах, вытягивающих гвозди из деревянных судов, так что корабль рассыпается и гибнет...

— Все великие изобретения неправдоподобны, пока не сделаны. Что касается легенды — то разве наука не оставила за флагом все сказочные чудеса? Впрочем, явление отклонения магнитной стрелки наблюдается и в естественных условиях.

Остров Борнгольм в Балтийском море действует на магнитную стрелку на расстоянии пятнадцати километров... Так что в этом отношении Эриксон только воспроизвел естественное явление.

— Я думаю, так оно и есть, — заметил капитан Брайен. — Поговорите-ка с адмиралом; может быть, ему не пришлось в голову.

Том обратился к телефону. Адмирал ответил, что его предположение, по всей вероятности, справедливо. Позднее я узнал, что он действительно не ошибся.

По соглашению с Курумой адмирал Кноллис переменял направление и двинулся к югу. Решено было пустить в ход прожекторы, так как следовать в темноте при испорченных компасах было слишком рискованно. Битва же во всяком случае имела в виду, хотя удобнее было бы дать ее в Мексиканском заливе.

Между тем поднялся ветер. Я пытался определить его направление, но капитан Брайен сказал:

— Барометр падает так быстро, что нужно ждать циклона, господа. Да вот и он, легок на помине!

Я бы не поверил в возможность подобной перемены. Внезапно, без всякого перехода, тихая погода с легким восточным ветром превратилась в какой-то дикий танец смерчей, вихрей и молний.

— Надо спуститься, — сказал капитан Брайен. — Иначе этот ураган живо с нами расправится.

В одну минуту шар был притянут к судну, опорожнен наполовину и уложен в специальное

помещение. Мы с Томом укрылись в какую-то будку на нижней палубе.

Небо превратилось в сплошной очаг молний, непрерывных, широких, страшных по своей необычайной продолжительности.

Ветер с диким воем крутился вокруг судов, поднимая воду огромными столбами, то и дело обрушивавшимися на палубу.

Вой ветра, рев моря наполняли воздух таким адским шумом, что мы не могли говорить.

Вдруг среди этого шума раздался еще более адский грохот, точно какой-нибудь крейсер дал залп из своих колоссальных орудий.

— Вот оно! — подумал я. — Вот и битва... И дернуло ж меня забраться в этот ад! Теперь пойду акул кормить вместе с этими беднягами...

Мне казалось, будто град бомб осыпал судно, и я не сомневался, что оно пойдет ко дну. Даже сквозь адский шум и рев разбушевавшихся стихий я слышал вопли раненых.

Но я ошибался. Никакой артиллерийский снаряд не тронул «Кромвель». Капитан Брайен, проходивший мимо нас, сообщил, что беду наделала молния.

— Куча убитых на верхней палубе, — сказал он. Мы бросились туда.

Человек двадцать или тридцать убитых и изувеченных лежали на палубе. Большинство оказались мертвыми, на живых было страшно смотреть. Один из уцелевших сообщил, что на палубе появился какой-то огненный шар, какого ему никогда

еще не случалось видеть, пронесся вдоль корабля, поражая встреченных на своем пути, и исчез.

Гроза между тем затихла так же быстро, как началась. Когда беспроволочный телеграф, действие которого на время приостановилось, начал функционировать, с семи судов сообщили о таких же катастрофах.

— Как вы это объясните? — спросил я у Дэвиса. — Восемь шаровых молний разом, на восьми кораблях! Откуда они взялись? Неужели и тут не обошлось без Электрического отдела и Эриксона?

— Я совершенно убежден в этом, — ответил Том. — Со временем узнаем достоверно...

В эту минуту снова послышался грохот. Но теперь это действительно был грохот орудий. Японские суда стреляли в американскую эскадру — довольно многочисленную, как нам казалось. Тем не менее она уходила на запад, а японцы гнались за ней.

Том Дэвис минут пять следил в бинокль за бомбардировкой американской эскадры.

— Странное дело, — сказал он. — Похоже, что японцы бьют мимо цели.

Я внимательно следил за светящимися траекториями бомб. Несомненно, Том был прав. Ни одна из них не попадала в цель, так как ни разу не последовало вспышки отдаленного взрыва.

Как могли японские артиллеристы метить так плохо, раз они славились своим искусством? Мы ничего не понимали...

Капитан Брайен снова наполнил шар и мы заняли место в корзине.

Том Дэвис высказал предположение, которое показалось нам очень вероятным. Если допустить, что усилия Эриксона организовать электромагнитную оборону увенчались успехом, многое, казавшееся непонятным, объяснялось очень просто.

— Как наши компасные стрелки, — говорил Том Дэвис, — эти бомбы испытывают магнитное отклонение. Как бы ни было оно незначительно, но при огромной траектории полета его действие скажется заметно и снаряд минует цель.

Понемногу изменяя прицел, японцы начали наконец стрелять успешнее. Мы заметили взрыв на большом судне, далеко впереди нас. Вероятно, это было одно из последних судов американской эскадры, которую упорно преследовал Курума.

— И чего он гонится за ними? — сказал Брайен тоном, не обнаруживавшим никакого почтения к японскому адмиралу. — В этом опасном проливе, имея Кейп-Вест с одного бока, Гавану с другого, продолжать преследование совсем неблагоприятно. Уж не думает ли он, что американская эскадра то же, что русская, которую его соотечественники уничтожили тридцать лет тому назад в знаменитом бою при Цусиме? Тогда сами русские моряки величали свои суда «калошами». Но тут он уже не с калошами имеет дело! На его месте я бы остерегался эскадры, улепетывающей без боя

от выстрелов, которые почему-то не попадают в нее. Это наверняка ловушка...

— Вы забываете, что его товарищи нападают на другую американскую эскадру в Тихом океане, — возразил Дэвис. — Он имеет предписание торопиться с боем... Но где мы, собственно, находимся, Брайен?

— Милый мой, — флегматично ответил капитан, — убей меня Бог, если я знаю! После этой пертурбации с компасами и катавасии со стихиями трудно что-нибудь разобрать.

На судне снова слышались звуки тревоги, шум, движение, затем последовал приказ эскадре остановиться.

Что случилось? Об этом адмирал спрашивал нас снизу. И действительно, с нашей вышки мы были свидетелями самого невероятного, самого фантастического зрелища, какое мне когда-либо случалось видеть...

Море горело! К северу и к югу от эскадры на нем вспыхивали один за другим исполинские языки пламени, сначала голубоватые, потом желтоватые, красноватые. Они сливались с той и другой стороны пролива в сплошные стены огня — и две эти огненные полосы бежали навстречу друг другу с поразительной быстротой. Спустя несколько мгновений перед нами чернел только узкий проход между двумя огненными завесами.

Тут-то обнаружили пагубные последствия безрассудного рвения японцев.

Курума увлекся преследованием американцев, бегство которых, как правильно догадался Брайен, было притворным. Теперь они возвращались: мы заметили вдали пучки света из прожекторов и слышали гром их орудий. Японцы очутились между двух огней. Перед ними была эскадра янки, превышавшая их численностью; за ними — пылающее море.

А английская эскадра, которая доставила бы им перевес над неприятелем, осталась за этой огненной стеной.

Посланные на разведку подводные суда, вернувшись, сообщили следующее.

На дне моря, между Кейп-Вестом и кубинским берегом, на глубине двадцати пяти метров была заложена огромная труба. В ней имелись клапаны на известных расстояниях друг от друга, которые были открыты все разом, когда Электрический отдел нашел это нужным. Из них вырывались столбы нефти, нагнетаемые под огромным давлением; поднимаясь над морем высокими фонтанами, они разливались на его поверхности, образуя сплошной пояс. Подожженный с обоих концов, он быстро воспламенился, и обе полосы, расширяясь и удлиняясь, благодаря непрерывно прибывавшему горючему материалу, вскоре слились в широкую стену огня. Когда вернулись суда, посланные на разведку, проход уже исчез, проникнуть за стену было невозможно; пришлось даже податься назад, избегая пламени.

Зрелище было грандиозное. Представьте себе огненную стену вышиной в двадцать метров и более, увенчанную разноцветными языками пламени и клубами черного дыма. Багровый отблеск ее ложился на лица и суда, придавая им какой-то демонический отпечаток.

Том Дэвис взглянул на меня с улыбкой, которая привела меня в смущение. Мне казалось, что в ней выражается какая-то тайная радость по поводу случившегося. Я не выдержал и сказал ему об этом.

— Двойная, милейший мой, — ответил он в припадке откровенности, — двойная, дорогой друг: во-первых, радуюсь тому, что мы избежали западни, во-вторых... нимало не огорчаюсь тем, что наши милые союзники в нее попали.

Слова эти не особенно поразили меня после того, что я уже слышал от него. Да и некогда было раздумывать. С нашей вышки, позволявшей заглянуть через огненную стену, открылась ужасающая картина.

Японский флот бежал перед американским. Построившись веером, броненосцы Курумы неслись полным ходом на огненную стену.

— Как! — воскликнул капитан Брайен, — неужели они рассчитывают прорваться сквозь огонь!

— Очевидно, — заметил Том Дэвис, — и я думаю, им это удастся. Да больше им и делать нечего.

Действительно, американская эскадра гналась за японской, осыпая ее снарядами. Японцы

отстреливались, но по-прежнему неудачно. Напротив, американские снаряды достигали цели; мы видели, как два японских крейсера взлетели на воздух и пошли ко дну. Остальные с безумной дерзостью ринулись в огненную стену. Без сомнения, командиры спрятали поглубже в трюмах весь горючий и взрывчатый материал. Но как же люди?

Признаюсь, на секунду я закрыл глаза. Но бешеное «ура!», раздавшееся на «Кромвеле» и других английских крейсерах, заставило меня снова открыть их.

Линия огня была пройдена. Американская эскадра, оставшаяся за огненной стеной, видимо, не считала нужным продолжать бой и пошла на запад.

Но флот Курумы потерял три крейсера в этой схватке и состоял уже только из десяти единиц.

Японский адмирал немедленно распорядился идти в Нассау, откуда соединенный флот должен был попытаться пройти в Мексиканский залив Юкатанским проходом.

«Кромвель» поджидал, пока обе эскадры выстроятся в линию, так как должен был идти в хвосте.

— Значит, вы не прочь отправиться со мной? — спросил меня Том Дэвис.

— Очень не прочь.

— Даже не зная куда?

Я колебался с минутой, потом сказал.

— Даже на таких условиях.

— Я еще раз могу повторить, что это предприятие доставит вам возможность послать в «2000 год» такое сообщение, которое даст ему перевес над газетами всего мира — понимаете, всего мира...

— Вы меня интригуете...

— Необходимо, чтобы вы еще некоторое время оставались заинтригованным... Итак, едем!

— Как, сейчас?

— Именно. Мы сядем на подводное судно, которое повезет нас...

— Куда?

— Не спрашивайте; еще рано.

— Будь по-вашему. Итак, неведомо куда... В каком же качестве я отправлюсь?

— В качестве моего секретаря, если ничего не имеете против.

— Решительно ничего.

— Прекрасно... Я знаю, что вы владеете английским, как родным. Только вам нужно будет сбрить усы и бороду. Пойдемте в каюту, там найдется все нужное... Когда будете говорить, произносите слова немного в нос — всякий вас примет за американца. Поспешим же...

Через четверть часа мы были уже в подводном судне. Кроме его команды, состоявшей из офицера и двух механиков, с нами находился какой-то субъект — сухопарый, костлявый, в цилиндре длиной с фабричную трубу — типичный янки, «дядя Сэм» с карикатур. Том Дэвис познакомил нас, отрекомендовав субъекта, как «своего друга, мистера Дика Джаррета».

Мы подвигались очень медленно из опасения наткнуться на какой-нибудь сюрприз вроде торпеды или американского подводного судна. Я раздумывал об этом странном путешествии и, правду сказать, чувствовал себя не в своей тарелке. Что бы могла значить эта таинственная поездка? Мы плывем к американскому берегу — с какой целью? Причинить ущерб неприятелю? Уничтожить, разрушить, взорвать какие-нибудь приспособления? Очевидно нет. У нас не было с собой никаких орудий, никаких средств для подобной цели. Стало быть, мы хотим высадиться на берег? Я спросил об этом у Дэвиса; он утвердительно кивнул головой. Но зачем, неужели в качестве шпионов? Меня покорило. Конечно, военный шпион, лазутчик, не имеет ничего общего с тайной полицией и сыскным делом, но все-таки я бы предпочел проявлять свой патриотизм на другом поприще... Я решил не думать о будущем и принялся набрасывать на листках записной книжки подробную телеграмму в «2000 год» о приключениях соединенной эскадры и пожаре на море.

Мы плыли — или точнее, ползли — не менее часа, когда офицер сделал знак механикам остановить судно.

— Посмотрите-ка, — сказал мне Том Дэвис, указывая на круглое окошко в стене судна.

Я увидел странную фигуру. Нечто вроде огромной металлической брони, состоявшей из металлических колец; за стеклянным забралом шлема виднелось человеческое лицо.

— Этот молодец, — сказал человек, которого Том представил мне под именем Дика Джаррета, — инженер Электрического отдела, Нат Годфрей, смотритель за торпедами.

В то же время он сделал какой-то знак, на который человек в броне отвечал, к моему удивлению, по-видимому, вполне дружелюбно. Наша лодка подвинулась еще немного вперед; затем я услышал характерный шум, показавший, что мы поднимаемся на поверхность.

Минуту спустя мы находились у пристани, среди плавучих батарей и судов.

Дик Джаррет что-то сказал часовому, стоявшему на пристани, и тот почтительно отдал честь. Затем мы простились с офицером, который должен был вернуться в Нассау. Я попросил его передать Пижону набросанную мной телеграмму для «2000 года» и строго-настрого запретил сообщать хоть слово о моей таинственной поездке. Затем офицер вернулся на судно, а мы — Том Дэвис, Джаррет и я — направились в город или крепость Кейп-Вест, выстроенную на последнем островке гряды.

Минут десять спустя мы остановились перед небольшим зданием, по-видимому, харчевней для моряков.

— Вы останетесь со мной, — сказал Том. — Вам не придется говорить, не понадобится спрашивать. Слушайте только — и вы постепенно узнаете цель моей миссии еще сегодня вечером.

Я кивнул.

Дик Джаррет простился с нами и мы вошли в довольно большую комнату, где несколько посетителей курили и пили, сидя за столом. Том Дэвис поздоровался с ними, велел слуге негру закрыть ставни на окнах, затем выпроводил его из комнаты и запер дверь на ключ. Меня он представил этим людям как своего сотрудника, при котором можно говорить откровенно. Я с нетерпением ждал, что будет дальше, так как чувствовал, что превращаюсь в воплощенное недоумение.

Глава XIV

ЗАМОРОЖЕННАЯ ЭСКАДРА

*Миссия Тома Дэвиса. Сообщения
уполномоченных. Желтые против белых.
В лаборатории изобретателя. Успешные
переговоры. Новый союз. Круговой дождь
и гибель японских аэрокаров. Разрыв
с союзниками. В Нью-Орлеане. Участь
японской эскадры.*

Затворив дверь, Том Дэвис подошел к столу.

— Друзья мои, — сказал он, — мы одни. Вы можете говорить без опасения. Сообщите мне о результатах вашего расследования. Роберт Бертон, начните вы. Вам было поручено изучить обстановку в Австралии. Что вы узнали?

Человек, к которому он обратился, начал серьезным тоном:

— Я убедился, вне всяких сомнений, что в Австралии японцы готовят то же, что устроено ими в Калифорнии. Двести тысяч с лишком якобы мирных японцев ожидают сигнала от своего правительства, чтобы организовать в вооруженную

армию. События в Калифорнии заставили обратить внимание на желтое население Австралии. Удалось выследить запасы и склады оружия, удалось, несмотря на японскую скрытность, получить доказательства сношений австралийских японцев со своим правительством — доказательства, не оставляющие сомнения в том, что японское население в Австралии связано в одно целое организацией, нити которой сходятся в военном министерстве Токио. Полученные сведения хранятся в строжайшем секрете, так как оглашение их могло бы ускорить подготавливаемую Японией катастрофу, а это при настоящих условиях было бы невыгодно для Австралии: отсутствию постоянной армии отдало бы ее в руки японцев. Но втайне принимаются меры к обороне; нет сомнения, что если Японии удастся, как она надеется, сокрушить в союзе с Англией Америку, то она немедленно обратится против своей союзницы и Австралия будет одной из ее баз...

Наступило молчание. Том обратился к соседу Бертону:

— А вы, Джон Айсридж, что вы узнали в Южной Африке?

— Приблизительно то же, что мой товарищ в Австралии. Правда, попытки японцев восстановить белое население против метрополии не имели успеха: свободные учреждения, автономия, уважение к независимости колоний связали его с Англией достаточно прочными узами; но черное население на стороне японцев. И в момент

восстания оно не останется безоружным: удалось напасть на след обширных приготовлений Японии в этом смысле.

— Джим Бэквиль, что вы сообщите об Индии?

— Ничего хорошего. Я, как вам известно, получил свое назначение еще до войны, так как деятельность японцев в Индии давно уже внушала подозрения. Они оказались более чем основательными... К сожалению, об индусах нельзя сказать того же, что мой товарищ сообщил о белом населении Африки. Реформы и улучшения не удовлетворяют их; мечта же о своем парламенте, об автономии, все еще остается мечтой. Последствия налицо. Лозунг «Азия для азиатов» сводит с ума индусов. Японцы почти открыто проповедуют восстание в пользу индусской республики со столицей в Бомбее. Доверчивые до глупости, индусы не колеблются. Нам грозит восстание — посерьезнее восстания сипаев, так как оно получит поддержку от японцев и китайцев, которые, как вы знаете, уже усвоили европейский военный строй и вооружение...

— Сампсон Льюис, сообщите о ситуации в Индокитае и Китае...

— То же самое... Французский Индокитай наводнен японскими шпионами. Тонкин и Аннам* — центры огромного заговора. Он облегчается тем, что Франция управляет своими колониями прескверно: республика у себя дома, она до сих пор

* Вьетнам. — *Прим. составителя.*

поддерживает в колониях почти автократический режим... Формоза доставит, в случае надобности, подкрепления. Вы ведь знаете, что японцы превратили ее в неприступную крепость. Сказочные арсеналы, чудовищные пушки, пояса торпед, флоты подводный, надводный, воздушный... Но что значит индокитайское восстание в сравнении с тем, что готовится в Китае! Как вам известно, еще со времени разгрома России Японией в Китае началось «возрождение», результатом которого должно было явиться изгнание белых из Китая и завоевание России. Оно шло не так быстро, как думали, и до сих пор еще не выражалось военными предприятиями. Теперь, когда белые истощаются во взаимной резне, наступил желанный момент. Это можно было предвидеть заранее, но вот что мы узнали лишь недавно, дело ведется в союзе с Японией. Существует — я имею документальные доказательства этого — японо-китайское соглашение насчет раздела Азии. Ждут только окончательного поражения американцев. Тогда Китай бросается на наши владения в Гонконге, Кантоне, Шанхае, главные же силы направит на ненавистную ему Россию. Последняя готовится к этой войне с обычным тщанием: она уверена, что Китай «не посмеет» — в решительную минуту, без сомнения, будет захвачена врасплох...

Наступило довольно продолжительное молчание. Затем Том Дэвис сказал:

— Господа, благодарю вас за усердное исполнение вашей трудной задачи. Теперь вы отправитесь

в Англию. Подробные, документально обоснованные отчеты о том, что вы резюмировали здесь в немногих словах, я просил вас отправить туда непосредственно, не представляя их мне, так как небезопасно возить с собой такого рода документы. Мне известно, что они доставлены по назначению. Колоссальный заговор, отдельные звенья которого вы обрисовали, не подлежит сомнению и разоблачение его произведет свое действие. Если мы, белые, уверенные в господстве нашей расы над миром, порвали узы, которые должны бы были оставаться для нас священными — то не порвали их желтые; они готовятся встать, как один, на завоевание этого господства. Кроме сообщенных вами сведений, я имею целый ряд данных об ударе, подготавливаемом японцами своим союзникам, когда последние станут ненужными для них. С самого начала войны наше министерство иностранных дел возложило на меня миссию, которая вполне совпадала с моими личными стремлениями. Мысль о новой группировке союзов занимает меня с тех пор, как я увидел, в какую пропасть мы стремимся. Мне поручено было прежде всего удостовериться, действительно ли желтые куют заговор, организуют восстание в наших и французских колониях, подготавливают вооруженные силы. Теперь это установленный факт. Я вскоре присоединюсь к вам в Англии: теперь же моя задача — вступить в переговоры с американским правительством. Человек, который сейчас явится сюда — Дик Джаррет — окажет мне

содействие. Он президент американской федерации рабочих союзов, которая против войны с Англией. Его голос — это голос восьми миллионов организованных рабочих, он будет мне солидной поддержкой. Я сегодня же начну переговоры с президентом Соединенных Штатов.

— Значит, мы едем в Вашингтон? — спросил я.

— Зачем? Оставаясь в Кейп-Весте, я могу преспокойно потолковать с Белым домом. А здесь мы попытаемся привлечь на свою сторону наиболее влиятельного в данный момент человека, профессора Эриксона, заведующего электрической обороной...

Кто-то постучал в дверь. Том Дэвис отворил, и вошел «дядя Сэм», а с ним вместе ворвался и солнечный свет; было уже утро. Я искал глазами уполномоченных, но они исчезли, не простившись. Мы пошли с Джарретом в город, над которым парил аэрокар, напомнивший мне аппараты японской воздушной флотилии при эскадре Курумы.

Когда негр, прислуживавший посетителям, получал по счету, его фигура вызвала в моей памяти облик Вами, переодетого негритенком. Что это?! Мне, кажется, начинают уже всюду мерещиться японские шпионы...

Джаррет нанял для нас номер в Солнечном отеле. Благодаря его посредничеству, нам удалось избежать формальностей, неизбежных в таком пункте в военное время. Впрочем, особенных строгостей американцы не применяли — город,

по словам Тома Дэвиса, кишел шпионами и контрабандистами. На последних полиция смотрела сквозь пальцы, так как контрабанда доставляла барыши местным отелям и магазинам.

Отдохнув немного, мы отправились к Эриксону. Лаборатория его помещалась в огромном белом здании, расположенном в глубине двора, обнесенного высокой оградой. Какие-то столбы, мачты, трубы, антенны беспроводного телеграфа, сети бесчисленных проволок и кабелей придавали этому сооружению своеобразный вид.

Мы вошли в небольшую постройку у ворот. Джаррет, сопровождавший нас, сказал несколько слов встретившему нас служителю, который, справившись по телефону, заявил:

— Маршал ожидает вас. Зайдите только в соседнюю комнату и наденьте предохранительные костюмы, а то, пожалуй, расплавитесь прежде, чем доберетесь до него.

Маршалом величали Эриксона. Этот титул, так не подходивший мирному изобретателю, он носил в качестве начальника электрической обороны.

Мы зашли в соседнюю комнату, где увидели несколько дюжин каучуковых костюмов с капюшонами, в которых были проделаны отверстия для глаз. Служитель выбрал подходящие к нашему росту и мы надели их. Предосторожность оказалась не лишней, так как едва мы вышли из постройки и направились по какому-то узкому

проходу среди фантастических аппаратов, электрические разряды осадили нас со всех сторон.

Пройдя двор, мы вошли в дом, где нас пригласили в кабинет маршала, предложив предварительно разоблачиться от предохранительных костюмов.

Кабинет, примыкавший к лаборатории, не был загроможден аппаратами. В нем находилась только какая-то странная машина фантастического устройства со множеством клавишей — не то рояль, не то орган.

Джаррет представил нас знаменитому ученому, наружность которого была мне знакома по портретам в иллюстрированных журналах и на открытках.

— Я попрошу вас выслушать этих господ, маршал, — прибавил он. — Они изложат вам великую идею, которая, как они надеются, встретит с вашей стороны сочувствие и поддержку: план новой группировки участников этой войны, позорной для Европы...

— Но не для Америки, — резко перебил Эрик-сон. — Вы видели, какой урок я дал вчера желтолицым, которые думают, что им все позволено, раз им удалось разбить нашу импровизированную армию на Блэк Ривер. То же будет и в других местах, и разными способами — вы увидите! Из этой комнаты, при помощи этих клавиш, я могу распоряжаться силой, перед которой спасуют все ухищрения артиллерии. Должен сказать, что ни одна страна в мире не обладает такими средствами ведения войны.

Он постепенно одушевлялся, говоря это. Видно было, что он уверен в своем всемогуществе. Да судя по тому, что мы видели вчера, у него было некоторое основание для подобной уверенности.

— Из этой лаборатории я сумею отстоять свою страну от японцев, англичан и французов на море и на суше. Поражение при Блэк Ривер произошло от замедления в организации электрической обороны. Может быть, в ближайшие дни случатся и еще подобные же неудачи. Но оборудование уже закончено и эти неудачи будут последними. При помощи этих клавиш я могу вызвать в любом пункте, на площади радиусом в триста миль, магнитное возмущение, циклон, шаровые молнии, наводнение. Могу вызвать на расстоянии взрыв подземных мин, заготовленных в подходящем месте и способных уничтожить целую армию... Могу сделать многое, о чем вы еще услышите. Такие же центры организованы в Новом Орлеане, в Сент-Луисе, в Чикаго. Район их действия распространяется на всю Америку. Источник энергии, которым я располагаю, измеряется миллионами лошадиных сил...

Я подумал, что при таком воинственном настроении маршал, пожалуй, отнесется равнодушно к нашему проекту; раз он уверен, что Соединенные Штаты одни справятся со всеми союзниками.

Так как он замолчал, то Джаррет решился заговорить и изложил ему план союза белых против Японии, предлагаемый Дэвисом.

— Этот план, несомненно, в интересах Англии, — ответил маршал, — но я не вижу, где тут интересы Соединенных Штатов. Мы достаточно сильные, чтобы управиться и с японцами, и с англо-французским флотом, если он решится на нападение. По-моему, нам надо добиваться победы. А тогда поговорим.

Том Дэвис в свою очередь попробовал отстоять свой план. Он прибавил, что Англия и Франция, правительства которых, как ему известно, уже получили сведения о колоссальном японо-китайском заговоре против белых, без сомнения предложат Америке почетные и выгодные условия. Все дело за Соединенными Штатами и он, Дэвис, явился в Кейп-Вест искать поддержки маршала Эриксона, самого влиятельного в настоящее время лица в Штатах.

Но маршалу, по-видимому, не хотелось так быстро кончать с войной теперь, когда, как ему казалось, японцы были в руках янки.

— Может быть, это уж слишком сильно сказано, — рискнул заметить я.

В эту минуту раздался звонок у телефона. Эриксон приложил к уху слуховую трубку и вдруг побледнел, пошатнулся и упал без чувств на руки Джаррета.

Придя в себя, он снова бросился к телефону. Мы слышали, как он потребовал сообщить ему подробности. Пока их передавали, две крупные слезы скатились по его щекам.

Кончив разговор, он обратился к нам с таким убитым видом, что у нас защемило на сердце.

— Увы, — сказал он тихо, — плохие вести... Второе сражение в Калифорнии кончилось вторым поражением. Японцы проникают массами в Аризону. И мой единственный сын погиб. Мой сын Элиас, служивший в Западной армии, убит бомбой... Мой сын Элиас... убит!

Он несколько раз повторил эту фразу, весь, по-видимому, поглощенный своим горем.

Деликатность требовала уйти. Мы встали — но он встрепелся и удержал нас жестом. Лицо его исказилось: видимо он боролся с собой. Спустя несколько мгновений его черты приняли холодное, суровое выражение, и он сказал совершенно спокойным тоном:

— Вы правы, господа. Эта война возмутительна: она слишком долго тянется. Белые должны соединиться и положить ей конец. Я принимаю ваше предложение и сегодня же поговорю с президентом... Мне уже нечего терять в этой войне, она отняла у меня сына, но ради тех, у кого есть дети, я сделаю все, чтобы сократить ее продолжительность. Что до японцев — они заплатят мне за эту смерть. Вы увидите, какие удары я буду наносить им. Оставайтесь у нас, поедemте со мной в Новый Орлеан... Итак, изложите мне еще раз ваш план и ваши полномочия.

После довольно продолжительной беседы с Дэвисом он вступил в переговоры с Белым домом по телефону. По окончании их он сказал им:

— В принципе идея сближения с Англией и Францией принята. Теперь остается только

столковаться о материальных условиях союза. Наше правительство немедленно вступит в переговоры с Англией и Францией. Если, как вы говорите, там уже готовы к союзу, то здесь задержки не будет — вы знаете, мы, американцы, не любим терять время на проволочки. Через час-два вопрос будет решен. Пойдемте пока, я покажу вам станцию.

Мы снова надели предохранительные костюмы и отправились осматривать этот центр стольких изобретений.

Через час мы вернулись в кабинет маршала. Поговорив по телефону, он обернулся к нам:

— Дело устроивается к чести белого мира. Кажется, и Россия присоединится к союзу; воинственные намерения Китая не подлежат сомнению, а воспоминание о страшных поражениях в начале нынешнего столетия подрезывает все-таки самоуверенность вашей союзницы, — прибавил он, обращаясь ко мне.

Можно себе представить, как мы были довольны таким успешным результатом. Эриксон пригласил нас завтракать, затем мы продолжали осмотр станции, когда какой-то сигнал заставил его встрепнуться.

— Ага! — сказал он. — Сейчас вы увидите кое-что новое для вас, господа. Это способ, придуманный мной для уничтожения воздушного флота японцев. Вы увидите его в действии. Сигнал, который вы только что слышали, извещает о приближении японских аэрокаров. Да вон они.

Пока он говорил это, подъемная машина подняла нас на вершину деревянной постройки, окружавшей какие-то компрессоры неизвестного нам назначения.

В зрительные трубки мы могли рассмотреть два аэрокара того же типа, что я видел над флотом Курумы. Без сомнения, это были японские разведчики. Они приближались к городу на высоте более тысячи метров, недостижимые для рядов наземной артиллерии. Очевидно, им было неизвестно, что здесь снаряды уже вышли из употребления.

— Как же вы справитесь с ними? — спросил я.

— Видите эти центробежные турбины? Они выбрасывают воду — воду Алибама, которая вливается в аппарат по гигантской трубе, продавливается через ряд последовательных цилиндров все более и более узкого диаметра и вылетает струями на громадную высоту — струями твердыми, как сталь. Вы знаете, что твердость увеличивается соответственно живой силе тела, зависящей в свою очередь, от быстроты движения... Бумажный кружок, если вращать его с достаточной быстротой, режет, как стальная пила; цепь, состоящая из отдельных звеньев, если как следует раскрутить ее, выпрямляется, как палка, и разбивает встреченное препятствие, не сгибаясь сама; струя воды, падающей с большой высоты, так тверда, что от нее отскакивает револьверная пуля... Так и здесь, струи воды, получающие в воздухе вращательное движение благодаря

аппарату, который вы можете видеть внутри этой постройки, обладают несокрушимостью стали. Чтобы сообщить им такую силу, нужна колоссальная затрата энергии. Но я уже говорил вам, что располагаю таким источником энергии... Пускайте! — крикнул он вдруг машинисту.

Турбины завертелись с оглушительным свистом. Завывание самого бешеного урагана ничто в сравнении с шумом, который производили струи воды, вылетающие в высоту огромными спиралями. Оба аэрокара, тем временем приблизившиеся к городу и спустившиеся метров на восемьсот — вероятно, чтобы лучше видеть, а может быть и с целью угостить нас разрывными снарядами, — были захвачены струями и завертелись с головокружительной быстротой; в одно мгновение они были изломаны, изорваны, искорверканы, превращены в кучу обломков и обрывков, которые, поднявшись в высоту до последних колен спирали, посыпались в море вместе с измолотыми человеческими телами в дожде падавшей сверху воды. Все это длилось каких-нибудь пять-шесть минут.

Когда мы вернулись в лабораторию, наш хозяин снова поговорил с кем-то по телефону, а затем обратился к нам:

— Через четыре дня Курума рассчитывает войти в Нью-Орлеан. Я думаю, что это ему удастся. Без сомнения, он войдет в устье Миссисипи, преследуя наш флот, который не намерен принимать боя. Но выйдет ли он из него — другой вопрос.

Поедьте со мной в Нью-Орлеан; вы увидите, как мы примем японского адмирала... Теперь, когда английская эскадра предоставляет его собственным силам, наш флот мог бы управиться с ним, но я предпочитаю другой способ...

— Как, — воскликнул я, пораженный этим быстрым оборотом дела, — разве английская эскадра оставляет Куруму?

— Это вещь решенная. Переговоры между новыми союзниками кончены и завтра утром адмирал Кноллис отстанет от японской эскадры и предоставит ей действовать одной.

— Но, — возразил я, — разве это возможно? Без предупреждения, без заявления о разрыве?.. Ведь это...

— Дружище, — перебил Дэвис, — нас ведь не предупреждали о заговоре, который, однако, организован в наших колониях. Мы успели вовремя открыть эту мину и должны подвести контрмину...

— К тому же, — заметил Эриксон, — Курума завтра же узнает о разрыве. Английская эскадра не соединится с американской для совместного нападения на японскую — что было бы бесспорно предательством — она только вернется в Нассау. Стало быть, ничто не помешает ему вернуться обратно, ввиду изменившихся обстоятельств. Но он этого не сделает! Нам известно, что он получил приказ овладеть Нью-Орлеаном и высадить в нем десант для содействия японцам, надвигающимся из Калифорнии. И он исполнит этот приказ, хотя

бы против него были все эскадры мира. Теперь же его положение вовсе не отчаянное. Его эскадра приблизительно равна нашей — стало быть, шансы на победу у него есть.

Не могу сказать, чтобы эти рассуждения уничтожили во мне чувство некоторой неловкости. Некрасиво как-то все-таки выходило... Ну, да ведь и во всей этой безобразной войне красоты мало!

Эриксон сказал, что ему нужно идти в лабораторию. Вечером он собирался отправиться в Нью-Орлеан.

— Раз мы отправимся вместе, оставайтесь у меня. Если хотите переговорить со своими в Европе, то я соединю. Отсюда депеши идут через Нью-Йорк.

— Могу ли я продиктовать статью в «2000 год»? — спросил я.

— Можете. Это будет первое сообщение о новом союзе держав! В наших газетах о нем общаются, вероятно, только в завтрашних вечерних выпусках.

Я, разумеется, не заставил себя просить. Часа три я затратил на диктовку статьи — о, сенсационной статьи! Я живо представлял себе патрона, когда он получит известие о таком перевороте в мировой политике, можно сказать, о перемещении оси мира. Я продиктовал ее на Нью-Йоркскую станцию Электрического отдела, выдав чек на двадцать четыре тысячи франков чиновнику, находившемуся при станции Кейп-Вест.

Вечером мы отправились на электропоезде в Нью-Орлеан, куда прибыли утром. Большой, многолюдный оживленный город произвел на нас хорошее впечатление. В нем не было заметно никаких признаков военного времени; население занималось своими делами, сновало и суенилось на улицах, разгуливало по бульварам и набережным, по-видимому, вовсе не думая об опасности. Между тем город был почти беззащитен; никаких укреплений, фортов, батарей. Но жители так непоколебимо верили в изобретательность Эриксона, что тревожного настроения не замечалось.

Эриксон предложил нам остановиться на электрической станции, предупредив только, чтобы мы, если вздумаем осматривать ее, ходили по дорожкам, усыпанным красным песком. На них мы были в безопасности от неприятных контактов и могли обойтись без предохранительных костюмов.

Со станции открывался вид на Бьенвильскую бухту в устье Миссисипи, откуда как раз в это время выходила в море американская эскадра.

— Скоро ее место займет японская, — заметил Эриксон. — Мне нужно осмотреть, все ли готово к ее приему. Располагайтесь здесь как дома.

В ожидании этого приема, мы коротали время, осматривая город. Меня и Тома очень занимало, какую ловушку подготавливает Эриксон японскому флоту, но изобретатель отделялся недомолвками. Мы узнали только, что американская эскадра не намерена оказывать серьезного

сопротивления японскому флоту и что ее флагман с несколькими судами укроется от неприятеля в Миссисипи.

— Курума, конечно, явится за ним, займет бухту, запрет наши суда в западню, которую они сами себе приготовили, и будет располагать судьбой города, лишенного средств к сопротивлению.

— Ну а дальше?

— А дальше — увидите сами. В городе много японских шпионов. Правда, мы назначали высокую премию за голову японского шпиона, — (меня слегка передернуло при этих словах) — но осторожность все-таки не мешает... Увидите сами. Кстати, у вас есть в запасе теплое платье?

— Да.

— Оно вам понадобится сегодня ночью. Будет довольно сильный мороз. Население предупреждено об этом. Не очень большой, но все же градусов десять-двенадцать...

— Такой холод на берегу Мексиканского залива?

— Да, бывает иногда... Имейте это ввиду.

Этот разговор происходил уже на второй день нашего пребывания в Нью-Орлеане. К вечеру мы услышали вдаль, на море, канонаду. Вскоре на горизонте показались суда. Еще немного погода мы могли рассмотреть их в бинокль. Американский флагманский крейсер «Небраска» с тремя другими судами бежал от шести броненосцев Курумы, отстреливаясь на ходу и направляясь к Нью-Орлеану. Были ли остальные суда уничтожены

или просто эскадры как преследующих, так и преследуемых разделились и только часть явилась в устье Миссисипи — мы не знали. Вскоре Клиффорд — адмирал американского флота — вошел в устье и поднялся по реке, насколько это было возможно для морских гигантов. Курума остановился перед городом, вероятно, готовясь к бомбардировке. Но ему был подан сигнал о сдаче и мэр с муниципальными советниками отправились на пароходе для переговоров.

Они должны были, как сообщил нам Эриксон, заявить японскому адмиралу, что город, не имея средств для артиллерийского боя, не считает возможным оказать сопротивление и сдается. Что касается броненосцев Клиффорда, то так как спасения для них нет, муниципалитет берется вступить в переговоры с ними и с правительством и добиться их сдачи — о чем сообщит адмиралу утром.

Было уже темно. Температура понемногу падала, оправдывая предсказание Эриксона, серый туман постепенно окутывал бухту. Мы видели, как черные массы японских судов, освещая путь прожекторами, выступили в Бьенвильский рукав Миссисипи и расположились в гавани в правильном порядке. Но вскоре туман окутал их непроницаемой пеленой. Вернувшийся мэр сообщил, что Курума принял их предложение, пригрозив только, что если к утру он не получит известия о сдаче броненосцев, то подвергнет город бомбардировке.

— Ну, господа, — сказал нам Эриксон, — теперь можете идти спать, а я займусь на станции. Ложитесь без опасений — не смущайтесь угрозой бомбардировки, утро вечера мудренее...

Но где уж тут было спать! Мы с Томом решились провести ночь на балконе, одевшись потеплее, так как погода решительно повернула на мороз. Время от времени к нам заходил Эриксон, отвечая на наши вопросы неизменным:

— All right, джентльмены, all right.

— Каким, однако, холодом несет с бухты, — заметил Том, — подумашь, этот Курума привез нам зиму.

В самом деле термометр показывал двенадцать градусов ниже нуля. В густом тумане, одевшем бухту, мы заметили, около двух часов ночи едва различимое мельканье сигнальных огней. Казалось, японская эскадра охвачена какой-то тревогой. Но вскоре все успокоилось.

Наконец, настало утро. Температура значительно повысилась. Туман растаял, рассеялся — и перед нами предстала картина бухты.

Фантастическая картина! Весь Бьенвильский рукав, отделившийся от реки плотиной, которой я не замечал раньше, замерз, превратился в сплошную массу льда.

Броненосцы Курумы, белые от инея, одевшего их снасти сплошной бахромой, увязли в этой плотной ледяной коре.

Никаких признаков жизни не замечалось на судах. Не видно и не слышно было сигналов, ни

часовых, никакого движения, никаких звуков. С берега двинулась к ней по льду городская милиция и дала залп из ружей. Никакого ответа...

Ни одно орудие, ни одно ружье не откликнулись на этот вызов. Тишина стояла мертвая.

— Да что же вы сделали с японской эскадрой? — воскликнул я в изумлении.

— Я ее заморозил, — спокойно ответил Эрик-сон. — Заморозил со всем экипажем, от адмирала до последнего юнги, и со всем десантом.

Глава XV НАУЧНАЯ БОЙНЯ

Костер из девяти тысяч трупов. На станции в Аризоне. Отраженные аэрокары. Взрыв на расстоянии. Искусственное землетрясение. Дождь азотной кислоты. Массовая электрокуция. Смерть Эриксона. Обессиленная станция. Отступление. Схватка с китайцами. Снова в плену.

Я попросил Эриксона объяснить мне, каким образом удалось ему осуществить такое предприятие.

— О, это довольно просто, довольно элементарно... Вы увидите в дальнейшем более замечательные в смысле новизны изобретения. Здесь же прием по существу не представляет чего-либо нового. Бьенвильский рукав отделен от моря шлюзом, затворы которого, когда эскадра войдет в гавань, запираются, чтобы обеспечить глубокую стоянку. От реки он также отделен разборной, составной подводной плотиной, которая выдвигается над уровнем воды автоматически, когда

я нажму регулятор. Таким образом, бухта превращается в озеро. Избыток воды, задержанный плотиной, изливается в другой рукав Миссисипи через особый канал шириной в пятьсот метров на милю выше по течению.

На дне бухты заложена мною система колоссальных труб, громадный змеевик известного вам типа холодильной машины. Охлаждение достигается посредством жидкого воздуха, быстро испаряющегося в трубах, причем длина последних предупреждает возможность взрыва от внезапного расширения газа. Не буду описывать упрощений, введенных мною в устройство машины. Главное все-таки колоссальный масштаб этого сооружения, возможный потому, что я располагаю здесь энергией в 1200000 лошадиных сил...

Аппарат был пущен в ход с таким расчетом, чтобы к моменту появления эскадры в гавани температура понизилась в достаточной степени для образования тумана — на случай если Курума вздумал высаживать десант тотчас по прибытии. В ясную ночь это еще возможно, но в таком тумане было бы слишком неблагоприятно. Впрочем, он и без того отложил эту операцию до утра...

Затем я сообщил своей машине полное действие. В силу испарения жидкого воздуха и быстрого расширения газа, температура воды в соседстве с трубами понизилась до двухсот градусов холода; в воздухе над водой до высоты в несколько метров она упала до ста с лишним градусов ниже

нуля. Такого холода человек не выдержит, особенно если застигнут им врасплох.

— Далеко ли распространяется действие этого холода? — спросил я.

— О, нет. Действие холодильного аппарата локализовано в очень небольшом районе. Догадайся японцы забраться на верхушки мачт, они бы нашли там холод всего градусов десять-пятнадцать ниже нуля. Но это им не могло прийти в голову... Вы можете отправиться посмотреть на место действия. Машины давно уже остановлены, иначе и нашим нельзя было бы приблизиться к эскадре. Теперь же температура, вероятно, немного ниже нуля. Сходите, полюбуйтесь на мое поле сражения. На шести этих громадах было тысяч девять душ. Ручаюсь вам, что не спасся никто! Так что мы нанесли врагу ущерб в девять тысяч человек и приобрели шесть первоклассных военных судов с полным оборудованием, абсолютно без потерь с нашей стороны... Недурно ведь, а?

Мы отправились к эскадре. Маршал сказал правду — ни один японец не уцелел. Всюду на палубах, между палубами, в орудийных казематах, грудями и поодиночке лежали окоченевшие трупы, иные со спокойными лицами, точно спящие, другие, искаженные судорогой, с выражением страдания. Адмирал Курума был найден в кресле у телефона, трубка которого оставалась в его окоченевшей руке. Видимо, он пытался еще отдавать какие-то распоряжения, когда смерть застигла его. Судя по начатым работам, он хотел

попытаться проложить путь из гавани, прорубая лед перед судами. Но было уже поздно...

— Тела будут сожжены, — сказал мне один офицер. — Пятьсот рабочих уже готовят костер на берегу. Костер из девяти тысяч трупов — эффектное будет зрелище!

Осмотрев адмиральский крейсер, я сказал Дэвису:

— Пойдемте! Я достаточно насмотрелся на этих несчастных. Мне кажется, эти горы трупов будут мне сниться каждую ночь... Будет с меня одного крейсера; на других ведь то же самое. Уйдем!

Вернувшись на станцию, мы поздравили маршала с блистательной победой.

— Да, — сказал он, — это серьезный успех. Можно сказать, что атлантическая японская эскадра не существует более. Четыре крейсера, погнавшиеся за нашими по другому направлению, без труда будут уничтожены Клиффордом. Теперь надо принять меры против сухопутной японской армии. Мне сообщили, что число японских солдат в Калифорнии достигло уже двухсот тысяч. Если хотите, едем со мной в Туксон, в Аризону.

Мы, разумеется, согласились.

Немного погодя на рейде появилась английская эскадра Кноллиса. С ней прибыл и мой верный Пижон, не усидевший в Нассау, где, по его уверениям, было слишком мало опасностей для его геройского духа. Я был доволен его приездом, так как предстояло протелеграфировать

грандиозную статью в «2000 год». Мы немедленно занялись этим делом, которое обошлось нам в сорок тысяч франков.

Вечером мы видели сожжение японских трупов.

Незабываемое и злоеющее зрелище! За городом, в мелководном озере Поншартрэн, был устроен помост на сваях, на котором сложили тела в несколько громадных пирамид. Щедро политые керосином, они были подожжены с разных сторон. Вскоре столбы пламени, перевитые клубами черного дыма, взвились к небу. Когда эта ужасная гекатомба из девяти тысяч мертвецов, несмотря на все принятые предосторожности, начала распространять отвратительный запах, мы вернулись на станцию.

Сорок восемь часов спустя мы вышли из поезда на станции Туксон, откуда отправились в экипажах, под охраной отряда всадников, на станцию Электрического отдела, устроенную на Свинцовой горе, в пустынной, бесплодной местности. Отсюда Эриксон намеревался действовать против японской армии, направлявшейся из Калифорнии через Техас в Луизиану с целью овладеть южной, смежной с мексиканским заливом, частью Штатов. Гарнизон станции состоял из десяти тысяч человек под начальством генерала Страуберри.

Эриксон занялся на станции, поручив своим помощникам, Ронбиггеру и Берку, ближайшие операции против наступавшей армии. Мы

отправились с ними ночью, верхом, в сопровождении трех тысяч пехотинцев-рабочих и каких-то повозок с неизвестными мне аппаратами.

Нам предстояло, как объяснил мне Берк, прежде всего задержать воздушную эскадру японских разведчиков, присутствие которых было обнаружено у водопадов Сильвестра, в сорока километрах от станции Электрического отдела.

На рассвете мы остановились в степи, на берегу маленькой речки, и наш отряд тотчас принялся расставлять приборы, протягивать канаты, ставить какие-то мачты.

Немного погодя кто-то крикнул:

— Вон аэрокары!

В самом деле вдаль появилось с дюжину воздушных судов.

Тотчас раздалась команда, запыхтели динамо-машины; но я не замечал никаких последствий.

— Посмотрите хорошенько, — сказал мне Пижон, указывая на аэрокары, — они не двигаются вперед. Посредством электромагнитных волн Ронбиггер и Берк парализуют все их усилия. Видите? Они поворачивают назад, убедившись, что не могут перейти запретную границу.

В воздухе и вправду происходила немая борьба. Тщетно японские аэрокары рвались вперед — какая-то невидимая сила отталкивала их, пока, наконец, утомленные этим неодолимым сопротивлением, они не повернули обратно и не исчезли на горизонте.

После этого Берк приказал наполнить три сторожевых аэрокара и любезно предложил нам занять в них места.

Я оставил Пижона на земле для наблюдения за деятельностью аппаратов, в которых он понимал гораздо больше меня, а сам поместился в гондоле «Орла» с Берком и механиком. Том Дэвис с генералом Страуберри сели на «Коршуна»; третий аэрокар носил название «Кондор».

Мы поднялись на тысячу метров с тем, чтобы сообщать в лагерь по беспроволочному телеграфу обо всем, что заметим. Кроме того, сейсмографы, снабженные микрофонами, давали возможность точно определить местонахождение неприятельской армии и отмечали ее малейшее движение.

— Нам надо дополнить показания приборов личным осмотром. Японцы находятся теперь в тридцати километрах от нас. Слетаем туда посмотреть.

Мы отправились и вскоре увидели неприятельскую армию или ее передовой отряд, расположившийся лагерем в местности Донкей-Филд. Берк переговорил по беспроволочному телеграфу с нашим лагерем и сказал:

— Мы отлетим немного к северу, чтобы не попасть в сферу действия наших аппаратов. Они сейчас дадут себя знать неприятелю.

Действительно, пока мы удалялись километра на три к северу от японцев, в нашем лагере началась оживленная деятельность. В зрительную трубу я мог разглядеть какие-то странные

приспособления, вроде тех огромных коленкорových полос, на которых господин Мортен де Буа проектирует гигантские рекламы к завтрашнему номеру.

Что означали эти полотняные экраны, поддерживаемые четырьмя привязными воздушными шарами?

Страшный треск, донесшийся со стороны японцев, отвлек мое внимание от наших затей. Какие-то маленькие взрывы, пробегающие по лагерю точно щелканье хлопушек, — и вдруг страшный взрыв на всем пространстве японского лагеря, одевшегося густым облаком дыма и пыли.

— Что же это значит? — спросил я Берка.

— Там взорвано все, что нашлось способного к взрыву, — ответил он, — патроны, патронные сумки, зарядные ящики, бомбы: все дочиста.

— Каким способом?

— Эриксоновским. Экраны, которые вы видели, покрыты особым составом и отражают электромагнитные волны, сосредоточивая их в одной точке на определенном расстоянии, причем всякий металлический предмет становится трансформатором, преобразующим их в искру. Миллионы волн в секунду пронизывают по всем направлениям зону, занимаемую неприятельским лагерем, сталкиваясь буквально в каждой точке, и каждая бомба, граната, патрон взрываются от электрической искры. Вообще, с лучами Герца маршал делает чудеса: это его главная сила... Теперь, лишенные запасов и потерев, конечно, не

одну тысячу солдат, японцы дождутся подкрепления, а затем отправятся дальше. Они не поймут, в чем дело, но догадаются, конечно, кто устраивает им эти сюрпризы. Без сомнения, они напрягут все силы, чтобы овладеть станцией. Но мы их примем на новый лад.

Пока он говорил, мы вернулись к электрической крепости. Перед ней я с удивлением увидел нечто вроде металлической паутины; сеть толстых проволок простиралась на шесть километров от холма. Мне вспомнилась колючая проволока, применявшаяся в войне буров с англичанами и, позднее, русских с японцами; но Пижон объяснил мне, что это приспособление не имеет с ней ничего общего.

— Как мне объяснили, — сказал он, — сюда направляется корпус японцев в двадцать тысяч человек. Он будет встречен у холма Пяти Деревьев и там уничтожен огненным дождем...

— Огненным дождем?

— Или жидким огнем. Дождем азотной кислоты. Вы знаете, что она действует, как огонь. Ливень азотной кислоты на пространстве нескольких километров сожжет японцев живьем прежде, чем они успеют выбежать из его района.

— Ничего не понимаю! Да откуда же здесь возьмется столько азотной кислоты?

— О, источник ее неистощим. Она фабрикуется прямо из воздуха: азот и кислород соединяются под влиянием электрического разряда, вызванного концентрированием в известном пункте

электромагнитных волн определенной длины и амплитуды колебаний. Получается удушливый, ядовитый газ — окись азота; но в то же время колоссальное электрическое поле, созданное таким образом в атмосфере, привлекает отовсюду водяные пары, сгущает их в тучу, которая изливается дождем, захватывающим этот газ и достигающим земли в виде потоков дымящейся азотной кислоты. Такого душа не выдержит ничто живое. И вот в этой ванне предполагается выкупать японский отряд.

— Какое...

— Не договаривайте, патрон. Эта война заставила забыть понятие человечности... Да и раньше-то его плохо помнили. Да... но это еще не все. Чтобы задержать японцев на одном месте, их заставят плясать.

— Как так?

— Будут пущены подземные токи, которые вызовут землетрясение под их ногами; когда же они повалятся на землю, тут-то и хлынет дождь... Если удастся уничтожить весь корпус, то и ладно; если же хоть часть его останется, она двинется дальше и все-таки попытается взять станцию... Но, патрон, я вижу, аэрокары опять готовятся к отлету; на этот раз возьмите меня с собой.

Действительно, сейсмограф сообщил, что корпус японцев находится на расстоянии двадцати пяти километров, и Берк отдал распоряжение об отлете. Он разрешил Пижону поместиться в гондоле «Орла» и мы отправились.

Вскоре мы заметили японскую колонну из тридцати батальонов, двигавшуюся по степи. Мы приостановились на высоте тысячи метров. Представление не заставило себя ждать. Над головами японского отряда, на довольно значительной высоте, я заметил какие-то фантастические огни, какое-то сияние, странный, загадочный, мерцающий свет, охватывавший обширную площадь. Над этой мерцающей сферой за клубился туман, он сгущался в тучу — и вдруг из-под земли, из-под ног японской колонны донеслись глухие раскаты грома, подземные удары. Деревья и кусты зашатались, колонна остановилась, кони взвились на дыбы; люди тщетно старались сохранить равновесие; они размахивали руками, шатались, падали, цеплялись друг за друга, валялись кучами... Но вот из сгустившейся над ними тучи хлынул дождь, потоки дымящейся желтоватой жидкости... Дикий вопль долетел даже на нашу высоту, тысячи людей корчились в муках, они пытались вскочить, бежать, ползти, но земля гудела и тряслась по-прежнему, не давая возможности держаться на ногах. Они задыхались — вследствие быстрого соединения азота с кислородом образовалась как бы пустота, вакуум, пространство с разряженной атмосферой, — металась, извивалась в судорогах... Я бросил зрительную трубу и отвернулся; более ужасного и, надо правду сказать, возмутительного зрелища я еще не видывал; даже замороженная эскадра не могла с ним равняться.

Впрочем, не вся колонна погибла. Шестнадцать батальонов оказались вне сферы огненного дождя.

— Генераторы недостаточно сильны, — проворчал Берк. — Маршал предвидел это, но не успел предупредить... Тысяч десять погибло, остальные идут к станции. Теперь они уверены, что овладеют ею.

В самом деле шестнадцать батальонов, избежавшие гибели, шли скорым шагом к Свинцовой горе.

— Как же их встретят? — спросил я Пижона.

— Для них приготовлена проволока, которую вы видели. Она заряжена электричеством: Эрик-сон нашел способ задерживать его на изолированных проводниках. Посмотрим, что из этого выйдет.

Вскоре показались японцы. Они приостановились перед проволокой, очевидно догадываясь о ловушке. Потом осторожно двинулись вперед, остерегаясь дотрагиваться до подозрительных сетей. Вскоре проходы между проволоками были наполнены людьми. И снова загудела и затряслась земля, снова прокатились глухие подземные раскаты, люди шатались, падали, натыкались на проволоку, машинально хватались за нее — и уже не могли отстать. Токи громадного напряжения пронизывали отряд по всем направлениям, то и дело разрешаясь чудовищными искрами, солдаты валились толпами и спустя четверть часа двенадцатитысячная колонна представляла груды трупов.

— Теперь мы можем спуститься, — сказал Берк. — На сегодня операции закончены. Конечно, завтра японцы будут осторожнее, ввиду полученных уроков, но мы далеко еще не исчерпали всех наших способов защиты. Утро вечера мудренее.

На другой день мы встали поздно, около десяти часов, и начали было набрасывать отчет о вчерашних событиях, когда страшная суматоха на станции заставила нас оторваться от работы.

В чем дело? Что случилось?

Мы слышали крики:

— Убит! Зарезан! — кричали толпы солдат, стремившиеся к помещению маршала.

Я и Пижон бросились туда же.

Какое зрелище! Эриксон лежал на постели бездыханный, из его обнаженной груди торчала рукоятка японского кинжала.

Труп уже окоченел; убийство, очевидно, было совершено несколько часов тому назад.

— Какой-нибудь японец уцелел от бойни, — сказал Берк, — и пока мы почивали на лаврах со свойственной нам беспечностью, пробрался к маршалу под покровом темноты и совершил ужасное дело. Покойный ничего не боялся, не запирали на ночь дверей своей спальни, не имел никакой охраны. Нам следовало подумать об этом раньше, мы его не уберегли...

Когда первый момент смущения и уныния миновал, генерал Страуберри обратился к офицерам:

— Господа, — сказал он с энергией, — кровь за кровь! Нам остается отомстить за покойного маршала и продолжать его дело. Ронбиггер и Берк, его ближайшие помощники, возьмут на себя ведение дальнейших операций. Сегодня мы уничтожим вторую часть японской армии, которая движется на нас с запада...

Но нам готовился новый удар. Со всех постов станции стекались техники, с расстроенными, смущенными лицами. Ронбиггер и Берк, вызванные ими, вернулись к генералу, крайне встревоженные. Поговорив с ними, генерал снова обратился к офицерам, бледный и ошеломленный:

— Господа, — сказал он, — оказывается, что убийство маршала было прелюдией к целому ряду покушений. То, о котором мне сейчас сообщили, в высшей степени серьезно. Оно делает наше положение критическим. На всех постах констатируется отсутствие тока. Как вам известно, мы получаем электрическую энергию из Скалистых гор, за счет водопадов и горных потоков. Они находятся к востоку от нас, так что гарантированы от захвата неприятельской армией. Но японские лазутчики ухитрились проскользнуть в эту местность, несмотря на тщательную охрану, и перерезать провода. Японский корпус в двадцать тысяч человек недалеко, а мы лишены возможности что-либо предпринять против него. Мы не можем даже следить за его приближением, потому что наши аэрокары снабжены электрическими двигателями.

Наступило жестокое смятение. Начальники отряда собрались на военный совет, пригласив к участию инженеров. Мы дожидались решения.

— Да, всякая система имеет свои слабые стороны, — философски заметил Пижон. — Изобретательность Эриксона уничтожила двадцать тысяч японцев разом, но двое-трое японцев, не побоявшихся виселицы, обессилили все эриконовские изобретения... Материал для статьи о превосходстве личной храбрости над механическими способами... Ох, хорошо бы теперь сидеть в редакции.

Отряд кавалеристов был послан в разведку. Вернувшись, они сообщили, что японский корпус движется форсированным маршем на станцию. В состав его входит, кроме японцев, отряд китайцев. Через час авангард должен быть здесь.

Генерал Страуберри хотел было оказать сопротивление:

— У нас десять тысяч человек. Будем защищаться. Один против двоих — это еще сносно...

— Но у нас нет артиллерии, — заметил кто-то из офицеров. — Что же мы сделаем без нее? Нас уничтожат, не допустив до боя. К тому же наши солдаты — это электротехники-рабочие, не привычные к бою... Сопротивление немыслимо при таких условиях.

Генералу пришлось согласиться со справедливостью этого замечания. Решено было отступить.

Тело Эриксона, завернутое в звездное знамя, поместили в гондолу. Почти весь запас

электричества в аккумуляторах был истрачен на вчерашние действия. Нашлась небольшая батарея, которую приспособили к двигателю «Орла». За счет этого запаса он мог долететь до станции Сан-Луи. Тело сопровождали Ронбиггер и Берк, к которым присоединился Том Дэвис.

Я и Пижон остались с отрядом. Переход до станции Туксон предстояло сделать пешком; отсюда — продолжать отступление по железной дороге. Отряд кавалеристов прикрывал пехоту. Я сел на лошадь. Пижону пришлось взобраться на мула, так как лошади для него не нашлось.

— Теперь мы с вами точно Дон Кихот и Санчо Панса, патрон, — заметил он уныло. — Только воевать-то приходится не с овцами и ветряными мельницами... А! Какова перемена декораций! Нет, вы полюбуйтеся на моего буцефала. Как вам нравится это четвероногое? Каково это — после всех чудес науки и техники путешествовать таким библейским способом!..

Мы приближались к Туксону, где поезда были заготовлены в достаточном количестве на случай какой-либо неудачи. Теперь это оказывалось очень кстати.

Внезапно позади нас послышались крики. Я повернулся. Вдали показался отряд неприятельской конницы — по-видимому, китайцев, — мчавшейся на нас.

Генерал Страуберри остановил свой отряд и скомандовал в атаку. Я не счел нужным принимать в ней участие, тем более что Пижон на своем

муле не мог сопровождать меня. Мы остались вдвоем между отрядом кавалеристов и пехотой, теснившейся на дебаркадер.

Правду сказать, мы представляли довольно нелепую группу на этом открытом поле. Первым сообразил это Пижон.

— Поплетемся-ка и мы на станцию, патрон, — сказал он. — По правде говоря, весь мой геройский дух выветрился, и я бы с наслаждением задал стрелкача...

— В самом деле, что нам тут торчать, — ответил я. — Едем...

Но в эту минуту дикие крики раздались вправо от нас. Двое китайских кавалеристов, отделившись от отряда, с которым бились наши, летели на нас во весь опор.

У нас были револьверы, но у наших противников — ружья, и я видел, как они целились в нас.

Моим первым движением было ускакать, но Пижон? Упрямый мул трусил легкой рысцой и никакие усилия моего злополучного товарища не могли заставить его двинуться быстрее.

— На землю, Пижон! — крикнул я. — Укроемся за животными...

Мы соскочили наземь и, поставив рядом мула и коня, укрылись за ними. Китайцы мчались, стреляя на скаку. Мы отстреливались из револьверов, придерживая животных под уздцы свободной рукой. Ни китайские, ни наши пули не попадали в цель. Только когда они были уже близко, их выстрелы сделались удачнее, наша лошадь и

мул, пронизанные пулями, повалились на землю. Мы прилегли за ними; китайцы спешили, чтоб лучше прицелится, мы выстрелили разом; один из них упал.

— Ага! Это моя пуля! — воскликнул я с гордостью.

— Ну, нет, патрон, — возразил Пижон, целясь в другого китайца, — это я его уложил.

Он выстрелил. Второй китаец грохнулся на землю.

— Браво! — крикнул я. — Ну, первого вы уступите мне.

— С удовольствием, патрон! Пусть читатели «2000 года» думают, что мы вдвоем расправились с отрядом китайцев...

Увы, до «2000 года» было еще далеко. Мы не могли овладеть лошадьми «отряда», так как, испуганные выстрелами, быть может задетые пулями, они умчались прочь. Поэтому мы пустились на станцию пешком. Но вскоре нас догнали наши всадники, возвращавшиеся из схватки. Они мчались, как сумасшедшие, иные кричали нам на ходу:

— Торопитесь! Целый полк за нами...

— Где генерал? — крикнул я.

— Убит.

Мы оглянулись. Вдали виднелась неприятельская конница.

— Возьмите нас с собой, — крикнули мы. — Наши лошади убиты...

Мне показалось, что последняя группа всадников останавливается, чтобы исполнить нашу

просьбу. Но тут случилось нечто странное. Трое или четверо всадников вместе с лошадьми грохнулись наземь, пораженные каким-то невидимым оружием. Я поднял глаза к небу. Над нами, метрах в пятидесяти, вился японский аэрокар. Оставшиеся в живых всадники, бешено шпоря лошадей, унеслись как ветер. Мы стояли беспомощные, оцепенев от ужаса. В одно мгновение гондола аэрокара очутилась подле нас, сильные руки схватили меня и Пижона, подняли, перевернули, бросили на дно гондолы — и аэрокар взвился в высоту перед носом у китайского отряда.

Глава XVI СОННОЕ ЗЕЛЬЕ

*В плену у японцев. В Сан-Франциско.
Унизительная процессия. Военный суд.
Смертный приговор. План господина
Дюбуа. Сонное зелье. Неудавшееся бегство.*

Я лишь смутно сознавал, что происходит. Я чувствовал только, что лежу на дне гондолы в самой неудобной позе.

— Теперь конец! — мелькнуло у меня в голове. — Участникам эриксоновской бойни нечего рассчитывать на добрый прием...

Я вспомнил о флакончиках с ядом, которые мы имели при себе на всякий случай, и взглянул на Пижона. Он был бледен, как полотно, и выглядел совсем растерянным. Надо полагать, впрочем, что и у меня фигура была не слишком геройская.

— Что делать? — сказал я. — Не принять ли нам яд?

— Кажется, это было бы самое разумное... Да как его примешь? Ведь мы связаны...

В самом деле я тут только заметил, что мое тело обвито веревкой и я почти не могу пошевелить руками.

— Скверное положение, патрон! И какое отношение к представителям печати — связать точно каких-нибудь жуликов! Не придумаете ли чего-нибудь? Может, вам придет в голову какая-нибудь идея...

Но какие уж тут идеи: самой крохотной мыслишки в голове не шевелилось! Я мог только кряхтеть, стараясь улечься поудобнее.

Прошло часа два, когда мы почувствовали легкий толчок гондолы о землю. Японский офицер сказал нам что-то на своем языке. По жестам, сопровождавшим его слова, можно было догадаться, что он требует, чтобы мы встали. Это было не совсем легко исполнить со связанными руками, но так как ноги у нас оставались свободными, то мы кое-как поднялись и вышли из гондолы при помощи японских солдат. Кругом виднелись палатки, офицеры, рядовые — мы, очевидно, находились в японском лагере. Нас окружил взвод солдат с ружьями.

— Никак, они собираются нас расстрелять? — сказал мне Пижон.

— Нет еще, не теперь, — ответил по-французски какой-то важный офицер. Как мы узнали впоследствии, это был сам генерал Лоритомо, командовавший Калифорнийской японской армией. Он предложил нам несколько вопросов:

— Вы французы?

— Да, генерал, — ответил Пижон.

— Вы были на Свинцовой горе вместе с маршалом электрических сил?

— Да, генерал.

— Хорошо. Завтра вас отправят в Гаруко, — заметив наше недоумение, он прибавил: — Гаруко — это японское название Сан-Франциско, из которого мы выгнали янки.

Нас отвели в какую-то постройку, где развязали, обыскали, отобрали бумажники, часы, чековые книжки — на двести пятьдесят тысяч франков — и флакончики с ядом. Субъект, который распоряжался обыском, какой-то старый японский сморчок, скрюченный и болтливый, очевидно догадался об их содержимом, так как злобно засмеялся и принялся что-то объяснять нам. Судя по жестике, он давал нам понять, что до самоубийства нас не допустят, а проделают над нами... чуть ли не «харакири», вообще что-то, что нам вовсе не понравится. Наконец, эта старая обезьяна уgomонилась, указала нам на две циновки в углу и ушла, оставив нас под надзором двух часовых.

На другой день нас усадили в вагон железнодорожного поезда и отправили в Сан-Франциско, или «Гаруко».

Мы ехали более суток. Поезд тащился, как черепаха, то и дело останавливаясь на станциях, чтоб пропустить поезда, направлявшиеся на театр военных действий. Погода была дождливая, что еще более усиливало нашу тоску. Мы мало

разговаривали, больше молчали, погруженные в невеселые размышления.

Наконец наш поезд прибыл-таки в Сан-Франциско. Нас высадили из вагона и тотчас развели в разные стороны под охраной солдат.

Кругом кишела толпа любопытных, которую солдатам приходилось отгонять от нас чуть не прикладами. Вообще появление наше вызвало сенсацию. Я догадался, что нашему взятию в плен хотят придать большое значение; вероятно, желтое население Сан-Франциско было оповещено о том, что захвачены двое сотрудников и помощников знаменитого Эриксона, истребителя японцев и прочее, и прочее.

Но я никогда бы не догадался, о том, что мне предстояло.

Сначала меня отвели в какую-то постройку, где солдат указал мне ванну, давая понять жестами, что я должен раздеться и вымыться. Ну, это было недурно, и я не заставил себя просить дважды. После суточного путешествия в вагоне я чувствовал себя разбитым и неимоверно грязным, так что с наслаждением принял ванну.

Когда я вылез и вытерся, как умел, бумажным полотенцем, тот же солдат указал мне на японскую одежду, в которую я, очевидно, должен был нарядиться вместо европейского костюма. Японцы, принявшие в армии европейский мундир, сохранили в домашнем обиходе национальную одежду из патриотического чувства.

Не без труда напялил я на себя непривычное для меня облачение: бумажную рубаху, широкий пояс, кимоно — род просторного халата цвета вареного гороха, туфли на подставках. Не найдя в карманах нового костюма носового платка, я знаками дал понять солдату, что не прочь бы запастись этим небесполезным с точки зрения культурного человека предметом, и получил аккуратно сложенный в восьмушку лист тонкой бумаги. Шляпу мне оставили мою, европейскую.

Судя по усмешкам солдат, я выглядел в этом костюме порядочным чучелом — по крайней мере на японский взгляд. Но приходилось мириться с обстоятельствами.

Тотчас после этого меня вывели на улицу, где находился отряд всадников под начальством трех офицеров. Это был приготовленный для меня конвой. Но в каком странном экипаже я должен был путешествовать под его охраной! Представьте себе большой ящик на толстой жерди, концы которой лежали на плечах у двух пар дюжих носильщиков. Так вот что они выдумали, желтые черти! Будут носить меня по городу и показывать толпе, как редкого зверя — меня, европейца, парижанина, корреспондента самой популярной во Франции газеты!..

Но что прикажете делать? Требования окружавших меня солдат, указывавших мне на эти носилки, были ясны и сопровождались недвусмысленными подталкиваниями. Сопротивляться

было бесполезно. Я влез в ящик и процессия тронулась. Пижон подвергся той же участи: я заметил другой паланкин на некотором расстоянии позади моего.

Толпа бежала за паланкином, ребятишки теснились поближе к нему, смеялись, корчили мне гримасы, кричали что-то — вероятно ругательства или насмешки, которых я, разумеется, не мог понять. Женщины кидали иногда в окошко мелкие монетки — в насмешку, а может быть, и просто из сострадания к узнику. Я подобрал несколько штук и машинально сунул их в карман — сам не знаю, зачем.

Я не ошибся: нас, действительно, носили по городским улицам напоказ народу. Мало того, не ограничились японской частью города. Вскоре я увидел грязные, зловонные, тесные улицы местного Чайнатауна — это было уж верхом унижения! Что сказали бы читатели «2000 года», увидев сотрудника «нашей уважаемой» в таком унижительном положении?.. Нет, надо будет как-нибудь обойти эту сцену в корреспонденции...

Ах, черт возьми, лезут же в голову такие глупости! Корреспонденция... нет уж, конец теперь корреспонденциям. Если уже желтые черти не постыдились, несмотря на свою культуру, подвергнуть нас такому варварскому обращению, то, пожалуй, отсюда прямехонько снесут на лобное место! Да, хорошо еще, если просто голову отрубят, без особых затей...

Однако нет. Эти опасения пока не оправдались. После продолжительной прогулки по улицам Сан-Франциско паланкин остановился. Дверца отворилась, я вылез из ящика и спустя минуту очутился в тюрьме. Меня ввели в длинный коридор, по обеим сторонам которого тянулись камеры для заключенных, частью со сплошными стенами, иные же только огороженные с трех сторон брусьями. В одну из последних посадили меня. Это была клетка метра в четыре длиной и такой же ширины и высоты, устланная циновками. Вместо всякой мебели в ней стояли две лоханки: одна с водой, другая пустая — для разных нужд. Коридор освещался электрической лампочкой.

Оставшись один, я опустился на циновки и погружился в печальные думы.

Надеяться больше не на что, остается только умереть. Куда ни шло... только бы без истязаний, без пыток, без разрезания на десять тысяч кусков, без ампутирования членов, сустав за суставом, без вырывания ногтей, или век, или ноздрей, или языка.

В моем воображении развернулась вереница утонченных азиатских пыток... Но ведь они сохранились только в Китае — Япония давно усвоила европейские нравы. Но кто знает, не вернется ли она к старине под влиянием войны? Мне вспомнились недавние картины: замороженная эскадра, дождь азотной кислоты, массовая электрокуция. До какого остервенения способны довести людей

эти новые способы механического истребления на расстоянии! А раньше: лондонская бойня, налеты аэрокаров, разрывные и зажигательные снаряды; летящие с облаков на незащищенное население. Десятки лет назревала эта мысль о великом побоище, народы истощались на чудовищные вооружения, умы изобретателей напрягались, измышляя истребительные орудия и приспособления. Ведь эта бойня стала какой-то верховною целью усилий народов. И вот она наступила — из отравленной кровавыми испарениями атмосфере человек показал себя тем, что он есть — плохо дрессированной обезьяной! Дрессировка исчезает мало-помалу и жестокость орангутанга выступает наружу... Да, да, ведь уже дошло до того, что в последних сражениях перестали брать пленных и щадить раненых! И не от нас ли восприняли желтые эту мысль о бойне, эту подготовку к бойне? Мы не старались отделаться от звериных инстинктов; мы только сдерживали их в мирное время, но лелеяли и берегли для будущей грандиозной бойни. И вот они пробуждаются в нас — пробуждаются и в них, желтых, наших учениках и воспитанниках, возрождая и восстанавливая то, что казалось отжившим...

Появление тюремщика прервало нить моих размышлений. Это был карлик со сморщенным, как печеное яблоко, лицом. Он принес мне сушеной рыбы и рису.

Я провел в этой клетке четыре ночи и три дня, не видя никого, кроме этого уродца. Он являлся

три раза в сутки прибрать камеру, всегда с тем же угощением из рыбы и риса.

Решительно моя счастливая звезда изменила мне. И что скажут читатели «2000 года»? Разве затем меня командировала редакция, чтобы я залез в эту нелепую клетушку? Входило ли это в обязанности корреспондента? А Пижон? Куда они его закупили?

Наконец, на четвертое утро, тридцатого ноября, ко мне вошел японский офицер и сказал по-английски:

— Потрудитесь следовать за мной в военный совет. Он будет судить вас.

— Меня одного?

— Нет, ваш соучастник уже на циновке.

Соучастник! Бедный Пижон! Что значит: «на циновке?» Скамья подсудимых, что ли?..

— Хорошо, я следую за вами, сударь, — сказал я офицеру.

Пройдя через два двора, мы вошли в залу, половина которой была занята довольно высокой эстрадой. На эстраде помещался военный совет: несколько офицеров в европейских мундирах. Перед эстрадой на полу была разостлана циновка, а на ней сидел Пижон, по-азиатски поджавши ноги. Офицер пригласил меня занять место рядом с ним. Я сел.

Процесс тянулся довольно долго, с соблюдением известных правил, для показа, конечно, так как приговор был предreshен. Сначала секретарь прочел обвинительный акт — я думаю, по

крайней мере, что это был обвинительный акт; но так как читал он по-японски, то я, разумеется, ничего не понял из его лопотанья, в котором без конца повторялись слоги «ши, шо, шу»... Затем начался допрос при посредстве переводчика. Мы привлекались к ответственности, как участники «измены» — так характеризовался японцами разрыв союза со стороны Англии и Франции — и «кровавых преступлений» Эриксона, которые, по мнению наших судей, не могли считаться военными действиями. Отвергая ту и другую характеристику, мы с Пижоном настаивали на нашей нейтральности, как представителей печати, а не активных участников войны, утверждая, что двое китайских кавалеристов убиты нами (нашим судьям оказался известным этот наш подвиг) в состоянии необходимой обороны... Разумеется, наши объяснения ни к чему не привели, и после непродолжительного совещания суд вынес приговор — смертная казнь через повешение, которая должна была совершиться над нами завтра.

Мы не ждали другого; тем не менее признаюсь, мороз пробежал у меня по коже...

В эту минуту у дверей послышался шум, громкий говор, и через несколько мгновений вошел — кто бы мог ожидать этого! — мой старый приятель. Вами.

При виде его у меня зашевелилась надежда. Мне казалось, что моя счастливая звезда снова засияла. Я вспомнил о нашей экспедиции на

«Южном» и позднейших приключениях, о вместе пережитых страданиях — неужели это прошло бесследно? Не может быть! Наверное, он захочет и сумеет сказать что-нибудь в нашу пользу...

Он подал секретарю какую-то записку, которую тот передал председательствующему. Затем начался долгий, оживленный разговор, в котором я не понял ни звука. Вами говорил что-то, быстро и с жаром. Потом судьи стали совещаться и, наконец, председательствующий торжественно объявил новое решение, которое переводчик не замедлил сообщить нам. Оказалось, что наша казнь на некоторое время отсрочивается, хотя приговор сохраняется в полной силе. И только, больше ничего; почему, зачем, какую роль тут играет Вами, который ни разу не взглянул на нас — все это осталось нам неизвестным. Я хотел протестовать, но суд кончился, нас окружили солдаты, и я опомниться не успел, как очутился в своей клетке.

Наступила ночь. Я тщетно старался уснуть. Вдруг я услышал какую-то возню в камере со сплошными стенами, находившейся против моей, по ту сторону коридора. Слышались чьи-то вздохи, какое-то бормотанье. Очевидно, во время заседания военного суда в тюрьму был посажен новый узник.

Кряхтенье и бормотанье продолжались, и вдруг одна из досок в стене камеры выдвинулась и в образовавшееся отверстие просунулась голова старика-китайца.

С минуту он смотрел на меня, потом сказал на ломаном английском:

— Как поживаешь?

Несмотря на свое изумление, я ответил. Завязался разговор. Старик кое-как объяснялся по-английски, безжалостно коверкая грамматику и произношение, но я был слишком рад собеседнику, чтобы придираться к грамматике.

Из его несвязных фраз я понял, что он попал в тюрьму нарочно, исполняя поручение какого-то богатого человека из Фа (я вспомнил, что по-китайски «Фа» значит «Франция»), который в награду за услугу заплатил торговцу погребальными принадлежностями за богатый гроб для старика.

— Хороший гроб. Лучше, чем у дао-тая! А я принес тебе письмо.

Он показал мне конверт, и я узнал на адресе почерк господина Мартена Дюбуа.

Патрон в Америке! И хлопчет о моем освобождении!

Старик бросил мне письмо, привязав его предварительно на веревочку, чтобы в случае неудачи притянуть обратно. Оно упало недалеко от моей решетки, я достал его и прочел вот что:

«Любезный друг! Узнав о ваших драматических приключениях, я приехал в Ванкувер с целью попытаться выручить вас из японских когтей. У желтых всего можно добиться деньгами. Тюремщики, ваш и Пижона, оба куплены. Исполняйте пунктуально то, что они вам скажут — и все

пойдет хорошо. Старик китаец, который передаст вам это письмо, дополнит его на словах. Мужайтесь! Банзай! Надеюсь на скорое свидание. Заставьте китайца съесть это письмо — я не думаю, чтобы оно было переваримо для культурного желудка, а оставлять его при себе небезопасно. Ваш М. Дюбуа».

Выучив письмо наизусть, я вернул его китайцу, сообщив приказание господина Дюбуа. Старик и не подумал отнекиваться, а разорвав письмо на клочки, скомкал их и проглотил один за другим, лукаво подмигивая мне.

Из дальнейших расспросов выяснилось, что он попал в тюрьму, дав повод заподозрить в себе шпиона.

— Да ведь тебе отрубят голову!

— Через десять дней.

— Так разве ты не боишься?

— У меня будет хороший гроб. Лучше, чем у дао-тая... Затем он объяснил мне, что «богатый человек из Фа» подкупил целую группу китайцев, принадлежащих к тайному обществу, что я должен выпить сонное зелье, от которого буду точно мертвый, каким и признает меня доктор — тоже подкупленный, — что затем мое тело выдадут китайцам-могильщикам, а они устроят мой побег.

Действительно, явившийся утром тюремщик, переговорив с моим соседом, вошел ко мне в клетку, что-то сказал и протянул мне бутылочку.

— Ты должен выпить это, — пояснил мне китаец. Я задумался. Можно ли полагаться на этих молодцов?

Деньги они взяли, а чтобы избавиться от дальнейших хлопот, подсунут мне яду...

Китаец догадался о моем недоверии и принялся горячо защищать своих соотечественников, доказывая, что они честный народ и, взявши деньги, ни за что не обманут.

— А мой товарищ? — спросил я.

— Он уже выпил. Он храбрей тебя.

Я не стал колебаться. В самом деле: с одной стороны смертная казнь, а с другой — шанс на спасение; лучше выберу второе.

— Ну, давай твое сонное зелье, урод! — сказал я тюремщику.

Бесцветная, неприятного вкуса жидкость слегка обожгла мне горло. Спустя несколько мгновений со мной произошло что-то странное. Я чувствовал, что опускаюсь на пол, что глаза мои закрываются, что я теряю способность к движению. Но сознание не отлетало, я слышал шаги тюремщика и стук затворившейся двери, слышал, как старик китаец бормотал, вероятно желая ободрить меня, какие-то изречения, должно быть из Конфуция; я сознавал, что со мной происходит, и не мог пошевелить пальцем, не мог поднять веки... Мысли самого неприятного свойства одолевали меня. А что если произойдет какое-нибудь недоразумение? Что если меня заруют в землю живого или сожгут — как часто

делают японцы с трупами? И я буду сознавать это, не имея сил показать, что я жив! Проклятое зелье! Я думал, что хоть потеряю сознание. Знал бы — ни за что не выпил... Минутами на меня находил почти безумный ужас и я пытался сбросить с себя это наваждение. Напрасно! Тело не повиновалось мне. Поэтому мне оставалось только утешаться соображениями, что патрон, наверное, принял все меры против возможных недоразумений.

Время шло. Я слышал шаги людей, разговор на японском языке. Потом почувствовал, что меня ощупывают, теребят, завертывают в какое-то покрывало и сажают в неудобнейшее помещение, чуть ли не в бочку (так оно и оказалось).

Но вот в тюрьме началась какая-то суматоха, послышались крики, я узнал голос Вами.

Спустя минуту в дверь клетки ворвалась толпа, раздались выстрелы, стоны, звуки падения тел.

Затем я почувствовал, что меня вытаскивают из бочки и бросают, точно узел на циновку.

— Отрежьте ему палец, — повелел Вами по-английски. — Увидите, точно ли он умер.

Я сделал страшное усилие, чтобы очнуться. Не знаю, ужас ли повлиял или действие питья к этому времени начало ослабевать, но мне удалось пошевелить рукой и подать слабый стон. Это избавило меня от пытки. Вами отменил свое приказание. Затем кто-то начал щедро поливать мне лицо уксусом. Вскоре я очнулся настолько, что мог поднять голову и открыть глаза. Солдат,

поливавший меня уксусом, вытер мне лицо бумажной салфеткой.

Я взглянул на Вами. Он глядел на меня глазами ястреба.

— Я мог бы покончить с вами так же, как с этими негодяями, — сказал он холодным тоном, указывая на трупы тюремщика, доктора и носильщиков-китайцев. — Но я предпочитаю поступить иначе. Вы сумели пробраться к американцам и видели их средства защиты. Теперь познакомьтесь с нашими. У нас тоже есть Эриксоны: они не так хвастливы, как ваши, но я уверен, что вы оцените по достоинству их изобретательность. Да, вы увидите, что мы ни в чем не уступим любой из белых наций, и найдете достаточно материала для статей в «2000 год» в течение трех месяцев, которые вам остается прожить. Для этого, собственно, и отсрочена ваша казнь. Только напишите Дюбуа, чтобы он не возобновлял своих затей. Даром потратит деньги. Меня не так легко обмануть; вы по опыту знаете, что я умею устроить бегство; пусть сегодняшний опыт научит вас, что я умею также и предотвратить его.

— Я не ожидал такого отношения с вашей стороны после всех испытаний, которые мы пережили вместе, — сказал я.

— Чего же вы ожидали?.. Тогда вы были союзником моего отечества, теперь вы его враг, а стало быть и мой. Вы думаете, я поколебался бы вас пристрелить, если бы не был уверен, что вы и так не уйдете от казни...

Я понял, что прошлое умерло и отвечал таким же холодным тоном:

— Нет, я этого не думаю. И если представится случай, тоже не стану колебаться... Где Пижон?

— Вы его увидите.

— Живого?

— Ну, разумеется. Он не пил снотворного напитка, не решился. Вы можете держаться на ногах и ходить?

— С трудом, но могу кое-как...

— Ну так следуйте за мной.

Глава XVII ВОЗДУШНЫЙ МАЛЬСТРЕМ

Газетная вырезка. Шествие с завязанными глазами. В крепости. Воздушный Мальстрем. Аэропланы Билла Кеога. Новая попытка бегства. Гонка на море. Неудача. Снова в плену. Экспедиция на Панамский перешеек. В девственном лесу.

Спустя несколько минут мы были в казарме, кишевшей японскими солдатами. Меня отвели в пустую комнату и заперли в ней. Минуту спустя дверь отворилась и вошел Пижон.

Я обрадовался ему не меньше, чем в тот раз, когда мы встретились на автомобиле, во время бегства из Чарльстона, при содействии самого Вами, который теперь преследовал нас.

Мы воспользовались отсутствием японцев, чтобы обменяться мыслями о своем положении.

— Вы не пили сонного зелья? — спросил я.

— Нет... усомнился в честности китайца, который передал мне письмо господина Дюбуа.

— Как же вам не стыдно? Вы сами лишили себя возможности бежать.

— Вы ею воспользовались, патрон, а убежали не дальше меня... Кажется, финиш-то у нас одинаковый, голова в голову...

— Ну, я бы вас обогнал, если б не эта шельма Вами... Вы ничего не слыхали о том, что нам готовится?

— Пакость какая-нибудь... Нет, ничего не слыхал. Но доброго ничего не жду.

— Вами говорил мне, что нам покажут какие-то японские изобретения а-ля Эриксон... Насколько я понял, это вопрос национального самолюбия. Хотят похвастаться перед белыми...

— Не верьте, патрон. Это в начале столетия было бы понятно; а теперь Европа и Америка знают, что они усвоили европейскую технику, европейские методы и разрабатывают их не хуже нас. Нет, это подвох. Покажут они нам... Какая-нибудь каверза, какая-нибудь утонченная жестокость. Не забудьте, ведь они считают нас соучастниками Эриксона, который наделал им столько зла.

Помолчав немного, он спросил, получил ли я газетную вырезку при письме патрона, и когда я ответил отрицательно, сообщил, что в полученном им конверте имелась, кроме письма, вырезка из какой-то американской газеты следующего содержания (он заучил ее наизусть):

«Вчера демонстрировался полет аэропланов нового типа, превосходящих все, что было изобретено до сих пор в этом направлении. Изобретатель

Билл Кеог, родной брат покойного Джима, убитого под Лондоном в начале этой нелепой войны. Мы слышали, что один из этих аэропланов приобретен богатым французом, г-ном Мартеном Дюбуа, издателем «2000 года», с целью воспользоваться им для поисков двух сотрудников этой газеты, взятых в плен японцами при Туксоне».

Я не успел еще ничего высказать по этому поводу, когда дверь открылась и вошел японский унтер-офицер с десятком солдат. Он что-то проворчал на своем языке, затем завязал нам глаза черными повязками. Затем я почувствовал, что он надевает мне на шею веревочную петлю. В жизни не забуду этого ощущения!..

— Что я вам говорил, патрон? — раздался унылый голос Пиждона. — Вам петлю надели?

— Да, а вам?..

— Мне тоже. Зачем только глаза завязали?.. Вот вам и отсрочка казни!

— Ну, постараемся выдержать до конца, дружище. Мужайтесь!

Японец взял меня за руку, давая понять, чтобы я шел рядом с ним. Я побрел, медленно переступая в темноте, и сообразил, почувствовав, как натянулась веревка, что она соединяет обе петли, и что Пиждон следует за мной в нескольких шагах.

Нет, это не похоже на приготовления к казни. Зачем бы им завязывать нам глаза? Я тщетно старался сообразить, что они затеяли.

Нас вывели на улицу, усадили в паланкин, затем, минут через десять, снова заставили выйти.

Тут нам развязали глаза и мы увидели себя в какой-то крепости, среди бастионов, казарм, мастерских, в толпе военных.

К нам подошел офицер и спросил:

— Вы двое шпионов, для которых лейтенант выхлопотал отсрочку казни на три месяца?

— Шпионов! — с негодованием возразил я. — Мы корреспонденты газеты «2000 год»...

— Да, да, я знаю... Мне поручено сообщить вам, что вы будете присутствовать при опыте с воздушным Мальстромом...

Я с изумлением взглянул на него.

— Мы ожидаем посещения ваших друзей янки на новоизобретенных аэропланах. Мы надеемся оказать им прием, достойный вашего покойного маршала Эриксона. Вы его увидите и сравните сами. Потрудитесь следовать за мной.

Мы спустились в подземные батареи и пошли за нашим вожатым мимо колоссальных орудий, метавших бомбы на сорок километров. Пушки были грандиозными и не уступали сильнейшим американским или европейским.

Отсюда мы поднялись на открытую площадку, окруженную галереей в форме канала, с какими-то приспособлениями, вроде шлюзных затворов, на внутренней стене.

Японец, до сих пор молчавший, принялся объяснять нам:

— Вы видели подземный форт, где орудия и военные припасы защищены землей и наружной обшивкой. Это обыкновенный, классический способ

обороны. Но мы придумали и другой способ, направленный против воздушных судов янки, посещения которых рано или поздно дождемся. Этот тайфун Эриксона уничтожил в Кейп-Весте два наших аэрокара посредством кругового дождя. Мы же, скромные японские офицеры, придумали свой тайфун. Посредством огромных вентиляторов — вы можете их видеть в этой круговой галерее — мы вызываем мощные воздушные токи, которые, сталкиваясь друг с другом, порождают вихрь, поднимающийся на высоту четырех тысяч метров, при пятистах метрах в диаметре. Ничто не устоит перед этим смерчем, этим воздушным Мальстремом, как мы его называем. Воздушные токи, выбрасываемые под громадным давлением...

Он не договорил. Послышался свист, и мы увидели какую-то странную машину, которая пронеслась мимо, едва не задев нас на лету, и почти в то же мгновение скрылась из вида. Я успел только рассмотреть что-то длинное, крылатое, вроде огромной птицы, скользившей в воздухе с невероятной быстротой.

Это было как бы сигналом. Офицеры и солдаты кинулись по местам, только мы с нашим учтивым спутником остались посреди двора.

Я осматривался по сторонам, стараясь дать себе отчет в том, что происходит. Аппараты, порождавшие «воздушный Мальстрем», начали действовать с воем, напоминавшим звуки сирены. Но вскоре этот шум был заглушен неистовым завыванием бури над нашими головами.

— Теперь в ста метрах над нами настоящий торнадо, — сказал офицер. — Посмотрите, как вертятся солома и щепки, захваченные воздушными токами...

Вскоре мы заметили в высоте с десятков летательных машин незнакомого мне типа.

— Пропадут, — подумал я. — Сейчас попадут в циклон и поминай как звали.

Однако нет. На этот раз японские Эриксоны опростоволосились. Еще не достигнув середины действия циклона, странные машины камнем ринулись вниз, точно ястребы, нападающие на добычу; еще минута — и они носились над нашими головами. Как видно, Билл Кеог — если это был он — знал о «воздушном Мальстреме».

Последовала сцена ужаса и разрушения. Приспособленная к борьбе с воздушным флотом на большой высоте, крепость не могла оказать сопротивления этим исполинским ястребам, которые носились над самой землей, то и дело швыряя бомбы в батареи. Земля застонала от взрывов, общавшихся японским снарядам; стены, аппараты, орудия разлетались на куски; вокруг нас то и дело взвивались столбы пламени, обломков, пыли; мы стояли среди какого-то огненного кольца. Но вот я заметил, как один из аэропланов, что вились вокруг крепости, замедляет полет и направляется к нам.

Учтивый офицер падает, сраженный пулей. Две сильные руки схватывают меня, втаскивают на машину, и я улетаю в пространство, оставив

Пижона посреди двора в состоянии полной растерянности.

Спустя мгновение мы поднимаемся в высоту, где нам уже не грозит никакой циклон, так как аппараты перестали действовать. Машина мчится с головокружительной быстротой и я судорожно цепляюсь за край площадки, на которой лежу, поддерживаемый Биллом Кеогом — я узнал его по сходству с братом. Мы неслись к западу, в Тихий океан.

Кеог то и дело оглядывался. Я тоже оглянулся и увидел, что его занимает: американские аэропланы схватились с аэрокарами Вами. Я, впрочем, не мог следить за боем, так как был слишком занят своим, далеко ненадежным, положением. Но по радостным или, наоборот, сердитым восклицаниям американца я догадывался о ходе боя. Судя по его ругательствам и проклятиям, дело поворачивалось не в пользу аэропланов.

Между тем мы неслись над морем. За нами погнались три или четыре японских крейсера. «Куда же мы денемся в океане?» — думал я. — «Эти быстроходные суда, пожалуй, не отстанут от нас. Надолго ли я освободился? А бедняга Пижон! Каково-то ему одному!..»

Кеог выругался и что-то сказал своему помощнику. Я опять оглянулся и увидел, что за нами гонятся аэрокары Вами. Впрочем, вряд ли они могли поспеть за аэропланом.

С крейсеров пустили в нас несколько бомб, но неудачно.

Мы летели довольно низко над поверхностью моря.

Я вскоре убедился, что за нами гонятся не только крейсера и аэрокары. Целая флотилия странных маленьких судов, прыгая, точно стая летучих рыб, преследовала нас. Это были совершенно плоские, без киля, челны, снабженные моторами и винтами, так называемые гидропланы; они скользили по воде, поднимались в воздух, пролетали сотню метров или больше, снова опускались — и так мчались, огромными прыжками, со скоростью, по моему расчету, не менее полутреста километров в час. Кеог подтвердил это:

— Они почти не уступают нам в быстроте, — сказал он. — Но этих лягушат я не очень боюсь, а вот если... Ах, черт возьми! Так и есть! Ну, от этих стрекоз нам не уйти!

Я заметил, что к гидропланам присоединились, перегоняя их, другие странные аппараты, почему-то позднее спущенные с судов. Это были так называемые гидроволаны, тоже способные скользить по поверхности воды, но особенно легко и быстро двигавшиеся в воздухе.

Сан-Франциско исчез из вида на горизонте, суда оставались далеко позади, аэрокары тоже, флотилия гидропланов не могла нас догнать, но три гидроволана неслись за нами по пятам и ясно было, что они от нас не отстанут.

— Беда в том, — проворчал Кеог, — что у меня скоро выйдет бензин. Я с раннего утра в полете... глупо это вышло, но что прикажешь делать — не

рассчитал. Через два часа нас приняли бы на корабль, но мы раньше того остановимся.

Вскоре суда, аэрокары, гидропланы исчезли из вида. Кругом нас было только море да небо. Но три «стрекозы» упорно неслись за нами.

Прошел час. Аэроплан замедлил полет — тише, тише, вот совсем остановился и упал в море. Мы вылетели в воду при его падении. Я нырнул, всплыл на поверхность и почти в то же мгновение очутился в челне гидроволана, куда втащили меня японцы. Билл Кеог оказался на другом. Его помощник пошел ко дну.

Несколько времени спустя я был на крейсере «Сантама». Тут мне дали переодеться в обыкновенное матросское платье, а потом заперли в крохотную каюту, под охраной часового.

Я провел в этой камере не менее суток. Очевидно, крейсер не возвращался в Сан-Франциско, а шел куда-то в другое место. Но я был в такой прострации, что не хотел ни о чем думать, ничего соображать, ничем интересоваться. Черт с ними! Пусть везут, куда хотят, в Японию, к самому микадо... Из этих лап мне не вырваться, вот что ясно и очевидно.

На другой день крейсер остановился в неизвестной мне местности, у пустынного берега. Меня вывели на палубу, где я увидел, к своему удивлению, Вами и, к своей радости, Пижона. Тут же находился и Билл Кеог, в толпе китайцев и японцев, над которыми Вами, по-видимому, начальствовал. Пижон и Кеог были, подобно мне,

в матросской одежде. Командир крейсера сказал нам, что мы поступаем под начальство Вами, в экспедиции которого будем участвовать в качестве рабочих. Последний со своей стороны счел нужным прибавить несколько слов.

— Я обещал показать вам наши японские способы обороны и исполню свое обещание, — заметил он. — Вы увидите, уступают ли они вашим.

— От души желаю им такого же успеха, как вашему «воздушному Мальстрему», — ответил я. — Помните... третьего дня, как он успешно отстоял вашу крепость от американских бомб? Я охотно сообщу в «2000 год» о блестящем результате, если вы дадите мне возможность.

— Не издевайтесь, патрон, Мальстрем был великолепный, — подхватил Пижон. — Крепости, правда, не защитил, зато как он свистал, ревел, завывал — я думаю, в Европе было слышно...

— Ладно, ладно, господа, — злобно сказал Вами. — Скоро вам придется увидеть другие результаты...

Через час мы были на берегу. Но какое странное превращение! Перед тем как сойти с крейсера, Вами и его японский отряд нарядились в самые причудливые костюмы. Вместо японских офицеров и солдат, перед нами было человек тридцать авантюристов в живописных мексиканских костюмах, вернее сказать лохмотьев. Только сотня китайцев-носильщиков осталась в своей одежде. Нас троих, в наших матросских костюмах, положительно можно было принять за начальников

этой оравы проходимцев, тем более что вместо матросских нам дали почему-то соломенные шляпы.

Вами дал нам карту местности и предложил изучить ее хорошенько. Оказалось, мы находимся на Панамском перешейке. На берегу раскинули палатки, японцы собрались на совет, а мы с Пижоном, уже две недели ничего не слыхавшие о том, что делается на свете, слушали новости, которые сообщал нам Кеог. Сначала я чувствовал себя не совсем ловко, вспоминая о своем столкновении с его братом. Но он относился к этому с философским спокойствием.

— Война войной, — заметил он, — а дело делом. — Дюбуа обещал миллион, если я выручу вас из плена. Я опростоволосился — тем хуже для меня.

Он сообщил нам, что соединенный флот европейских держав — Англии, Франции, Германии и России, всего сто пятьдесят судов и двести транспортов с солдатами — собрался на днях в Ламанше для экспедиции в Японию и Китай через Панамский канал. В Китае маньчжурская династия свергнута и провозглашена республика. Сорокамиллионная китайская армия готовится к нашествию на Европу. Есть основание думать, что Индия присоединится к японо-китайскому союзу; по крайней мере Англия ждет восстания.

— Так вы говорите, соединенный флот направляется через Панамский канал? — сказал я.

— Да, наверное... Это удобнееший путь. А что... вы, верно, думаете о предприятии японцев,

в котором мы должны участвовать? Я давно уж догадался... Наверное, какая-нибудь махинация против европейского флота.

Между тем совещание кончилось и начались приготовления к походу. Нас поместили между двумя маленькими отрядами японцев. Но тут возникло какое-то препирательство с китайцами. Они собрались в кучу и горячо протестовали против распоряжений японских офицеров. Кеог, понимавший с грехом пополам их язык, объяснил нам, в чем дело.

— Их наняли в Сан-Франциско, но сюда привезли обманом. Они не знали, что их заставят работать на перешейке. Он считается у них проклятой землей. Полтораста тысяч китайцев, если не больше, погибли здесь во время рытья канала. Их духи скитаются в здешних лесах...

— Что ж, они взбунтуются? — заметил я. — Не пристать ли нам?

— Ну, вы много захотели от китайских кули! Они говорят, что скорее утопятся, чем сделают шаг по этой проклятой земле! Смотрите! Смотрите! Они приводят в исполнение свою угрозу. Что за нелепый народ!

В самом деле перед нами разыгралась сцена, которую я счел бы выдумкой, если бы прочел о ней в рассказе какого-нибудь путешественника. Не желая подвергаться на перешейке преследованиям со стороны духов, которые, по их поверью, замучивают до смерти живых, вся сотня китайцев, как один человек, вошла в море и продолжала идти,

пока не потеряла почву под ногами. Иные пошли ко дну, другие барахтались на поверхности, но ни один не поплыл обратно к берегу. Вскоре никого уже не было видно, а немного погодя волны стали прибывать к берегу их посиневшие трупы...

После нового совещания офицеров решено было переночевать в палатках и разослать людей по соседним ранчо для найма носильщиков. Вами, загримированный негритенком (положительно это была его специальность), заявил нам, что мы возьмем на себя для вида роль начальников экспедиции, трех янки, разыскивающих изумрудные залежи, о существовании которых на Панамском перешейке давно ходят слухи.

— Имейте в виду, что за вами будут следить, — прибавил он, — и при малейшей попытке измены — смерть!

Утром собрались носильщики, смесь всевозможных рас: черные, краснокожие, китайцы, акклиматизировавшиеся на перешейке и не разделявшие суеверий своих единоплеменников насчет «проклятой земли» и блуждающих по лесам духов, белые — или, по крайней мере, считавшие себя белыми, несмотря на явственные следы негритянской, индийской или китайской крови; мулаты, метисы, квартероны, «замбо» — помеси всех степеней и всех народов земных.

Вскоре вся эта публика выстроилась в колонну и тронулась в путь. Во главе шел офицер, товарищ Вами, в костюме мексиканского вакеро, за ним носильщики, разделенные на отряды человек

по десять, каждый в сопровождении переодетого японца; мы трое замыкали шествие под надзором Вами и нескольких японцев.

Ширина перешейка не более шестидесяти километров — два дневных перехода. Но так как нам предстояло двигаться через девственный лес, прорубая путь ножами и топорами, то, вероятно, наша экспедиция должна была продлиться не меньше недели.

Лес начался недалеко от берега. Огромные вековые деревья уходили ввысь своими верхушками, под ними ютились кустарники, и все это переплеталось лианами, которые приходилось рубить ножами. Солнечные лучи не проникали сквозь густую крышу листьев и вьющихся растений; вокруг нас царил таинственный сумрак; теплый, насыщенный испарениями воздух был тяжел и влажен. Странные птицы вспархивали при нашем приближении; стаи любопытных обезьян провожали нашу колонну, прыгая с ветки на ветку, проскальзывая между цепкими лианами, повисая на своих гибких хвостах, кувыркаясь и строя нам гримасы — «точно в зоологическом саду», как выразился Пижон, хотя правильное было бы сделать обратное сравнение.

Пестрые орхидеи разворачивали свои причудливые лепестки, разливая одуряющий аромат в застоявшемся воздухе; узорные веера исполинских папоротников чуть-чуть колыхались, задетые нами при движении; порою неподвижно висевшая плеть, принятая нами за стебель лианы,

вдруг оживала — и огромная змея, лениво свертывая и развертывая свои кольца, не торопясь уползала в чащу, повернув к нам маленькую голову с блестящими глазами. Здесь не боятся змей и даже умеют их укрощать особенным свистом.

Однажды, во время отдыха на прогалине, мы с Пижоном порядком струхнули, заметив в двух шагах от нас огромного удава или питона — не знаю в точности, как назвать это чудовище, метра в четыре длиной, свернувшееся кольцом и уставившееся на нас с выражением, как нам казалось, не сулившим ничего доброго. Но Билл Кеог спокойно встал и, посвистывая, увел чудовище за собой на другую сторону прогалины, где оно нырнуло в чащу.

На стоянках нас донимали мелкие твари — ползающие, прыгающие, летающие, скачущие, многоногие, стоногие, тысяченогие, крылатые и бескрылые, кусающие, щиплющие, жалящие; не было спасения от этой злостной мелкоты, она забиралась под одежду, под одеяла, всюду. Пижон стонал, уверяя, что полчища китайцев, с которыми мы сражались у Туксона (читатель припомнит, что нам пришлось иметь дело с двумя китайскими кавалеристами — с «отрядом», как выразился тогда же мой коллега, разросшимся теперь в «полчище»), ничто в сравнении с этими тварями; Кеог ругался на всех известных ему языках; я чесал уязвленные места молча, но с остервенением...

Однажды ночью, в деревушке Джиойо — мы шли параллельно течению речки и на ночь выходили на опушку леса, разбивали палатки или же

находили приют в разбросанных по ее берегам деревушках — я проснулся, чувствуя на своем плече какое-то постороннее тело. Рука моя ощущала что-то липкое, мягкое, холодное, шершавое и колючее; я содрогнулся от отвращения и невольно вскрикнул. Пижон чиркнул спичкой — пфа! — паук величиной с крысу!.. Я сбросил гадину на пол, и она поспешила удрать в какую-то дыру, прежде чем мы догадались ее раздавить.

По ночам раздавался грозный рев ящеров; обезьяны отвечали на него тревожными криками; огромные кайманы тяжело вздыхали и сопели на отмелях речки; какие-то зловещие звуки доносились из лесной чащи — стоны, всхлипывания, вой, будто и впрямь души погибших китайцев реяли под зелеными сводами, тоскуя и жалуясь, не находя после смерти покоя в «проклятой земле».

Так шли мы четверо суток, делая не более семи-восьми километров в день и не давая себе ясного отчета в цели японского предприятия. Наконец, однако, она выяснилась.

Глава XVIII НЕПОБЕДИМАЯ АРМАДА

*Встреча с соотечественником. План
Лагльва. Конец странствования. Белки
в колесе. На озере. Подводная лодка-
торпеда. Схватка с американцами.
Попытка восстания. Живые торпеды.
Неудобное плавание. Разрыв плотины.
Его последствия.*

В деревне Санта-Крус мы были удивлены, увидев в толпе индейцев и метисов белого касика. Собственно, «белой» нельзя было назвать его загоревшую обветренную кожу; она скорее напоминала плохо вычищенный сапог, как цветом, так и выделкой; тем не менее с первого взгляда ясно было, что это человек белой расы. Он подошел к нам с улыбкой и приветствовал на французском языке.

— Как это нам посчастливилось встретить вождя, так хорошо владеющего французским языком? — спросил я.

— Э, господа, — ответил касик, дружески пожимая нам руки, — да ведь я француз, бретонец.

Родился близ Требулэ, в Финистере. Давно это было — лет шестьдесят, поди. А зовут меня Лаглев — да, Луи Мало Теодор Лаглев, бретонец. Попал я в Америку еще в молодости, плотничал, скитался по разным местам, забрел сюда, когда строили канал, и заболел в этой деревне. Когда выздоровел, эти молодцы предложили мне остаться у них касиком — ихний-то умер. Ну что ж, думаю, касик — ведь это вроде как король... Из плотников в короли разве не лестно? Согласился, да так тут и застрял... Народ добрый, ничего, душевные ребята, только вот когда перепьются анисадо — водка здешняя — так гляди в оба: того и жди, за ножи хватятся... А вы, господа, по каким же делам тут путешествуете?

Возможно, что я решился бы поговорить с этим человеком откровеннее, чем этого могли бы пожелать японцы. Но Вами следил за мной искоса, и мне пришлось рассказать об изумрудных залежах, которые мы разыскиваем. Лаглев, видимо, заинтересовался этим предприятием и заявил, что присоединится к нашей экспедиции и будет помогать нам в розысках. Говоря это, он как-то загадочно усмехнулся и лукаво подмигнул мне.

— К тому же мне хочется потолковать с соотечественниками, — прибавил он. — Теперь ложитесь спать, а завтра еще побеседуем.

Мы устроились на ночлег в одной из хижин, но долго не могли уснуть и толковали об этой странной встрече. Вдруг послышался шорох, и какая-то фигура скользнула к нам в дверь.

— Тише, детки, не бойтесь, это я, — сказал вполголоса неожиданный посетитель.

Мы узнали голос Лаглэва.

— Да, господа, — продолжал он, — я таки догадался, кто вы такие. Не иначе, как сотрудники «2000 года», о которых пишут в газетах...

Мы с Пижоном так и подпрыгнули. Если бы гром ударил в шалаш, мы бы не так изумились.

— Откуда вы знаете? — спросил я.

— В Алгалуэле — недалеко отсюда, близ озера, которое питает канал — получают «Diario de Colon», и мне доставляют эту газету, когда кому-нибудь из моих ребят случится там быть. Там вот я и читал депеши... Ходит слух, будто японцы готовят какую-то каверзу, хотят испортить шлюзы и плотины. Их сторожат вдоль всего канала и между Алгалуэлой и Обиспо, у большой плотины, которая удерживает воды озера. Там теперь войска нагнали — страсть; что ни шаг, то часовой торчит... Однако японцы, не будь глупы, с боку пробираются, сторонкой. Ведь они есть в вашем отряде: я узнал нескольких, даром что раненые. Это не китайцы, нет; китайцев я хорошо знаю. Ну-с, читал я также о двух французах, сотрудниках «2000 года», которых японцы увезли куда-то из Сан-Франциско на крейсере — а с ними, как думают, и третьего, янки. Кто доставит сведения об этих французах, получит пятьдесят тысяч франков награды. Кто выследит японцев и поможет коменданту Алгалуэлы накрыть их — тому выдано будет по десяти тысяч франков за

каждого японца... Я их выследил, господа! Они тут, в вашем отряде, а вы — те самые французы с американцем... японцы держат вас в плену, а для показа начальниками поставили, чтобы глаза отводить! Так или нет?

— Так, — ответил я. — Недаром вас касиком выбрали: вы, я вижу, сообразительный малый... Но что же вы думаете предпринять?

— Вот я и говорю себе: Лаглэв, почему бы тебе не обогатить свой народ и его короля? Пятьдесят тысяч франков за французов и, небось, впятеро или вшестеро больше за японцев... да мы все по-королевски заживем! Но сам я не одолею японского отряда, у меня всего человек пятьдесят мужчин, да и те почти безоружные. Вот я и подумал так: посылаю верного человека с уведомлением в Алгалуэлу, сообщаю обо всем тамошнему полковнику; пусть пришлет отряд солдат в Санта-Крус, а другой отправит вдоль берега озера, к Мерсед, потому что эти черти наверное пробираются к озеру. Для верности же, я сам пойду с вами с двумя-тремя людьми, чтоб в случае чего послать еще гонца.

— Хорошо придумано, — заметил Пижон. — Только, почтеннейший Лаглэв, качаться нам с вами вместе где-нибудь на ветке в этом лесу. Японцев не перехитришь. А солдаты из Алгалуэлы опоздают на двадцать минут... Может быть, на час или больше, но вовремя не попадут — будьте покойны.

— Полновамкаркать, — возразила. — Попытаем счастья... Притом другого ничего не придумаешь.

— Конечно, — подтвердил Кеог. — А упускать случай нечего... Хотя на вашем месте, Лаглэв, я попробовал бы сам справиться. Пятьдесят человек да нас трое...

— С ножами против револьверов и ружей... — перебил я. — Нет, это слишком рискованно. Японцы всегда начеку, врасплох мы их не захватим.

— Ну, как знаете, — проворчал Кеог. — Можно и его план попробовать...

На этом и порешили. Лаглэв, пожелав нам покойной ночи, ушел. Я выглянул вслед за ним из хижины. Мне показалось, будто какая-то тень мелькнула подле нее и скрылась за соседними хижинами. Я сделал несколько шагов, всматриваясь в темноту; ничего не видно, не слышно. Я махнул рукой и вернулся в хижину спать.

На другое утро мы тронулись в путь. Я думал, что японцы не допустят Лаглэва в состав нашей экспедиции. Однако они ничего не сказали, как будто его присоединение было совершенно в порядке вещей. Это благодушное отношение показалось мне подозрительным.

Наконец, в понедельник, тринадцатого декабря, мы достигли, по-видимому, цели нашего странствования. К местности, называемой Лас Ро-хас, между Мерсед и Алгалуэла, мы соединились с передовым отрядом, отделившимся от нас дня за три до того. Здесь носильщики были отпущены и остались только тридцать человек японцев да наша группа: Пижон, я, Кеог и Лаглэв с двумя товарищами.

Лишь только колонна носильщиков, получив плату, исчезла в девственном лесу, как физиономии, жесты, интонация голосов — все изменилось. Действительные начальники экспедиции не замедлили себя проявить. Кацик с товарищами оказался, так же как и мы, в плену. Их без церемоний заставили работать над сооружением станции беспроволочного телеграфа.

Отряд, явившийся на место раньше нас, срубил несколько деревьев и смастерил огромное, в три метра диаметром, колесо, вроде тех, в которые сажают белок или мышей для детской забавы. Ось его была закреплена на двух древесных стволах, обрубленных на высоте трех метров от земли. Бесконечный ремень соединял его с динамо-машиной, которая должна была превращать его движение в электрическую энергию. Мачта в двадцать пять метров высотой, с антеннами, была водружена для отсылки электромагнитных волн. К вечеру станция была закончена. Вами обратился ко мне и Кеог и совершенно спокойно приказал нам войти в колесо и вертеть его.

В первую минуту я хотел отказаться. Неужели покориться и этому позору? Но нас окружала вооруженная с ног до головы толпа, и ясно было, что приходится выбирать между колесом или смертью. Кеог сердито пожал плечами и буркнул мне:

— Эти скоты сильнее нас... Бесполезно спорить...

Лаглэв старался ободрить нас взглядом. Он, видимо, рассчитывал на скорое прибытие сюда американского отряда.

Из песни слова не выкинешь! Мне совестно писать об этом, но спустя несколько минут мы вертелись в позорном колесе — вертелись безостановочно, переступая с перекладины на перекладину, обливаясь потом и не имея мужества остановиться.

Часа два продолжалась эта пытка. Наконец, японцы получили все известия, которых ожидали, и мы были выпущены из колеса, почти выбившиеся из сил.

На другое утро японский отряд двинулся к берегу озера, находившемуся в трех километрах от Лас-Рохас. Оно представляло собой искусственное расширение реки Шаср, русло которой между озером и каналом было выпрямлено, углублено и перегорожено гигантской каменной плотиной, задержавшей воды озера. Непроходимый, дремучий, девственный лес подступал со всех сторон к берегам озера. Непростительная халатность! Эта непроходимая чаща делала почти невозможной охрану берегов.

Тронувшись в путь рано утром, мы только к двум часам добрались до берега. По пути мы толковали о японских планах.

— Дело ясное, — говорил Кеог. — Они, наверное, получили известие, что соединенный флот вошел в канал. Теперь постараются разрушить плотину. Если эскадры вошли в канал, они сядут

на мель, когда эта масса воды схлынет, прорвав своим напором шлюзы...

Вскоре мы убедились, что таков именно был план японцев. Достигнув берега, они принялись разбирать принесенные с собой ящики и тюки. Мы увидели разрывные снаряды, типа маленьких торпед, взрывающихся при столкновении с каким-либо препятствием; затем Вами и его товарищ-офицер принялись монтировать разобранные части какого-то механизма и вскоре сложили крошечную подводную лодку-торпеду. В ее камере мог поместиться на корточках один человек. Он должен был погибнуть при взрыве, но зато мог направить торпеду по своему произволу. Лодка была спущена на воду; механик поместился в ней и проделал ряд эволюций, чтобы испытать машину...

Вдруг раздались предостерегающие крики чаровых. Почти в ту же минуту на опушке леса показалась группа американских солдат, точно выросшая из-под земли.

Наконец-то! Вот он, отряд, вызванный Лаглевом, который должен помешать японской затее!

Все японцы, как один человек, приложились из ружей. Мы услышали щелканье спусков, но ни грохота, ни дыма не последовало: это были беззвучные и бездымные ружья. Пять человек американцев появились на опушке леса, и все пятеро повалились, сраженные японскими пулями. Спустя несколько секунд перед нами лежало пять трупов. Больше никого не было видно.

Очевидно, это был американский патруль, во все не ожидавший встречи с японцами, наткнувшийся на них совершенно случайно и поэтому захваченный ими врасплох.

Японцы поспешили к убитым и принялись обыскивать их. Кеог и Лаглэв с товарищами последовали за ними, мы с Пижоном отвернулись от печального зрелища и уныло опустили на землю.

Но произошла возмутительная сцена. Один из японцев отрезал своим ножом голову трупa и, схватив ее за волосы, со злобным смехом показал Кеогу.

Этого американец не мог выдержать. Он бросился на японца и схватил того за горло. Лаглэв со своими людьми последовал его примеру.

Мы с Пижоном вскочили, чтобы помочь товарищам. Но прежде чем мы успели добежать до места действия, схватка уже кончилась. Человек двадцать японцев схватили нападающих, повалили их на землю и скрутили их веревками.

Впрочем, железные пальцы Кеога успели сделать свое дело: к пяти американским трупам присоединился труп задушенного им японца с почерневшим лицом...

Затем последовала свирепая сцена.

Вами обратился к Лаглэву:

— Ты хотел выдать нас американцам. Не отпирайся: я слышал ваш разговор в Санта-Крус. Я знаю, зачем ты послал гонца в Алгалуэлу. Но он недалеко ушел, твой гонец. Ты рассчитывал

получить награду — отлично, мы сейчас пошлем тебя и твоих товарищей за наградой вместе с этим американцем.

— Что касается этих господ, — прибавил он, взглянув на меня и Пижона, — то я обещал им, что они своими глазами увидят наше превосходство над белыми, — и сдержу обещание.

По его знаку нам также связали руки.

Вскоре были сколочены шесть деревянных рам. К четырем из них привязали Кеога, Лаглэва и его людей. Затем их спустили на воду и прицепили к рамам разрывные снаряды.

— Течение в этом озере направляется к плотине, — сказал мне Вами, — оно отнесет туда эти рамы. Тем временем наш товарищ Танака Митеуки — запомните это имя, чтобы сообщить его читателям «2000 года», — отправится туда же в подводной торпеде. Он взорвет плотину внизу, ваши приятели вверху — зрелище будет, надеюсь, достойное вашего пера... Вы увидите его своими глазами, так как отправитесь вслед за этим изобретателем аэропланов...

— Будет болтать, изобретатель плутней, — отозвался Кеог со своего плота. — Кончай хвастать и делай свое дело... Говорил я вам, Лаглэв, что надо было попытаться расправиться с этими канальями самим... Я бы на свой пай взялся придушить штук пять...

— Правда, сынок, — ответил кадик. — Ну, что поделаешь, думал, так лучше выйдет... Я-то уж стар, пора умереть, а ребят жалко...

Несколько японцев вошли в воду и отвели рамы подальше от берега, затем пустили их по течению.

— Теперь ваша очередь, господа, — сказал Вами. Нас также привязали к рамам, но почему-то без разрывных снарядов. Шевельнулась ли в Вами человечность, побудившая его оставить нам хоть слабый шанс на спасение, или, наоборот, это была еще более утонченная жестокость, желание продлить нашу агонию, так как смерть от потопления должна была последовать не так быстро, как от взрыва? Не знаю.

Вскоре мы медленноплыли по течению. Ночь давно уже наступила; было темно, луна еще не вставала. Звезды слабо мерцали сквозь пелену тумана, стлавшегося над рекой, вода тихо журчала и плескалась о раму. Ледяной страх закрадывался в душу, несмотря на все усилия сохранить присутствие духа.

— Вы здесь, Пижон? — крикнул я.

— Здесь, патрон, — простонал он. — Что за подлое положение. Право, на виселице было бы покойнее...

— Не теряйте мужества! Может быть, нас выкинет куда-нибудь на отмель...

— Кайманам на ужин... Благодарю покорно! Лучше уж захлебнуться в воде...

Он говорил еще что-то, но течение разделило нас, и его голос замер вдали. Я крикнул раза два, но не получил ответа.

Не знаю, много ли времени прошло, когда грохот страшного взрыва раскатился по поверхности

реки и вода под рамой сильно заколыхалась. Я тотчас почувствовал, что течение стало быстрее. Это японец в своей подводной лодке взорвал плотину, подумал я. Спустя минуту последовали два или три взрыва, почти слившиеся вместе, затем еще один. Вода закипела, точно в котле, плот завертелся, поток понес меня с головокружительной быстротой. Я несколько раз окунулся головой в воду и уже близок был к потере сознания, как вдруг почувствовал сильный толчок. Я открыл глаза: меня заливали волны электрического света. Я увидел фигуры людей на берегу.

— Fire! Fire!* — крикнул кто-то.

— Янки! Янки! — заорал я в свою очередь во весь голос. — Помогите!

К счастью, солдаты вовремя остановились. Мой плот застрял у левого края плотины. Несколько человек спустились по железной лестнице, вытащили меня и отвязали от рамы.

— Мой товарищ... — сказал я, — в таком же положении... Там, на реке... помогите ему!

Спустя несколько секунд вытащили и Пижона, в самом плачевном состоянии, какое можно себе представить, однако живого.

Нам дали переодеться, и я в самых коротких словах рассказал коменданту, кто взорвал плотину и как мы попали в реку. На мой вопрос, были ли замечены другие рамы, на которых плыли наши товарищи, он ответил:

* Стреляй! Стреляй! (англ.)

— Да, но они все погибли... Мы услышали на реке крики и когда осветили ее, то заметили какие-то плоты с людьми... В эту минуту вся плотина затряслась от взрыва; без сомнения это и был японец, о котором вы сейчас рассказали — в подводной лодке. Вода хлынула в отверстие и плоты — два или три, не знаю, — налетели на стену. Вся ее верхняя часть разлетелась вдребезги, вместе с нашими часовыми, разными постройками и, понятно, вашими друзьями. Потом показался еще плот. Я велел своим людям зацепить его баграми... Несчастливая мысль! Когда они хотели вытащить его на берег, произошел взрыв. Ах, это было ужасно, господа! Более двадцати человек убитых...

— Ну а там, внизу, на канале, — сказал я после некоторого молчания, — что там делается теперь?

— Что делается? Что же там может делаться? Двести военных судов вошли в канал. Эта масса воды, которая разом хлынет туда, поднимет их, будет бросать друг на друга, на берег. Когда же она схлынет, прорвав шлюзы или спущенная искусственно, суда сядут на мель, потому что нечем будет заменить эту воду и создать нормальный уровень в канале. Этих повреждений в год не исправишь! И все это произошло в моем округе. Я не сумел предупредить катастрофу. Она лежит на моей совести. Это бесчестие! Но никто не скажет, что Гарри О'Брайен остался жить в бесчестии...

Злополучный комендант проводил нас до электрического поезда; когда мы вошли на площадку, он кивнул головой и отвернулся с отчаянным, почти безумным жестом.

Затем он бросился к третьему рельсу, по которому проходил электрический ток, уцепился за него и замер в судорожной позе. Поезд тронулся, и мы видели издали, как солдаты освобождали тело своего начальника, покончившего с собой посредством электрокуции.

Проток между озером и каналом, мимо которого мчался наш поезд, представлял грозную картину. Воды озера, хлынувшие в прорыв плотины, неслись бурным потоком, сносившим и разрывшим на своем пути все инженерные сооружения.

В Обиспо мы узнали, что в канале стоят сто шестьдесят девять судов. Телеграф уже приносил отовсюду самые печальные известия о прорыве шлюзов, разрушении плотин и других сооружений. Суда с трудом держались на якорях, стараясь избежать столкновения. Суматоха была страшная; инженеры метались, не зная, за что ухватиться, солдаты, матросы бесцельно толпились по берегам; всюду мы находили картину полной растерянности. Да и что можно было предпринять? Катастрофа обрушилась так внезапно и совершилась так быстро, что нельзя было успеть вывести из канала хоть десяток судов. Непобедимая Армада, какой еще не видал мир, была осуждена на долгий плен, обессиленная горстью японцев... Мне вспомнилась наша подводная экспедиция.

Там, как и здесь, дерзость предприятия обеспечила успех. Но насколько же грандиознее результаты, достигнутые японцами! Правда, суда не уничтожены — но, выведенные из строя в самую критическую минуту, беспомощно засевшие в иле Панамского канала, они стали бессильней тех русских «калош», над которыми когда-то подтрунивали наши моряки... Этот удар может решить весь дальнейший ход кампании!

Да, на этот раз японцы могут похвастаться. Вами сдержал свое слово.

Глава XIX БЕЛАЯ СТЕНА

Возвращение на родину. Европейская коалиция против китайского нашествия.

Вторжение китайцев в Россию.

Конференция. Взятие Иркутска китайцами. «Белая стена». В России.

Новая встреча со старым приятелем.

В ясное солнечное утро первого января 1938 года большой пароход Трансатлантической компании «Дофинэ», на котором мы — я, Пижон и господин Мартен Дюбуа — возвращались во Францию, бросил якорь в гавани Бреста.

С патроном мы встретились на другой день после катастрофы, в Колоне, на Панамском перешейке, куда он приехал из Ванкувера, услышав о печальных событиях.

Радость, которую он испытал, увидев нас здоровыми и невредимыми, смягчила для него горечь катастрофы. После первых приветствий и обмена впечатлениями он усадил нас за составление обстоятельной телеграммы в «2000 год». За

ней должен был последовать подробный рассказ о наших похождениях.

— Печальное, трагическое происшествие, — говорил он, — катастрофа, которая может иметь самые неожиданные последствия. Она подстрекнет решимость Китая, готового бросить свои полчища на Европу: его удерживало только опасение морской экспедиции, которая теперь не состоится... Прискорбная, прискорбная неудача! Только в «2000 году» появятся точные сведения о причинах катастрофы и об ее осуществлении. Как я рад вашему спасению, друзья мои... Никому ничего толком неизвестно; в сегодняшних газетах сообщается по этому поводу невообразимый вздор. Завтра же наша газета разъяснит Европе и Америке японскую каверзу. Воображаю успех номера! Колоссальный тираж! Да, в высшей степени трагическое происшествие. Составляйте депешу, друзья мои... Какое счастье, что вы спаслись...

Мы были очень тронуты привязанностью патрона. Нужно ли прибавлять, что взамен чековых книжек, отобранных японцами, в наших карманах появились новые?

Последствия катастрофы были именно таковы, каких следовало ожидать. На год, самое меньшее месяцев на десять, суда Непобедимой Армады были осуждены беспомощно лежать на боку, на обмелевшем дне канала. На суше американцам удалось отразить нашествие японцев из Калифорнии, так как преемники Эриксона, Ронбиггер и Берк, с успехом продолжали применять

его изобретения. На некоторое время в военных делах наступило затишье. Мы решили вернуться в Европу, где десятого января должна была собраться в Париже конференция представителей европейских держав для обсуждения последствий панамской катастрофы и присоединения Китая к Японии. Последнее фактически уже состоялось. Известие о судьбе европейского флота вызвало в Китае взрыв радости и бурное движение против белых, в котором погибли сотни иностранцев. Сорокамиллионная — так, по крайней мере, определялся размер по европейским сведениям — китайская армия спешно мобилизовалась, и ее авангард уже сосредоточился на границе с Россией.

В Бресте на набережной нас встретили Малаваль и Кокэ, сообщившие нам только что полученное печальное известие (во время переезда через океан мы получали по беспроволочному телеграфу депеши, печатавшиеся тут же на корабле в «Газете Дофинэ» — листке, издававшемся для пассажиров).

— Не везет Европе с каналами, — говорил Кокэ. — Вы знаете, вероятно, что предполагается совместное действие европейских держав против Китая. Войска должны двинуться на восток по железным дорогам, а военные припасы тем временем предполагалось отправить на судах через Суэцкий канал в Бомбей, откуда Англия бралась доставлять их на север через Индию. Таким образом соединенные армии могли бы снабжаться всем необходимым с двух сторон... Но сейчас

получено известие, что большой английский пароход, шедший из Порт-Саида в Суэц, потерпел крушение вследствие взрыва и затонул в самом узком месте канала, который теперь закупорен месяца на два не хуже, чем Панамский...

Известие действительно было неприятное. Если канал закупорен, то для отправки войск и их снабжения остаются только железные дороги. Но справятся ли они с такой задачей? Для отражения китайских полчищ, вооруженных и обученных вполне по-европейски, придется перебросить в Азию не менее миллиона солдат, с соответственным количеством орудий. Современные скорострельные орудия, митральезы, пулеметы, ружья, действующие на расстоянии многих километров, выпускают буквально тучи снарядов в самое короткое время. Давно уже техники указывали, что серьезнейшая опасность, которая грозит войскам в современной войне, это остаться в критическую минуту без снарядов. Возникал вопрос, управятся ли русские дороги со своевременной доставкой припасов, хватит ли у них подвижного состава? В этом, как и в других отношениях, Россия сильно отстала от европейских стран.

— Да и порядки их... — заметил Малаваль. — Помните, лет тридцать назад там происходили ревизии, результаты которых и в Европе привлекли общее внимание. Нечто классическое, неподражаемое по части злоупотреблений... Говорят, теперь это еще дальше зашло...

— Ну, это, быть может, преувеличение, — возразил господин Дюбуа. — Притом славится, главным образом, тамошнее интендантство. А с ним мы постараемся не иметь дела... Во всяком случае, неприятное, очень неприятное осложнение.

— А что говорят в Париже? — спросил я у Малаваля.

— Китай, знаете, далеко: от нас не видать! — ответил он. — А насчет «желтой опасности» парижанам твердят так давно, что они привыкли считать ее чем-то вроде «буки», которой малых ребят пугают... Впрочем, последние известия произвели впечатление. Во всяком случае, все радыхоньки прекращению войны между белыми и сочувствуют союзу против желтых. Но ваш приезд, коллеги, вызовет большую сенсацию, чем все китайские новости. Вы не можете себе представить, какой фурор производили корреспонденции о ваших приключениях.

— Еще бы! — заметил Пижон. — Сколько мы китайцев повоевали... А кайманы, ягуары, вампиры, удавы!

— Расскажи лучше, как тебя по Сан-Франциско в ящике таскали, — перебил Кокэ.

— Не в ящике, а в паланкине, как самого микадо, — возразил Пижон. — Торжественное было шествие: впереди патрон, за ним я...

— Ох, уж не растрavляйте раны, — сказал я. — Это шествие, а потом колесо...

— Не огорчайтесь, патрон, — утешил Малаваль. — Зато парижане вас теперь не только

в герои, но и в мученики произвели... Вот увидите, как примут!

Действительно, прием не оставлял желать ничего лучшего. Громадная толпа встретила нас на вокзале и проводила в редакцию «2000 года», не было недостатка в приветственных речах, поздравлениях, букетах, всевозможных знаках внимания...

Странное чувство испытал я, очутившись в редакции, увидев знакомую обстановку, свой стол, чернильницу, груды газет и корректур... Мне казалось, что я возвращаюсь к действительной жизни из какого-то фантастического, нездешнего мира, что вереница событий, так недавно пережитых, отходит куда-то вдаль, расплывается, как сонная греза, подобно забытой сказке исчезает из сознания. Мне казалось, что кошмар этой безобразной, чудовищной всемирной бойни является иллюзией, что еще небольшое усилие — и я окончательно стряхну его с себя...

Звуки голосов, топот шагов рассеяли это наваждение. Я обернулся: целая толпа теснилась в кабинет. Как приятно мне было увидеть знакомые лица! Тут находились и Том Дэвис с мисс Адой, радостные и счастливые, хотя свидание их и на этот раз не могло быть продолжительным, и господин Вандеркуйп с супругой, и добродушные старички Дэвисы, которых мы с Пижоном вытаскивали когда-то (мне казалось, что с тех пор прошли чуть ли не века!) на руках из подземелья... Пижон растаял, увидев мисс Аду; бедняга

вздыхал по ней со времени Гаагской конференции — вздыхал безнадежно, так как видел, что в сердце очаровательной голландки нет для него места, что оно занято другим... Но добрейший малый был решительно неспособен питать недоброжелательность к счастливому сопернику и поздоровался с ним как нельзя сердечнее.

Вечером господин Дюбуа устроил в большой зале редакции ужин. Собралось множество народа: сотрудники, знакомые, много представителей официального мира. Разговоры вертелись на предстоящей борьбе европейской коализации с Китаем, на успехах «2000 года», тираж которого превзошел самые смелые надежды патрона... Под конец ужина патрону подали телеграмму. Пробежав ее про себя, он изменился в лице и попросил внимания. Это была телеграмма от нашего специального корреспондента из Москвы:

«1 января. Массы китайских солдат, сосредоточенные в Алтайских горах, оказались гораздо значительнее, чем предполагалось.

Генерал Грипинский, занимавший со своей армией в сто пятьдесят тысяч человек линию обороны в шестьдесят верст от окрестностей Сергиополя, рассчитывал иметь дело с тремя сотнями тысяч китайцев. Но он был атакован по всему фронту поистине «человеческим морем» — армией, по приблизительному подсчету, в два миллиона солдат, и, потеряв все орудия и более пятидесяти тысяч человек убитыми и ранеными, отступил к Семипалатинску».

Как можно себе представить, телеграмма произвела тяжелое впечатление. Призрак «желтой опасности» начинал принимать осязаемые формы.

Ужин скоро кончился. Мы с патроном собрались за редакторским столом над картой Сибири, разыскивая города Семипалатинск и Сергиополь, о местонахождении которых никто из нас не имел даже приблизительного представления.

В ту же ночь была получена дополнительная телеграмма:

«Нашествие китайцев на русскую территорию в количестве двух миллионов солдат подтверждается дальнейшими сообщениями. Многие кочевые племена присоединились к ним и употребляются ими в качестве разведчиков. Эти орды, получившие от китайцев европейское оружие, составляют не менее трех миллионов всадников.

Китайская армия отмечает свой путь опустошением. Население истребляется систематически. Истребление сопровождается жестокими пытками. Жители Семиречья, Акмолинска, Семипалатинска бегут в панике. Множество народа гибнет от холода».

«2000 год» немедленно открыл кампанию в пользу общеевропейского действия против китайцев. Надо было подогреть публику. Надо было показать, что опасность грозит не России только, а всему европейскому миру. Теперь уже поздно было сожалеть о том, что европейская культура сохранила свои воинственные тенденции, что

она не попыталась своевременно разоружиться, установить мирный международный режим, не пробовала привить те же мирные стремления желтым, когда они воспринимали ее культуру... «Борьба рас» продолжалась и вступала в свой последний и самый грозный фазис. Истребив, подчинив, выморив черных, краснокожих и другие цветные расы, белый человек встретил отпор со стороны желтых. Этот отпор переходил в наступление. Когда-то Япония старалась ослабить Китай, опасаясь его соперничества. Теперь, обладая стомиллионным населением, прочно утвердившись в Корее и Южной Маньчжурии, считая гегемонию на Тихом океане обеспеченной, она уже не боялась этого соперничества. Напротив, бросив Китай на Европу, она развязывала себе руки для борьбы с Америкой. Россия же не могла одна дать отпор китайцам — это мы старались объяснить читателям «2000 года», и это подтверждалось известиями с востока.

«Из Иркутска сообщают ужасающие известия, — гласила ближайшая телеграмма нашего московского корреспондента, — вторая китайская армия, в полтора миллиона солдат, направляется от Кяхты к Байкалу, с очевидным намерением овладеть Иркутском. Генерал Владимиров, располагающий стотысячной армией и ста двадцатью орудиями, попытается дать ей отпор. Но население не питает доверия. Паника всюду. Поезда Великойсибирской магистрали берутся с боя толпами отъезжающих».

А следом за ней пришла телеграмма о третьей китайской армии, равной по численности обоим первым, направлявшейся через Туркестан.

Эти известия делали свое дело. Казалось, тень от китайских полчищ достигает Парижа. Номера «2000 года» читались нарасхват. Наш соперник «3000 год» попытался, разумеется, начать противоположную кампанию, но вызвал взрыв негодования: толпа ворвалась в редакцию и произвела там опустошение не хуже китайского — правда, только над неодушевленными предметами.

Всюду толковали о китайском нашествии. На улицах приходилось слышать рассуждения:

— Скоро ли соберется конференция? На русских плоха надежда.

— Да... хотя их солдаты дерутся храбро.

— А генералы терпят поражения.

— Как водится... Такая уж у них традиция сложилась... Конечно, это говорилось довольно легкомысленно. Миллионные полчища, вооруженные по-европейски — это уже не жалкие толпы пресловутых «хунхузов». Общая численность трех китайских армий достигала семи миллионов человек!

— А ведь это только авангард, — заметил господин Дюбуа, когда мы обсуждали однажды положение дела, собравшись в редакции. — Вся армия — сорок миллионов...

— Притом вооруженных современными орудиями и ружьями, — подхватил Пижон.

— Где они набрали столько оружия и военных припасов? — сказал я.

— Тридцать лет готовились, — заметил Пижон. — Все так называемое китайское возрождение ушло в это дело. Японцы, те мало потерпели от белых и просто хотели усвоить их культуру, поняв, что она дает нации силу. У китайцев ненависть к белым, чувство обиды, мысль о реванше, о мести господствовали над всем. Да ведь и пекли же их на медленном огне. Припомните-ка, что с ними проделывали, начиная с английской опиумной войны. А потопление семи тысяч китайцев у Благовещенска! Маньчжурские походы! «Подвиги гуннов» — помните? Немецко-англо-французско-русское нашествие во время восстания боксеров. Все отличились — и мы не хуже других — нечего греха таить... Почти целое столетие жестокостей, обид, насилий, оскорблений — можно дойти до иступления. Теперь надо расплачиваться... Тридцать лет они напрягали все силы, готовясь к этому походу. Я тоже думаю, что семимиллионная армия — только авангард...

— Этак, пожалуй, они всей нашей коалиции намнут бока — пробормотал я.

— Чего доброго, — заметил патрон. — Во всяком случае, надо, не теряя времени, организовать сопротивление. Предполагается, что Россия доведет свою армию до миллиона, Европа даст не менее миллиона; эта двухмиллионная армия должна одолеть по крайней мере китайский авангард. Превосходство военной техники, во всяком

случае, на нашей стороне — и притом превосходство, я думаю, весьма значительное...

Ввиду тревожных известий созыв конференции был ускорен. Заседания ее были, разумеется, закрытыми, но патрон знал ходы и выходы. При содействии некоторых влиятельных лиц официального мира, которые не могли пренебрегать поддержкою «2000 года», мы нашли доступ если не в зал заседаний, то в смежный с ним чуланчик, где поместились очень спокойно и удобно в обществе половых щеток и других предметов хозяйственного обихода. Отсюда все было слышно вполне отчетливо. Заседание началось в два часа дня и кончилось в половине восьмого вечера.

Вначале все шло гладко. Общий план кампании — отправка армий европейской коалиции на Урал, где они должны были образовать почти непрерывную «белую стену» (это выражение, пущенное в ход мной в «2000 году», сделалось популярным) против желтой опасности, — не вызвал споров. Очень быстро установили, сколько солдат, орудий, аэрокаров поставит каждая из европейских наций. Разногласия начались только, когда возник вопрос, кому же вручить общее начальство над соединенными армиями.

Русский уполномоченный заметил, что так как театром войны является Россия, которая притом дает миллион солдат, то всего рациональнее вручить общее начальство кому-либо из ее генералов.

Но князь Карлсгейм-Миттельзауз, уполномоченный германского правительства, не совсем деликатно возразил на это, что русские полководцы слишком привыкли к отступлениям, что Россия умела побеждать только азиатских «халатников», пока они оставались халатниками, и давно уже не в силах бороться с культурными армиями, и что верховное начальство в этой грандиозной кампании несомненно должно принадлежать прусскому фельдмаршалу Мауреру, лучшему полководцу европейских держав.

Русский не остался в долгу и не без едкости ответил, что немецкое могущество не слишком победоносно заявило себя в эту войну в Лондоне и на французской границе; немец рассердился; присутствующие разбились на две партии; начался общий спор... В дырочку, прорезанную мной перочинным ножом в двери чулана, я видел раскрасневшиеся лица немца и русского; усы их сердито топорщились, указательные персты делали зигзаги в воздухе, подчеркивая слова, которые я не мог разобрать... Воспользовавшись минутой относительного затишья, представитель Швейцарии предложил в качестве общего главнокомандующего коалиционной армии французского генерала. Конференция разбилась на три партии. Началось столпотворение, и я уже опасался, что эта конференция завершится таким же финалом, как печальной памяти Гагская. К счастью, председатель восстановил тишину, заявив, что представитель Англии желает сделать предложение.

Английский уполномоченный Том Дэвис — сэр Томас Дэвис, так как активная роль, которую наш друг играл в организации европейской коалиции, доставила ему быстрое повышение и титул баронета, — предложил избрать верховным руководителем военных операций бельгийского генерала Приальмона. Это было яйцо Колумба. Страсти разом утихли и споры прекратились. Генерал Приальмон еще ни с кем не воевал, но пользовался славой первоклассного военного теоретика. А главное, его избрание никому не было обидно. Стало быть, ему честь и место. Предложение Дэвиса было принято единогласно.

Да и пора было кончить распрю. В момент закрытия заседания председателю передали телеграмму, содержание которой ошеломило присутствующих. Вот что сообщалось из Петербурга:

«Несмотря на сверхчеловеческие усилия, армия генерала Владимирова разбита китайскими полчищами и отброшена за Иркутск, потеряв половину своего состава.

«Сегодня, 4 января, китайцы вошли в сибирскую столицу, поджигая дома и истребляя все живое на своем пути. Нет пощады ни полу, ни возрасту».

После конференции дела пошли быстро. К сожалению, Европа была порядком истощена предыдущей братоубийственной бойней, поглотившей десятки миллиардов денег и несколько сот тысяч людей. Прекращение войны улучшило экономическое положение, бумаги на биржах

поднялись, промышленность и торговля оправились. При всем том финансы были истощены, займы оказывались невозможными, приходилось устанавливать новые налоги, чтобы найти средства для оборудования «белой стены». Как бы то ни было, силы белых наций еще не были исчерпаны. Спустя несколько дней перевозка войск была в полном разгаре. Бесчисленные поезда, загроможденные солдатами и военными припасами, стремились к русской границе. Австрийские войска были уже в Польше, авангард их в Москве.

Русские армии генералов Грипинского, Владимирова и Осдорова, убедившись в невозможности отразить или хотя бы задержать нашествие китайцев при громадной разнице сил, отступали к Уралу на соединение с войсками, шедшими из внутренней России к азиатской границе. Китайцы медленно надвигались, делая по тридцать километров в сутки.

Спустя две недели после конференции главная масса европейских войск была уже в России, передовые полки на азиатской границе. «Белая стена» быстро формировалась.

Семнадцатого января мы — я и Мартен Дюбуа, взявший на себя обязанности главного гражданского комиссара французских войск на азиатской границе, — оставили Париж, направляясь в Россию. Пижон выехал неделю тому назад и был уже в Петербурге. Спустя двое суток и мы оказались там же.

В России поразило меня отсутствие воодушевления, которое замечалось повсюду в Европе. По-видимому, эта страна, наиболее заинтересованная в деле, наименее интересовалась им. Какое-то странное равнодушие, угрюмая апатия читались на лицах, чувствовались в разговорах. Как будто этот народ махнул рукой на все, утратил надежду на будущее и застыл в оцепенении. «Страна мертвых!» — так резюмировал свои впечатления Дюбуа.

В Петербурге мы пробыли два дня, следя за непрерывным потоком европейских войск, авангарды которых уже занимали огромные территории вдоль Уральского хребта по линии Пермь—Златоуст—Уфа. Генерал Приальмон назначал каждому главнокомандующему его место в огромной цепи, протянувшейся от Карского до Каспийского моря.

Русские и немцы составляли северный конец ее на протяжении двухсот километров. Главной квартирой англичан, голландцев, бельгийцев и скандинавов была Пермь. Австро-итальянские армии оперировали в области Уфы. Французская занимала равнины к югу от Уральских гор, по эту сторону реки Урал. Ее подкрепляла турецкая армия, так как Турция, усвоившая европейский режим, решила присоединиться к европейской коалиции, несмотря на свою стародавнюю вражду с Россией. Впрочем, это произошло не без борьбы. Сильная партия в турецком парламенте отстаивала союз с Китаем, дававший, по

ее мнению, Турции возможность разом отобрать у России Кавказ и побережье Черного моря с Крымом. Но одержала верх партия союза с Европой.

Главная квартира французов находилась в Оренбурге, куда и мы отправились двадцать первого января. В Москве господин Дюбуа остался на несколько дней, задержанный делами по снабжению армии, мы же продолжали путь вместе с бригадой генерала Ламидэ.

Странное приключение ожидало нас на пути. Под самой Тулой скопление поездов вызвало продолжительную задержку. Часть солдат было высажено и отправлено пешком. Генерал Ламидэ со своим штабом решил проводить их лично; мы с Пижоном присоединились к офицерам. На пути кто-то обратил внимание на черную точку в небе. Генерал остановил колонну. Бинокли направились по указанному направлению. Точка приближалась, увеличивалась в объеме. Это был аэрокар — по-видимому, потерпевший аварию, так как двигался он по ветру. Вскоре форма его обрисовалась ясно. Сигара из золотисто-желтого китайского шелка, с двумя исполинскими черными драконами, намалеванными с обеих сторон...

— Китайский аэрокар! — воскликнул генерал.

Да, несомненно, это был китайский аэрокар. А я только что спрашивал себя, существует ли эта фантастическая сорокамиллионная китайская армия, точно ли мы отправляемся воевать

с ней, не продолжаю ли я бредить?.. Продолжаю! Да разве я начинал?.. Это странное наваждение, чувство, какое испытываешь в кошмарном сне, когда пытаешься стряхнуть его с себя, не раз уже появлялось у меня в последнее время и положительно начинало пугать меня: не мешает ли мой рассудок под впечатлением ужасов этой адской войны?.. Но, к счастью, действительность всякий раз возвращала меня к нормальному состоянию. Так и теперь; китайский аэрокар разом заставил меня встряхнуться...

Он приближался, потихоньку опускаясь, и вскоре наши солдаты окружили его и притянули к земле, ухватившись за веревки. В гондоле оказалось четверо; их подвели к генералу.

Я смотрел и не верил глазам. Неужели это он? Вот вездесущий! Да, положительно, это был Вами. Пижон дернул меня за рукав и сказал вполголоса:

— А ведь это наш приятель!..

Да, это был Вами, с каким-то другим японцем, похожим на него как две капли воды — впрочем, для наших европейских глаз все японцы на одно лицо, — но одетым в штатское, и с двумя китайскими солдатами. Вероятно, он отправился к китайцам с целью организовать их воздушный флот и во время какой-нибудь рекогносцировки был, вследствие порчи мотора, увлечен ветром в Россию.

— Я знаю этого человека, — сказал я генералу.

— О, в самом деле? Кто же это такой?

Я коротко сообщил генералу о Вами, имя и подвиги которого были, впрочем, известны ему из газет.

— Ага! Так это важная птица! — заметил он. — Ну, теперь мы ему подрежем крылья. Поговорите-ка с ним, спросите, кто он такой, откуда летит, где китайский авангард...

Я обратился к Вами, который смотрел на меня холодным взглядом, с чуть заметной презрительной усмешкой на губах.

- Кто вы такой? — спросил я.
- Вы сами знаете.
- Наш бывший союзник, Вами?
- Если вам угодно.
- А это кто?
- Мой слуга Эраочи Масатака.
- А эти китайцы?
- Спросите у них сами.

Я обратился к ним по очереди, но они только скалили зубы и упорно молчали. Вами тоже не пожелал давать дальнейших показаний. На вопрос, где находится китайская армия, что он там делал, как попал сюда, он холодно молчал, как и его слуга. Наконец, он промолвил;

— Вы только попусту теряете время. Кончайте допрос — больше ничего не узнаете!

В Туле был созван военный суд, который приговорил Вами и двух китайцев к расстрелу, как захваченных с оружием в руках. Слуга-японец остался в качестве военнопленного.

Казнь назначена была в десять часов вечера. Я решил пойти посмотреть на нее и пригласил Пижона. Он поморщился и, видимо, колебался.

— Чем вы недовольны? — спросил я. — Похоже, вам жаль этого молодца...

— Жалеть мне нечего, патрон. Он опасный враг и много бы еще каверз наделал европейской коалиции, да и нам лично, при случае... Но мне не по нутру эта бойня, а вы так весело собираетесь любоваться на нее...

— Скажите, какой чувствительный! Разумеется, я рад, что эту опасную каналью наконец уничтожат. Припомните-ка, чего мы натерпелись от него... Или вы забыли Аризону, Калифорнию, военный суд в Сан-Франциско, тюрьму, процессию, девственный лес, колесо — да за одно колесо я готов придушить его своими руками! — забыли об участии Билла Кеога, касика, забыли о плавании на рамах?..

— Ничего не забыл, патрон. Но я не жесток. Вы, я вижу, лютый тигр, вы, пожалуй, выпросите себе на память голову Вами и сделаете чашу из его черепа... Мне таких трофеев не нужно. Не пойду я смотреть, как будут расстреливать трех человек... беззащитных, патрон... привязанных к столбу...

— Ну и ступайте спать, — сказал я сердито. — А я пойду, чтобы хоть убедиться своими глазами, что мы избавились от этого врага.

Однако Пижон не утерпел. Он и впрямь пошел было спать, но в последнюю минуту вскочил и поплелся за мной.

Все трое приговоренных встретили смерть со стоическим хладнокровием. Когда все было кончено и отвязанные от столбов трупы лежали на земле, мы с Пижоном подошли взглянуть на них.

Странно — нам показалось, что расстрелянный японец не так похож на Вами, как было бы желательно. Я попросил у солдата фонарь, нагнулся над трупом, осветил лицо. Не тот... положительно не тот: и глаза не такие плутовские, и черты лица не те...

— Что вы скажете? — спросил я у Пижона.

— А вы, патрон?

— Мне кажется... мне сдается...

— Что это не Вами?

— Ну да... Это другой, его слуга или товарищ. Они поменялись платьем.

— Но в таком случае Вами сидит под арестом... Надо сообщить генералу.

Мы отправились к генералу Ламидэ и нашли его в тревоге. Ему только что сообщили, что часовой, стерегший пленника-японца, найден убитым, а сам пленник исчез.

— Как убит часовой? — спросил я.

— У него перегрызено горло. По-видимому, это японский способ... Должно быть, пленник позвал часового и тот отворил дверь комнаты; японец набросился на него, загрыз, переоделся в его платье — и был таков.

— Печальная история, — сказал я, — тем более печальная, что ушел не слуга, а сам Вами,

японский аэрадмирал, опаснейший из наших противников... Я видел труп расстрелянного японца — это не Вами. Очевидно, они поменялись платьем. Но как же за ними не следили? Где они сидели? В тюрьме?

— Нет, в какой-то пристройке подле казармы. Их заперли в комнате, а у дверей поставили часового. Никому и в голову не пришло опасаться какой-нибудь каверзы. Зубастый малый, однако!..

Глава XX ЖЕЛТЫЙ МУРАВЕЙНИК

*В Оренбурге. «Уральское Эхо». Беглецы.
Массовое убийство. Рекогносцировка.
Гибель «Донона». Человеческое море.
Мрачные предчувствия. Поход.
Столкновение с китайцами. Трехдневный
бой. Беспомощное положение.
Отступление. Смерть Дюбуа.*

В два часа пополудни, третьего февраля, поезд, на котором мы ехали в обществе генерала Ламидэ и его штаба, остановился у оренбургского вокзала. Генерал Ламидэ представил меня и Пижона главнокомандующему французской армией, генералу Ламуру, который передал нам телеграмму от господина Дюбуа. Патрону пришла в голову блестящая мысль: издавать специально для армии листок «Эхо Урала», для чего он даже прислал нам из Петербурга вагон со шрифтом и другими материалами для оборудования типографии. Листок должен был выходить три раза в неделю и раздаваться солдатам даром.

— Недешево это ему обойдется, — заметил я. — Зато какая услуга для армии!

— И какая реклама для «2000 года»! — добавил Пижон. — Наш владыка не только щедр и великодушен, но и сметлив...

Мы немедленно занялись этим делом и спустя несколько дней имели удовольствие выпустить первый номер, встреченный общим одобрением. Редакционные обязанности взял на себя Пижон, я же занялся, главным образом, собиранием новостей.

Французская армия в двести тысяч человек состояла из восьми корпусов, расположенных по линии Оренбург–Уральск. К северу от Оренбурга нашими соседями были турки.

Китайцы подвигались медленно. Седьмого февраля их разведчики были замечены около Томска, Каркаралинска и в Голодной степи. Столкновения с передовой линией европейской коалиции можно было ожидать уже в самом начале марта.

Господин Дюбуа прибыл десятого февраля и остался очень доволен нашей энергией: к его приезду вышел уже второй номер «Эха».

Оставшиеся части войск постепенно присоединились к армии; поезда ежедневно приносили тысячи солдат; одиннадцатого февраля явилась воздушная эскадра из шестнадцати аэрокаров.

Наконец, показались и первые признаки китайского нашествия. Однажды утром, семнадцатого февраля, несколько казаков-разведчиков

примчались из степи с криком: «Китайцы идут!»

Но это были еще не китайцы. Толпы кочевников, не пожелавших подчиниться китайцам, бежали перед наступавшими полчищами, рассчитывая найти убежище в России. Беднягам, однако, приходилось горько разочаровываться. На запрос главнокомандующего, принимать ли этих беглецов, из Петербурга был получен ответ: ни под каким видом не пускать их за Урал, хотя бы пришлось отражать оружием; отвечать им, что в России нет свободных земель.

Разоренные, ограбленные китайцами, лишившиеся своего главного богатства — скота и лошадей — беглецы видели себя в безвыходном положении. Иные плелись обратно, другие, после бурных просьб, требований, приставаний, как-то странно успокаивались и кончали самоубийством: резали своих детей, потом себя... Особенно памятна мне одна сцена, дикая, безумная и жестокая, возможная, я думаю, только среди азиатских народов. Однажды целое племя, в две тысячи мужчин, женщин и детей, явилось с намерением перейти Урал. Но местный казачий атаман заявил им (генерал Ламур, утомленный печальными сценами, отказался от всякого вмешательства в это дело и предоставил ведаться с беглецами русским), что не пустит их за реку. Целый день продолжались переговоры; наконец, к вечеру кочевники покорились судьбе. Они шли на свою стоянку, в полумиле от берега. Я не поверил, когда на мой

вопрос, что же они намерены делать, атаман ответил, что, по предложению старика-вождя, они решили предпочесть смерть всем этим бедствиям. Однако это была правда. Целую ночь из лагеря беглецов доносились стоны, вопли, дикие завывания, ружейные выстрелы. К рассвету эти зловеющие звуки стали затихать, потом совсем смолкли. Офицеры, а с ними и я, отправились посмотреть, что там делается. В лужах крови, окрасивших снежную поляну в алый цвет, трупы детей, женщин, мужчин, дряхлых стариков и малых младенцев лежали грудami. Из двух тысяч трехсот человек не осталось в живых ни души — никого, кроме старика вождя. Он медленно обходил это поле смерти, как будто желая проверить, все ли его соплеменники исполнили принятое решение. Потом поднялся на груду трупов, обвел кругом глазами, увидел нас... Глаза его загорелись, седая борода затряслась, он грозил нам кулаком и что-то кричал на непонятном для нас языке, указывая на горы трупов... Казалось, он возлагал на нас ответственность за кровь своего народа. Потом взмахнул ножом — и повалился навзничь с перерезанным горлом.

Так смерть и опустошение предшествовали китайским полчищам задолго до их появления — и чувствовалось, что надвигается что-то действительно грозное, не сулящее добра цивилизованной Европе.

Наконец — это было уже двадцать восьмого февраля — грянул гром. «Китайцы идут!» — на

этот раз слухи не были преждевременными. Китайский авангард находился в пяти днях пути, то есть в полутораста километрах от Оренбурга. По сведениям из других армий они двигались с замечательной регулярностью по линии почти в две тысячи километров длиной. В один и тот же день их заметили в Самаре, в Тобольске, в Омске, по всему течению Иртыша. Это была северная лавина; другая, южная, надвигалась на нас через Тургайскую степь.

Генерал решил отправить на рекогносцировку несколько аэрокаров. Мне разрешено было поместиться в гондоле «Монблана». Эти аэрокары были снабжены аппаратами для «видения на расстоянии». После долгих попыток эта проблема, давно занимавшая техников, была наконец решена практически. Изображение ландшафта, проектируемое при помощи стеклянной чечевицы на селеновый диск, вставленный в гальваническую цепь, сопровождается быстро сменяющимися токами различной силы, соответственно яркости лучей, дающих изображение. Превращаясь в волны Герца, тоже соответственной амплитуды, они вызывают в батарее приемной станции такой же точно силы токи, действующие, при посредстве струнного гальванометра, на экран, заслоняющий от глаза наблюдателя какой-либо источник света, например электрическую лампу. Благодаря этому приспособлению в глаз наблюдателя проектируются последовательно от лампы такие же точно лучи света, какие падают от самого ландшафта

на селеновый диск. Но так как смена токов происходит быстрее, чем глаз может зафиксировать впечатление от нее (несколько тысяч в секунду), то он разом, сливая их в одно впечатление, воспринимает лучи от всех точек ландшафта — то есть видит этот ландшафт, как если бы смотрел на него непосредственно.

Таким образом наш генерал, оставаясь на главной квартире, мог видеть местность, которую мы обозревали с аэрокара.

Эту премудрость объяснил мне Пижон, хорошо знакомый со всеми этими вещами, — прибавив, что идея аппарата дана французом Секленом еще лет тридцать или больше тому назад. Но много времени прошло, пока ее удалось осуществить практически и связать с беспроводным телеграфом.

Я плохо уразумел его объяснение: может быть, читатель поймет лучше?

Итак, мы полетели навстречу надвигающемуся Китаю.

Да, он действительно надвигался. Пришлось убедиться, что это не сон, не бред, что этот кошмар реален...

Сначала мы заметили на горизонте сплошную черную линию. Мы понеслись к ней навстречу, поднявшись из предосторожности на шестьсот, потом на тысячу, на две тысячи метров в высоту.

Вскоре перед нами предстало поразительное зрелище. Так далеко, как только мог охватить глаз в зрительную трубку, сплошные плотные

массы одевали зловещим черным плащом безотрадную белую равнину. Куда ни взгляни, всюду это широкое, черное, расплывающееся, сливаясь с далеким горизонтом, пятно, — пятно живое, копошащееся, медленно и невозмутимо подвигавшееся нам навстречу.

Мы были еще далеко от него — километров за сорок — на высоте двух тысяч метров. На таком расстоянии нельзя было рассмотреть отдельные фигуры, нельзя было различить отдельных звуков. Но гул этого человеческого моря уже достигал до нашего слуха: глухое неумолчное жужжание, непрерывный ропот, смутный и угрожающий... Тихо и упорно катилось это живое море, развертывая свои грозные валы, — и невольно сомнение закрадывалось в душу, чувство ужаса, тревоги, смущения сгоняло краску с лица. Я оглянулся на своих спутников и увидел бледные, хмурые лица.

Что поделают против этой лавины наши усовершенствованные орудия, митральезы, пулеметы? За первым валом последует второй, за вторым третий, сотни и сотни тысяч будут вырастать на месте убитых. Да если даже у нас хватит военных запасов, если даже быстрота истребления будет равна скорости наступления этих полчищ, то одно изнеможение от непрерывного боя заставит нашу двухсоттысячную армию бессильно опустить руки. Эта «белая стена», на которую я возлагал такие надежды, казалась мне теперь игрушечной плотиной, легкомысленной, ребяческой

затеей... А я так гордился, что придуманное мною название вошло в общее употребление!

Там и сям в степи взвивались языки пламени, поднимались черные клубы дыма. Это передовая линия разведчиков, набранных большей частью среди кочевых племен, жгла редкие деревни и местечки, разбросанные в этой малолюдной степи. К северо-востоку от нас виднелся точно громадный костер: пылал город Иргиз. Когда «Монблан» приблизился к полчищам, нам пришлось сделаться свидетелями отвратительных сцен. Население, не успевшее убежать, истреблялось беспощадно. Дикие всадники набрасывались на него с копьями и саблями, убивали мужчин, вспарывали животы женщинам и детям, отрубали головы в качестве трофеев, разбрасывали окровавленные, дымящиеся члены по снегу, в добычу степным хищникам. Стаи коршунов и ворон вились над ордою, осмелевшие волки рыскали среди бела дня, не пугаясь и не трогая живых людей, но кидаясь на трупы, точно собаки на подачку.

Промежуток в несколько километров отделял эту передовую орду от плотных масс регулярных войск. Солдаты шли пешком; офицеры были верхом; множество орудий везли на лошадях, верблюдах, волах; бесконечные обозы с провиантом и боевыми запасами тянулись между колоннами войск.

Что случилось с нашим другим аэрокаром «Донном», находившимся за несколько километров

от нас? Мы никогда не могли узнать причины его гибели. Но когда дикий вой и рев, взрыв торжествующих криков заставил нас оглянуться, мы с ужасом увидели «Донон» низко над землей: он опускался, падал!..

«Монблан» понесся к нему на помощь. На помощь... но какую помощь могли мы ему оказать? Когда мы подлетели к месту катастрофы, аэрокар был на земле. Большинство его экипажа достигло земли уже мертвыми: они приняли яд, чтобы не достаться живыми в руки неприятеля. Известно было, что китайцы замучивают пленных самыми свирепыми пытками. Ввиду этого всем солдатам и офицерам были розданы флакончики с ядом и рекомендовалось покончить с собой так или иначе, выстрелом или ядом, в критическую минуту.

Мы видели, как трупы наших товарищей были выброшены из гондолы, как китайские солдаты с остервенением кололи и рубили их на куски, точно мстя за то, что они избежали пыток.

Но не у всех хватило духа покончить с собой в решительную минуту. Несколько человек солдат и офицеров остались в живых: они сбились в кучку и отчаянно отбивались от наседавшей толпы.

— Что делать? Что делать? — бормотал командир «Монблана», стоявший рядом со мной. — Стрелять? Нет?..

— Разумеется, стрелять, — подхватил я недовольно.

— Но мы перебьем и наших товарищей...

— Зато избавим их от пытки... Смотрите, их берут, вяжут, осыпают ударами...

Действительно, несколько человек были схвачены живыми.

— Стреляй! — крикнул командир. Гранаты, разрывные пули посыпались на китайцев. Ответом был вой, рев, бешеные вопли. Неожиданное нападение вызвало панику, толпа хлынула в разные стороны, выпустив пленных. На минуту они освободились... Но дальше? Мы не могли спуститься. Пули уже свистали вокруг гондолы «Монблана». Мы видели пулеметы и митральезы, направляемые в нас. Не только нельзя было думать о спуске, но механик «Монблана», не дожидаясь команды, поднял аэрокар на более безопасную высоту. В ту же минуту отряд кавалеристов налетел на пленных, схватил их на лошадей и помчался к главной армии. Мы пустили им вдогонку два или три залпа, гранаты валили их дюжинами, но остальные мчались дальше, и вскоре двое или трое наших товарищей, еще оставшиеся живыми, исчезли в море китайцев, отвечавших на наши залпы...

В тяжелом настроении возвращались мы в Оренбург, истратив все заряды, но счастливо избежав китайских пуль и бомб.

На другой день, первого марта, поднялась страшная суматоха. Вся «белая стена» двинулась навстречу китайцам. Наша двухсоттысячная армия тоже перешла Урал, направляясь к востоку, с целью атаковать неприятеля. Главная квартира

была перенесена в Илецкую крепость, куда я и господин Дюбуа отправились четвертого марта. Пижон остался в Оренбурге, занятый изданием «Эха».

Наконец, седьмого марта желтая лавина столкнулась с белой стеной. Русские армии генералов Грипинского и Федорова, выдвинувшиеся вперед, по линии Тобольск–Самара, вступили в бой с пятисоттысячной китайской армией. Первые известия были утешительны. Телеграмма, полученная восьмого марта, сообщала, что «русские войска со вчерашнего утра осыпают китайцев бомбами. Наши потери довольно значительны, потому что китайцы также имеют орудия, а их пехота, не обращая внимания на потери, стреляет на близком расстоянии. Тем не менее после суточного боя, неприятель не только остановился, но и подался назад. Потери его колоссальны».

Увы! Недолго мы радовались! Уже на следующий день пришло известие об отступлении русских. Почему? По самой простой причине. Подавшаяся назад китайская армия снова навалилась, подкреплённая новыми полчищами, а с флангов обходили русских такие же грозные, несокрушимые массы неприятеля.

«Наш огонь косил их целыми рядами, но они немедленно заменялись новыми. Как ни громадны были потери неприятеля, но силы его, по видимому, не уменьшались».

В довершение всего, аэрокары принесли известие, что колонны китайцев обходят армию с юга

и севера с очевидной целью зайти ей в тыл. Ввиду этого десятого утром русские отступили, чтобы сомкнуться с армиями английской и немецкой по линии Пелымск– Ирбит.

В тот же день мы узнали, что пришел и наш черед вступить в бой с китайцами. На рассвете одиннадцатого мы слышали грохот наших орудий на передовых позициях. Представление началось. Все испытывали подъем духа, почти радость. Мрачные предчувствия, сомнения, тревога исчезли. Двухмиллионная европейская армия, вооруженная всеми средствами военной техники, — и азиатская саранча, желтый муравейник... можно ли сомневаться в исходе столкновения! Мне было совестно своего малодушия.

Мы с патроном присоединились к свите Ламура.

Перед началом сражения офицеры обратились к солдатам с коротенькими речами. Они напоминали им, что приняты все меры, чтобы раненые не оставались покинутыми на поле сражения, но напоминали, что отдельные случаи всегда возможны, и увещевали не отдаваться неприятелю живыми.

«Лучше стреляйтесь или отравляйтесь. Лучше умереть от пули или от яда, чем от лютых истязаний. Помните, что китайцы не дают пощады пленным! Убивайте себя, если не будет другого выхода, — если не хотите чтобы вас разнимали по суставам, чтобы вам вырывали глаза, обреза́ли носы, выдергивали зубы, впускали крысу во

внутренности, предоставляя ей рвать и грызть их, пока вы не умрете в страшных муках...»

К десяти часам бой кипел по всему фронту.

Мы отправились на передовую посмотреть на дело вблизи.

На расстоянии нескольких километров наши орудия буквально очищали поле. Каждая бомба убивала по несколько дюжин китайцев. Их орудия отвечали, но причиняли нам лишь слабые потери; очевидно, китайская артиллерия еще не сравнялась с европейской. Однако и у нас были убитые и раненые.

Аэрокары, принимавшие участие в битве, весь день телеграфировали сообщения такого рода:

«Перед нами истинное море людей и животных. Ему не видно конца. Наша артиллерия скашивает целые полки; никто не убирает ни мертвых, ни даже раненых. Сзади прибывают все новые и новые массы, обходят груды трупов, перелезают через них и идут под бомбы. Мы заметили вдали несколько аэрокаров, но они скрылись при нашем приближении».

К вечеру, однако, китайцы как будто не выдержали. Мы продвинулись вперед метров на пятьсот, они подались назад.

Ночью бой прекратился. Со всей линии европейских армий, от севера до юга, были получены схожие известия. Везде артиллерия делала чудеса, везде потери неприятеля были колоссальны, хотя и замещались новыми полчищами, и на всем своем протяжении «белая стена» подалась вперед.

На рассвете пальба возобновилась. Снова целый день бомбы, гранаты, шрапнель непрерывным дождем сыпались на китайские полчища, снова они подались назад, а мы продвинулись вперед. Тот же результат был достигнут по всей линии боя. К северу от нас турки пустили в ход пехоту, которая стреляла в китайцев на расстоянии двух километров.

— Это значит, — заметил господин Дюбуа, — что у них не хватило артиллерийских снарядов. Не понимаю, как могло это случиться! Впрочем, турки всегда турки... Хоть они и усвоили европейский строй, но к порядку, наверное, еще не успели привыкнуть.

На третий день бой продолжался, но стали распространяться тревожные, странные слухи. Говорили, что шведский корпус, часть английских войск и часть австрийских были вынуждены прибегнуть к пехоте, потому что артиллерийские снаряды истощились, а новых не получилось: поезда с военными запасами не пришли вовремя. Мы ожидали подвоза снарядов из Оренбурга утром, но его не было; а между тем запасы были уже на исходе. К вечеру пришло известие — убийственное, смертоносное! Не только поезда с боевыми запасами не прибыли, но и ждать их было нечего. Из внутренней России сообщали, что вследствие непрерывного движения поездов в одну и ту же сторону, на узловых станциях образовались «пробки», что произошла какая-то путаница в распределении поездов, что в силу какой-то

странной ошибки (если это была ошибка) на восток были пропущены поезда с товарами богатых фирм, имевших связи во влиятельных кругах, а поезда с боевыми припасами задержаны или отправлены не по назначению; сообщали, что приняты самые энергичные меры для устранения этих «недоразумений», что меры эти, без сомнения, окажут свое действие и «через несколько дней» припасы будут на месте.

«Через несколько дней»!.. Когда через несколько часов мы останемся без снарядов, потеряв наше единственное преимущество над китайскими полчищами!

Из шестидесяти поездов, прибытие которых ожидалось в течение двух последних дней, не пришло и десятка по всей линии боя. А между тем снаряды истощились везде. Всего хуже приходилось туркам; уже со вчерашнего дня они действовали почти исключительно ружейным огнем; дошло и до холодного оружия; их кавалерия не раз бросалась в атаку на китайский авангард, пехота ходила в штыки — солдаты дрались с бешеным мужеством, напоминая времена янычаров; но ясно было, что долго им не устоять.

Впрочем, и наше положение к вечеру стало не лучше. С утра отдан был приказ по возможности щадить артиллерийские снаряды, ружейный огонь присоединился к орудийному, наши драгуны несколько раз опрокидывали отряды неприятеля, подходившие чересчур близко к нашему фронту. Но к вечеру орудия стихли одно за

другим; мало того — ружейные патроны оказались на исходе...

Был отдан приказ об отступлении. Оно началось под прикрытием ночной темноты. Бой затих, наш корпус медленно двигался обратно, к Оренбургу.

Мы с господином Дюбуа ехали рядом приблизительно в центре отступавших войск, обмениваясь мыслями по поводу этого печального оборота дел.

Вдруг позади нас, в арьергарде, раздались выстрелы, сначала одиночные, потом залпы; тысячи полторы-две ружей стреляли без перерыва.

Мы тщетно старались выяснить, в чем дело, и поспешили к группе офицеров, среди которой находился генерал Ламур.

Внезапно «Монблан» спустился откуда-то с облаков; когда он был в десяти метрах от земли, из гондолы выскочил офицер, снабженный немецким парашютом, которыми наши аэрокары обзавелись после Лондонского сражения.

— Что такое, Мальструа? — спросил генерал.

— Наши соседи, турки, обойдены сорокатысячным отрядом неприятеля, который атакует их с тыла... Когда мы возвращались из рекогносцировки, то заметили еще отряд китайцев, не менее пятидесяти тысяч, который направлялся на наш фланг. Это он атакует нас теперь...

— Хорошо... Передайте адмиралу Бонвену, чтобы он собрал аэрокары и летчиков и поставился поддержать нас.

Офицер поднялся в гондолу по лесенке, и аэрокар исчез в темноте.

Пальба в нашем авангарде усиливалась. Очевидно, весь корпус вступил в бой.

Странная мысль мелькнула у меня в голове: «Как же это я вижу и слышу перестрелку, когда у нас бездымные и беззвучные ружья? Во сне я, что ли...» Но господин Дюбуа вернул меня к действительности.

— Если их пятьдесят тысяч, то это составит двое против одного. Все бы ничего, но вот что страшно: хватит ли патронов?

Он точно напророчил. Огонь с нашей стороны стал стихать, тогда как с китайской усиливался. Вскоре страшный шепот пробежал по рядам.

— Патронов больше нет!

Нам оставалось только защищаться холодным оружием. Но чем должна была кончиться подобная защита?

Безумно было надеяться не только на победу, но и на возможность отступления при таких условиях. А линия боя все расширялась, новые и новые толпы выходили из мрака и бросались на наш корпус.

— Пропали мы!.. — вырвалось у господина Дюбуа.

— Я давно это думаю, да не решался сказать, — отозвался я. — И похоже, не выбраться нам живыми...

Вдруг засверкали огни, сопровождаемые треском и грохотом разрывающихся снарядов.

В рядах китайцев раздались крики ужаса. Это адмирал Бонвен с отрядом аэрокаров и авиаторов налетел на неприятеля с фланга, осыпая его разрывными снарядами. Неожиданное нападение, ночью, в темноте вызвало панику среди атакующих, началось смятение, китайцы отхлынули, отступили в полном беспорядке. Наши летуны преследовали их добрых полчаса, с мужеством, которое могло им дорого стоить.

— Молодцы! — сказал господин Дюбуа.

Вмешательство Бонвена избавило нас от смертельной опасности. Отступление продолжалось теперь беспрепятственно всю ночь. К семи часам утра мы были в двадцати верстах от Оренбурга.

Артиллерия — грозная с виду, но, увы, бессилая, как игрушечные детские пушки, — двигалась впереди; за нею тащилась колонна пехоты; кавалерия прикрывала отступление.

— Вот и наше отступление из России! — со вздохом заметил патрон.

Опасность далеко еще не миновала. Враги наседали. Китайская кавалерия гналась за нами по пятам, и пули ее ружей давали себя знать нашим задним рядам. Убитых не подбирали, но вскоре мы узнали, что и раненых оставляют.

— Что ж вы хотите? — отвечал генерал Ламур на вопрос господина Дюбуа. Я не могу рисковать спасением корпуса ради отдельных лиц. Нам нужно идти скорее. Это единственный шанс на спасение... И то я не уверен, что китайская легкая кавалерия не обгонит нас и не загородит нам путь...

— Вы угадали, генерал! — воскликнул я. — Взгляните... там... между Уралом и нами... что это за черные точки на снегу?

Генерал взглянул в бинокль по указанному направлению.

— Так и есть, — проворчал он. — В голову и в хвост... Извольте действовать штыками против ружей!..

Раздались сигналы, крики команды, звуки рожков; колонны на ходу построились в боевой порядок, готовясь к атаке. Черные точки на снегу слились в пятно; оно росло, и вскоре можно было различить отдельные фигуры. Перед нами была туча всадников, по крайней мере тысяч десять. Они прицелились; последовал залп, другой, третий... Наши отвечали отдельными, разрозненными выстрелами, выпуская последние, еще уцелевшие кое у кого заряды. Люди падали, санитары выбивались из сил, подбирая раненых на сани.

Но китайцы не желали ограничиться перестрелкой. Разрядив в нас магазинки, они со своей стороны ринулись в атаку.

С того пункта, где мы стояли, — почти в центре — слышался точно рев бешеного приboя. Боевые крики, стоны, вой боли сливались в оглушительный гул. Рукопашный бой! Вот бы не поверил, что в наше время дальнобойных орудий, скорострельных ружей, взрывчатых веществ, мне придется быть свидетелем такой картины, что я не во сне, а наяву увижу, как тридцать тысяч человек столкнуться лицом к лицу, работая саблями,

штыками, пиками с дикой яростью древних воинов...

Нам казалось, что мы вернулись ко временам персов и мидян, римлян и карфагенян, готов и сарацинов.

Наши войска медленно, но упорно подвигались вперед; китайцы дрались с остервенением.

К четырем часам их отряд был разрезан надвое; расстроенные толпы нападавших отступили...

Мы уже торжествовали победу... но, увы, слишком рано!

Справа, слева, с тыла по всем направлениям, вырастали новые толпы всадников. Они нагоняли нас, окружали, осыпая пулями. С ними были верблюды, навьюченные картечными и пулеметами...

Все спасение — в быстроте! Нельзя терять ни минуты. Генерал отдает приказание идти скорым шагом, не задерживаясь из-за раненых.

Я видел, как раненый сержант попытался достать скляночку с ядом и не мог. Он схватил за руку солдата и что-то сказал ему. Тот колебался с минуту, раненый настаивал; солдат взмахнул ружьем и проткнул ему горло штыком.

Господин Дюбуа тоже видел эту сцену. Он обратился ко мне:

— Обещайте мне, что вы окажете мне такую же услугу, если я не в состоянии буду выпить это.

Он показал мне флакончик, который держал в руке.

— Обещаю.

— Поклянитесь!

— Клянусь! Вы даете мне ту же клятву, патрон! — Я не успел еще ничего прибавить. Град картечи осыпал нас. Господин Дюбуа взмахнул руками и тяжело свалился на землю; лошадь его взвилась на дыбы, метнулась в сторону и тоже грохнулась, убитая картечью.

— Не останавливайтесь! — кричали мне солдаты.

Не останавливаться! Бросить этого превосходного человека, такого внимательного, щедрого, выручавшего меня из беды! Я соскочил с лошади, нагнулся к нему.

Увы! Его положение было безнадежно. Три раны на лице, две на груди. Он еще дышал, в глазах светилось отчаяние, кровь ручьем струилась из ран...

У меня мелькнула мысль остаться с господином Дюбуа. Умрем оба — стоит ли жить среди этого кошмара? Но он угадал мое намерение.

— Спасайтесь, друг мой, — простонал он. — Прикончите меня и спасайтесь. Убейте же меня! Слышите?.. Я приказываю!

Тогда в припадке отчаяния, я, как безумный, выхватил револьвер и три раза выстрелил ему в лоб.

О, я и сейчас вижу перед собой глаза, угасающие с выражением благодарности и мучительной боли.

Несколько мгновений я стоял, ошеломленный тем, что сделал. Потом вскочил на коня, — и

вовремя. Последние ряды пехоты проходили мимо меня, прикрываемые нашими гусарами.

Вряд ли бы удалось нам уйти, если бы войска, оставшиеся в Оренбурге, и казачий отряд в восемьсот человек не явились нам на подмогу. Их внезапная атака заставила заседавших врагов податься назад. Наступившая ночь положила конец преследованию, и мы благополучно перешли на правый берег Урала.

Глава XXI ВИБРИОНЫ ВМЕСТО БОМБ

*Беззащитные. Бомбы доктора
Есипова. Холера против китайцев.
Ее действие. Помешательство доктора.
Его кончина. Прибытие военных
припасов. Усыпляющие гранаты.
Камера в нашей армии. Смерть мисс Нелли.
Смерть Тома Дэвиса.*

Если бы наше отступление случилось двумя-тремя днями позднее, мы очутились бы в западне. Дело в том, что весна в этом году была ранняя и дружная. В последние дни дул теплый южный ветер и снег быстро таял. Река набухла, лед посинел, и запоздай мы суток на двое, переход оказался бы невозможным.

Теперь же это обстоятельство оказало услугу. Генерал Ламур немедленно отрядил три тысячи человек на реку рубить лед, чтобы затруднить переправу китайцев. Работа облегчалась наступавшим вскрытием и, в свою очередь, должна была ускорить его.

Действительно на другой день лед взломало во многих местах. Река стала непроходимой. Впрочем, китайцы, по-видимому, не особенно торопились. Свою уверенность в победе они основывали на числе, на количестве солдат, которое, казалось, не убывало, а росло, несмотря на страшные потери, как будто из каждого убитого рождалось двое живых...

Они устраивались на противоположном берегу, ставили батареи и в тот же день начали бомбардировку Оренбурга.

У нас рыли траншеи, насыпали валы, принимали меры к защите от неприятельских снарядов.

Население устремилось вон из города. Кто побогаче, уехали еще раньше, при первом известии об отступлении войск; бедняки перекочевали за город, на безопасное от выстрелов расстояние; тут сколачивались бараки, разбивались палатки — устраивались, как умели...

Отступление совершилось по всей линии белых войск. Везде боевые припасы либо истощились, либо были на исходе. С наименьшими потерями отошли англичане и немцы; всех больше досталось туркам. Они дрались холодным оружием с дикой энергией, много раз опрокидывали наступавшего неприятеля, но и сами потерпели громадные потери. По последним известиям в их армии обнаружилась деморализация и странное брожение: находились фанатики, объяснявшие неудачи карой Аллаха за союз с «гяурами» против азиатов.

День прошел кое-как; на следующий бомбардировка усилилась. Положение становилось все более и более критическим. А о боевых припасах все еще не было ни слуха ни духа.

Пижон был страшно огорчен трагической кончиной Дюбуа. Бедный малый в первый раз за всю эту злосчастную войну утратил свою шутливость, не изменявшую ему в самые критические минуты. Мы телеграфировали в Париж о смерти патрона. Владелицей «2000 года» становилась теперь его вдова. Она просила нас продолжать наши функции с той же преданностью делу, которую мы проявляли до сих пор.

Утром шестнадцатого марта к нам зашел доктор Есипов, старый чудака, бывший революционер, сосланный когда-то в Оренбург и оставшийся в этом городе по истечении срока ссылки. Он жил тут уже лет тридцать, занимаясь в своей частной лаборатории бактериологическими исследованиями, прославившими его имя далеко за пределами России.

Он заявил, что намерен предложить нашему главнокомандующему средство уничтожить китайскую армию и просит нас представить его генералу и присутствовать при объяснении с ним. Мы удивились этому странному сообщению и заметили, что с его стороны рациональнее было бы обратиться к генералу официальным порядком. Но чудака придавал какое-то особенное значение именно тому, что мы были представители прессы, люди «свободные и независимые», как

он довольно наивно выразился. Вообще нам показалось, что у старика не совсем ладно в голове, но так как нам известно было, что он считается крупной величиной в ученом мире, то мы не сочли себя вправе отклонить его просьбу.

Генерал принял нас немедленно, и профессор изложил свой план в следующих выражениях:

— Ваша храбрая армия, лишенная боевых припасов, так же бессильна против китайцев, как горсть оловянных солдатиков. Через два дня китайцы будут по эту сторону Урала — и вы пропали!.. Припасы к тому времени еще не придут, да если бы и прибыли... Вы рассчитываете на победу, я другого мнения. Я думал об этом: количество одолеет вас, вам нет спасения, «белая стена» будет размыта желтым потоком... А это значит — гибель моей родины, гибель Европы, гибель культуры белых. Я не хочу этого. Наука дает мне средство избавить вас от гибели, и я пушу его в ход...

— Какое же средство, доктор?

— Вот оно! — при этих словах он достал из кармана стеклянную пробирку и показал нам. — У вас нет бомб, чтобы убивать китайцев, а в моей лаборатории они имеются... Имеются в достаточном количестве, чтобы истребить сотни тысяч, миллионы желтых. Вы знаете, что такое холера?

— Ну разумеется, доктор. Так это холерный вибрион?

— Да, но одаренный особыми свойствами.. Многолетними трудами удалось мне вывести

новую разновидность холерного микроба. Вот его свойства: он вызывает исключительно молниеносную и безусловно смертельную холеру — смертность сто процентов, никто не выздоравливает; он размножается с феноменальной быстротой и размножение это происходит в простой воде...

— Сильное средство! Разве вы предвидели, доктор, возможность такого применения.

— Нет! — с отвращением перебил старик. — Мне ли, врачу, думать об истреблении себе подобных?.. Я выводил эту убийственную разновидность с целью получить более сильную, более действительную прививку против обыкновенной холеры... Но что же мне делать с людьми, раз одна их половина решила вырезать другую? Я не могу допустить гибели своих, уничтожения европейской культуры, которой я обязан всем, от которой жду избавления и возрождения для своей горемычной родины ..

— Вполне резонно, доктор .. Но как же применить ваше средство?

— Нет ничего проще. За свое долгое пребывание здесь я изучил топографию местности. Грунтовые воды равнины по ту сторону Урала, где расположились китайцы, берут свое начало из источников, находящихся в тридцати верстах к северу от Оренбурга на левом берегу Урала. Снарядите туда экспедицию. Я заражу эти источники и через сутки — нет, через десять-двенадцать часов — все ключи, ручьи, колодцы, пруды, речки на равнине будут кишеть холерными вибрионами...

— А здесь, у нас? Не окажется ли ваше средство, доктор, палкой о двух концах?

— Здешние воды берут начало из других источников. На всякий случай прикажите вашим солдатам пить только кипяченую воду, и вы гарантированы от заражения. Что же? Вы отказываетесь? Вы находите это средство...

— Великолепным, доктор! Мне ли, военному, стесняться истреблением себе подобных? Подождите минутку, я протелефонирую генералиссимусу: я должен все-таки получить его согласие, в котором, впрочем, не сомневаюсь.

Действительно, на запрос Ламура генерал Приальмон ответил:

— Разумеется, пустите в ход вибрион не теряя времени! Да попросите доктора прислать нам несколько трубочек, мы постараемся использовать их.

Экспедиция была снаряжена немедленно и исполнила свою задачу вполне благополучно: пункт, указанный доктором, находился, к счастью, вне сферы расположения китайских войск. Вечером она вернулась в Оренбург, а утром китайские батареи уже не стреляли: прислуга их была застигнута грозной эпидемией...

Контр-адмирал Бонвен отправился на «Монблане» на рекогносцировку и мы с Пижоном сопровождали его.

Странная картина открылась перед нами по ту сторону реки. Всюду, куда хватало глаз, простирались вооруженные полчища. Палатки, животные,

люди — необъятный желтый муравейник копошился под нами. Сразу чувствовалось глубокое смятение, царившее на этой равнине, где гнили пятьсот тысяч человек... В буквальном смысле гнили, так как мы видели целые толпы китайцев, лежавших на земле, точно скошенных картечью; вибрионы начали свою работу.

В течение двух часов мы облетели весь лагерь и убедились, что холера утвердилась в нем. Глубочайшая апатия царила среди китайцев. Повидимому, никаких мер против эпидемии не принималось.

На второй день генерал Ламур отправился с нами посмотреть на действие вибрионов. Доктор Есипов тоже поместился в гондоле аэрокара.

Трупы тысячами устилали землю. Они лежали рядами, грудями, вперемешку с больными, корчившимися в судорогах. Меня поразило выражение лица доктора. Он пристально всматривался в лагерь, где его микробы делали свое дело. Повидимому, успех опыта вовсе не радовал старика. Лицо его исказилось, точно от какой-то внутренней боли, губы кривились, глаза приняли странное, безумное выражение.

Генерал поздравил его с блестящим успехом. Доктор Есипов угрюмо ответил, что не сомневался в нем, и продолжал с тоской всматриваться в лагерь.

Губы его зашевелились и он произнес, по-французски, словно продолжая беседовать с офицерами:

— Это слишком — решительно это слишком! — он указал рукой на груды трупов. — Это слишком, это слишком. Какая бойня! Да, это слишком!..

Я понял, что внутренний голос упрекает его за массовое убийство. Действительно, он продолжал, точно защищаясь:

— А что же я мог сделать? Допустить гибель белых, поражение которых повлечет за собой конец России, конец Европы, конец нашей расы? Нет, ведь нет! Нельзя было допустить гибель культуры, с помощью которой моя несчастная родина, после стольких лет борьбы, крови, бедствий, могла вступить, наконец, в ряды свободных наций... Да, но все-таки слишком много трупов!

Офицеры с недоумением слушали. Очевидно, его рассудок не вынес ужасного зрелища.

— Да, верно, верно, — продолжал он, — но это слишком. И потом, эти китайцы трусы, они боятся ухаживать за больными. Они оставляют их без помощи... Надо их научить, надо им показать, как делают в белых странах... Ах, глупцы! Подождите, я приду к вам, я научу вас. Это не может так продолжаться...

И прежде чем кто-нибудь успел сообразить, что он собирается делать, доктор вскочил и ринулся за борт...

Никто не успел остановить его. Мы видели, как тело безумца грохнулось на землю, как китайцы набросились на него с саблями и пиками

и в одно мгновение искрошили в мелкие клочья. Отрубленную голову воткнули на пик и понесли этот трофей по лагерю.

Мы вернулись в Оренбург под впечатлением этой тяжелой сцены. Здесь неожиданная и приятная встреча несколько развеяла нашу грусть: прибыл английский комиссар, мой товарищ по путешествию к Эриксону сэр Томас Дэвис.

На следующий день зловещий слух пронесся по армии: у нас обнаружилась холера. Вероятно, не все солдаты строго соблюдали предписание не пить сырой воды и, как видно, грунтовые воды этого берега не были так обособлены от вод левой стороны Урала, как думал покойный доктор. В один день у нас оказалось около двух тысяч больных. Правда, болезнь не была столь молниеносной и безусловно смертельной, как утверждал Есипов: вероятно, вибрион в естественных условиях вернулся к первоначальной форме. Тем не менее вряд ли самое жестокое поражение со стороны неприятеля могло бы вызвать такую деморализацию, такую панику, такое смятение, как эта предательская выходка нашего союзника, холерного вибриона. Был момент суматохи, беспорядочного метанья, безумного хаоса, когда казалось, что армия вот-вот разбежится без оглядки на все четыре стороны, что еще минута, и все исчезнет, как безобразный сон... К счастью, энергия офицеров, самоотверженность врачей и санитарного персонала восстановили порядок. Больные были размещены в отдельных бараках, приняты

строжайшие меры против распространения заразы, и смятение мало-помалу прекратилось.

В числе жертв эпидемии оказался и главнокомандующий, генерал Ламур. Его заменил генерал Ламидэ.

Между тем китайцы, по-видимому, не смущались эпидемией. Вероятно, они тоже догадались наконец принять меры против распространения заразы, так как в ближайший дни горы трупов не росли заметно. Зато на смену умерших прибыли новые полчища, которые деятельно занялись подготовкой к переправе. По-видимому, их несколько не стеснял ужасный запах брошенных без погребения разлагающихся трупов, который даже нам, на нашей стороне Урала, казался невыносимым. Частью по этой причине, частью, чтобы избавиться от убийственного огня китайских батарей, которые снова начали действовать, генерал Ламидэ решил вывезти наш корпус из города и отойти на запад, навстречу поездам с боевыми припасами, о прибытии которых мы получили, наконец, положительные известия.

Они не обманули нас. С юга прибыл поезд с военными припасами, посланными морем из Франции. Прибыл также санитарный поезд на личные средства господина Вандеркуйпа, по просьбе его дочери мисс Ады, которая сама явилась в нем вместе с сестрой Тома Дэвиса, мисс Нелли, — обе в качестве сестер милосердия — ухаживать за больными и ранеными.

Можно себе представить, какой восторженный прием был им оказан. Это была радостная минута, заставившая забыть все пережитые кошмары. Армия ожила; уныние, отчаяние, тревогу как рукой сняло; вместе с боевыми припасами явилась уверенность в своей непобедимости. Между ними были бомбы какого-то нового образца, от которых ожидалось чуда...

Наш корпус в боевом порядке вернулся в Оренбург. Да и пора было: первые эскадроны, проникшие в город, нашли его в огне.

Китайцы, переправившиеся на русский берег, были так поражены нашим возвращением и в особенности действием наших орудий, столь долго молчавших, а теперь заговоривших, что обратились в бегство, не пытаясь оказать сопротивления.

Но тут произошла странная вещь. По мере того, как наши артиллеристы стреляли, китайцы падали целыми толпами. Лишь только бомба взрывалась, все ближайшие к ней солдаты, все до единого человека, валились на землю бездыханными, толпой не менее сотни душ...

— А, — сказал Пижон, — вот они, знаменитые усыпляющие гранаты!

Это были гранаты нового образца. Разрываясь, они распространяли пары хлороформа. Одна граната могла захлороформировать сто человек, десятков — тысячу, а наши артиллеристы метали их сотнями на беспорядочно бежавший корпус китайцев. Вскоре перед нами было обширное

пространство усыпанное телами — тысяч двадцать, если не больше солдат, легли на нем, ни один не остался на ногах.

— Точно электрическим током поражены, — заметил Пижон.

— С той разницей, что электрический ток убивает, а хлороформ только усыпляет, — возразил стоявший рядом доктор. — Через несколько часов они очнутся. Чудное изобретение — и гуманное! Вот уж можно сказать, действует «*cito, certe et jucunde*» — быстро, верно и приятно...

Генерал Ламидэ, до сих пор с видимым удовольствием рассматривавший поле, вдруг ударил себя по лбу.

— Черт побери! — сказал он, — что же я, однако, буду делать с этими сонями? Ведь здесь больше двадцати тысяч... Долго они будут спать, доктор?

— Часов пять-шесть, генерал.

— Ну хорошо, мы успеем отобрать у них оружие, связать их... а дальше? Что с ними делать? Отправить внутрь страны? Поездов свободных нет. Приставить к ним конвой? Да у нас на плечах полмиллиона китайцев, все силы надо в ход пустить... Чем я их кормить буду, наконец? Куда я их дену? Черт бы побрал этого изобретателя, неужели он не мог вместо хлороформа употребить... ну, синильную кислоту, что ли?

— Требования человечности, генерал... — начал было доктор.

— Ах, подите вы! Требование человечности, милостивый государь, — прекратить войны, да!..

А уж если война сохраняется, так надо изобретать бомбы убивающие, а не усыпляющие. На войне, сударь, уместно поле битвы, а не дортуар, да! Ну куда я их дену, растолкуйте мне? Что же? Перевязать да так и оставить на голодную смерть?

— Почему бы нет, ваше превосходительство? — сказал казачий офицер, прислушивавшийся к разговору. Он кое-как объяснялся по-французски.

— Нет, это средство слишком уж казачье! Скорее перерезать всех.

— Хорошее дело! Мои казаки живо обладают... Желаете, ваше превосходительство — я распоряжусь...

— Нет, нет! Убивать сонных, резать пленных — нет, наша совесть с этим не мирится...

Генерал отдал приказание отобрать у пленных оружие и перевязать их, что и было исполнено. Он так и не придумал, что с ними делать, и отложил решение этого вопроса до более позднего времени.

Известия о доставке военных припасов были получены со всей линии. Меры, принятые для устранения железнодорожной неурядицы, наконец возымели свое действие. В течение двух-трех дней пятьдесят четыре поезда с боевыми запасами прибыли на боевую линию.

Холера в нашем корпусе еще не совсем прекратилась, хотя значительно ослабела, и применение есиповских прививок давало большой процент выздоровления.

Нашему маленькому кружку эта страшная болезнь нанесла тяжелый удар: мисс Нелли, сестра Тома Дэвиса, заболела вскоре по приезде. Прививки не помогли, и к вечеру она скончалась на руках брата, который не отходил от нее. Он был в отчаянии.

— Зачем жить? — говорил он, — к чему? Не лучше ли всем умереть?

Мисс Ада горько плакала, оглушенная этим неожиданным ударом.

Китайцев холера как будто начисто уничтожила. По крайней мере, они куда-то ушли, убедившись, что переправа не удастся. «Монблан», летавший на разведку, не видел ничего, кроме трупов, устилавших равнину. Стаи коршунов, ворон, волков дрались из-за добычи. Когда ветер дул с той стороны, он приносил отвратительный запах падали.

После погребения мисс Нелли, Том Дэвис уехал в Пермь, куда вызвал его генерал Смитсон, главнокомандующий английской армии. Прощание было грустное, но судьба готовила нам новый удар. В тот же вечер генерал Ламидэ сообщил мне прискорбную новость.

— Печальное известие, — сказал он. — Сейчас мне сообщили, что сэр Томас Дэвис заболел холерой. Он лежит на станции Нежино...

Бедная мисс Ада! Мы не решились сообщить ей эту новость. Я отправился на специальном поезде, захватив с собой доктора и все необходимое для прививок. Два часа спустя мы вышли на

платформу станции. Нас встретил офицер, командовавший здешним военным постом.

— Умер? — спросил доктор, едва взглянув на него.

— Умер, — ответил офицер.

— Давно ли?

— Всего четверть часа.

Минуту спустя, мы стояли перед телом. Умер! Такой способный, энергичный, мужественный — и такой молодой... Офицер рассказал нам о его последних минутах. Он умер, повторяя имя своей невесты.

Я протелефонировал о его смерти генералу Ламидэ и спросил его, что мы должны делать с останками. Покойный был не только наш друг и товарищ по приключениям. Он был уполномоченный английского правительства, важное должностное лицо.

Генерал попросил нас обождать полчаса, пока он снесется со Смитсоном, английским главнокомандующим.

Ответ английского генерала был категоричен. Следовало тело немедленно сжечь. Ни под каким видом нельзя было везти тело умершего от холеры по области, занятой войсками.

Мы сложили большой костер из дров, на котором сожгли останки нашего друга. На могиле, в которую я зарыл его пепел, был поставлен наскоро сколоченный крест, и я вырезал на нем своим перочинным ножом: «Сэр Томас Дэвис, 7 апреля 1937 года».

Мы собирались возвращаться, когда меня позвали к телефону. Говорил Пижон: мисс Ада, которой пришлось сообщить трагическую весть, хотела видеть хоть могилу своего жениха. Генерал Ламидэ, отправлявшийся в Нежино, предложил ей место в своем вагоне. Они должны были немедленно выехать.

Генерал ехал в Нежино по своим военным делам. По последним известиям, китайцы отступили по всей линии и точно в воду канули. Генералиссимус Приальмон не сомневался, что это отступление притворное; вероятно, они рассчитывали атаковать и прорвать «белую стену» в слабейших пунктах. Одним из самых слабых была турецкая армия; она понесла наибольшие потери и уменьшилась до восьмидесяти пяти тысяч человек. Приальмон рекомендовал главнокомандующим, смежным с турецкой армией, обратить особенно внимание на этот пункт. Это обстоятельство и вызвало генерала в Нежино, наш последний военный пост в направлении турецкой армии.

Мисс Аду сопровождали Пижон и две подруги, госпожи Лувэ и Резон, также прибывшие на театр войны в качестве сестер милосердия. Отчаяние ее не поддается описанию. За бурным припадком горя последовало кажущееся спокойствие, но оно не сулило ничего доброго. Действительно, когда побывав у могилы, мы вернулись в вагон, где решено было остаться на ночь, с тем, чтобы утром вернуться в Оренбург, несчастная

девушка покушалась на самоубийство; Пижон с трудом отнял у нее флакончик с ядом. Бедняга ухаживал за ней с бесконечной нежностью и деликатностью; сердце его разрывалось от жалости. Наконец, ему удалось уговорить ее. Госпожи Лувэ и Резон остались при ней, а мы ушли в свое отделение, измученные донельзя тревогами этого печального дня.

Глава XXII КИТАЙЦЫ В МОСКВЕ

*Измена турок. Опять Вами. Его смерть.
Живые кариатиды. Отрезаны китайцами.
Последняя схватка. В плену у китайцев.
Казнь крысой. Китайский лагерь.
Предложение Ванг-Чао. Поход в Москву.
На Красной площади.*

Было восемь часов утра. Посетив еще раз могилу, мы возвращались в вагон. Дождь, ливший всю ночь как из ведра, прекратился, но густой туман заволакивал окрестности непроглядной пеленой. В десяти шагах нельзя было ничего рассмотреть.

Вдруг в сыром воздухе тяжело прокатился гулкий звук пушечного выстрела. За ним еще — целая канонада. Но она смолкла также быстро и неожиданно, как началась.

Мы остановились в недоумении. Что это значит? Сражение, стычка с китайцами? Значит, они здесь, на этой стороне? И почему канонада так быстро прекратилась?

Генерал попробовал поговорить с турками по телефону, но тот не действовал.

Телеграмма, посланная по беспроводному телеграфу, также осталась без ответа.

Но вот в тумане слышались голоса и спустя несколько мгновений мы увидели турецкий отряд человек в полтора раза. При нем были два капитана и полковник.

Вскоре мы узнали, что опасения Приальмона оправдались; мало того, действительность превзошла самые мрачные ожидания.

Слышанные нами выстрелы не были направлены в китайцев. Турки стреляли в турок. В их армии вспыхнуло междоусобие. Неудачи, огромные потери, отступление после боя, в сущности победоносного, что-то роковое, неотразимое в предстоящем наступлении китайских полчищ, — все это сделало свое дело. Китайцы, со своей стороны, не дремали: их агент действовал не только убеждением, но и золотом, к которому турки были отнюдь не равнодушны. И вот произошло то, чего никто не предвидел: азиаты примкнули к азиатам, Магомет-Али, главнокомандующий турецкой армией, заявил о своем переходе на сторону китайцев и почти вся армия последовала за ним. В турецком корпусе по соседству с нами союзу с Европой остались верными только триста человек — из двадцати тысяч!

— Нам оставалось только убежать, — объяснял полковник. — Вдогонку стреляли из пушек, половину наших перебили, другая — вот она!..

Мы присоединяемся к вашей армии, генерал, но сначала попросим позволения расправиться с негодяем, чьи увещевания и деньги были главной причиной измены... Это агент китайцев, пробравшийся в наш лагерь в одежде русского купца. Он принес условия, принятые Магометом-Али... Нам удалось овладеть им и привести его с собой.

Полковник приказал своим солдатам привести пленника, и минуту спустя перед нами стоял... Вами!

На этот раз он не дожидался наших вопросов:

— Да, это я, Вами! — сказал он. — Я сделал свое дело... Что, вы еще не убедились в превосходстве желтых? Скоро испытаете его на самих себе. А, вы изменили нам! Вы последовали плану этого глупца, Тома Дэвиса, которого холера избавила от участи, уготованной вам! Теперь вы узнаете, куда он вас привел. За мной идут пять миллионов китайцев, и сегодня же ваши армии побегут перед ними. Нам нужна была только брешь — и я ее создал: ваша «белая стена» разорвана надвое... Через несколько недель половина России будет в руках желтых. После стольких веков унижения монгольская раса берет реванш! Ваши предки дрожали перед Чингисханом, но что значат его орды перед морем азиатских народов, которое залетит Европу до крайних пределов? Вы обречены, ваша роль сыграна, ступайте к гибели, которая вас ждет! А я сделал свое дело, и вот вам мой последний привет!

С этими словами Вами кинул на нас взгляд, горевший злобой и презрением, и, откусив зубами свой язык, выплюнул его в лицо генералу Ламидэ. Вzbешенный генерал выхватил револьвер и разрядил его в японца.

Спустя десять минут оба поезда были соединены в один и все, бывшие на станции, ехали в Оренбург. Турки отправились с нами.

Положение было отчаянное. По словам полковника, турецкая армия разделилась на две половины: одна должна была атаковать, совместно с китайцами, австрийцев, другая — зайти в тыл французской армии, чтобы отрезать ей сообщение с остальными. Приходилось отступать, чтобы не очутиться между двух огней, — и отступать как можно скорее.

Каждая минута была дорога, а между тем поезд двигался с убийственной медленностью: ливень последней ночи размыл полотно и продвигаться приходилось осторожно. Но еще горшее разочарование ждало нас, когда мы достигли речки, пересекавшей наш путь, — ночью она разлилась, подмыла железнодорожный мост, и он опустился на дно.

Мы вышли на берег. Исследование показало, что мост опустился всего на глубину четырех футов и остался цел, путь был в исправности, ни один рельс не сдвинулся. Если бы только поднять его — но как поднять?

— Это возможно, — сказал турецкий полковник. — Мои молодцы обладают это. Посмотрите на них: сильный народ.

Действительно, это были, как на подбор, атлеты: рослые, крепкие, со стальными мускулами. Но я все-таки не понимал, что такое хочет сказать этот турок.

— Они поднимут мост и поддержат его на плечах, пока пройдет поезд, — объяснил полковник в ответ на мой недоумевающий взгляд.

То, что произошло вслед за его словами, я назвал бы мистификацией, если бы кто-нибудь рассказал мне о подобном происшествии, назвал бы сном — если бы это не произошло наяву...

Полтора ста турок вошли в реку, на мгновение исчезли под водой, затем вынырнули, поддерживая на плечах мост.

Оба локомотива один за другим перешли по полотну, поддерживаемому этими живыми карриатидами, затем мы перевели вагоны, толкая их руками, и перешли сами; и спустя самое короткое время поезд продолжал путь.

— Однако же, — сказал я, когда мы уже сидели в вагоне и я мысленно подсчитал приблизительный вес моста и локомотивов, — на каждого турка приходилось не менее семисот пятидесяти килограммов. Человек не выдержит такой тяжести. Это вздор! Это...

— Но ведь вы своими глазами видели, патрон, — перебил Пижон. — И я видел, и доктор видел, и дамы видели, и генерал и солдаты видели.

— И турки видели, и рыбы в воде видели, — подтвердил я. — Да, приходится согласиться.

Слишком много свидетелей... Да, это было, было в действительности...

Увы! Я еще не знал, я не подозревал, что действительность готовит нам такие адские кошмары, которые навсегда должны были изгнать из моей головы нелепую мысль, будто я грежу, так часто являющуюся у меня в последнее время...

У следующей речки нам пришлось остановиться, хотя мост на ней был цел. Но в паровозе не было воды: в суматохе быстрого отъезда наши машинисты забыли наполнить резервуары. Пока они исправляли это непростительное упущение, мы заметили вдали два аэрокара, направлявшиеся к нам. В первую минуту сердце екнуло: неужели китайские? Но нет, это были наши: «Монблан» и «Канигу» — видно в армии беспокоились продолжительным отсутствием главнокомандующего и послали их навстречу поезду.

Аэрокары быстро неслись к нашей стоянке, но почти в ту же минуту мы заметили нечто злоеющее. Внизу, на земле, приблизительно оттуда же, где мы увидели аэрокары, двигались массы кавалерии, направляясь к железной дороге. И эта кавалерия была китайская!

— Обходят! — сказал генерал. — Уже! Когда и как они успели перебраться на нашу сторону?

Аэрокары значительно опередили конницу. Мы поджидали их с понятным нетерпением. Они могли забрать в свои гондолы всех нас, не исключая и турок, так как это были большие суда.

Иначе наша гибель была несомненна; вряд ли нам удалось бы опередить китайцев.

Генерал объяснил это турецкому полковнику, который хмуро смотрел на приближающиеся аэрокары.

Офицеры, сопровождавшие главнокомандующего, быстро установили аппарат для беспроводного телефонирования. Начались переговоры. С переднего аэрокара нам сообщили, что они посланы за генералом и его спутниками, могут поднять пятьдесят человек, остальных же заберет «Канигу».

— Приготовьтесь, господа, — сказал нам генерал. — Вон они уже готовят лестницы.

Действительно, мы заметили, что из гондолы готовились спустить несколько лесенок. Аэрокар был уже на высоте какой-нибудь сотни метров.

Вдруг турецкий полковник сказал что-то своим солдатам, они приложились и дали по аэрокару залп из ста пятидесяти ружей. За ним последовал другой, третий из гондолы отвечали выстрелами, от которых свалилось несколько турок; аэрокар быстро взвился в высоту и понесся обратно к китайцам.

— Это японцы! Японцы! — с яростью кричал полковник. — Я с самого начала подозревал. Смотрите — вон японский флаг...

В самом деле, улетаая, японцы выкинули свой флаг вместо французского. Как могли они завладеть нашими аэрокарами? Но нам некогда было рассуждать об этом. Теперь вся надежда была на

быстроту поезда. Минуту спустя он мчался полным ходом. Мы с замирающим сердцем следили в бинокли за китайскими всадниками, летевшими во весь опор к железной дороге. Кто поспеет первым?

Нет, судьба еще не окончательно против нас. Наш поезд прошел ту точку, где мы должны были столкнуться с китайцами раньше, чем они успели достигнуть полотна. Теперь они мчались уже позади нас, стреляя на скаку, отставая все дальше и дальше.

Мы с облегчением перевели дух. Теперь надежда на спасение не казалась призрачной. Доктор уверял, что уже видит вдали колокольни и кресты Оренбурга...

Трах! Что это такое? Страшный толчок, треск, крик, меня бросило вперед, потом вбок. Я судорожно уцепился за стенку сиденья. Мне казалось, что мы все провалимся сквозь землю; но нет — секунду спустя я опомнился и увидел, что вагон стоит неподвижно.

Поезд сошел с рельс. Колеса нашего вагона глубоко врезались в землю, но он не опрокинулся. Никто из нас не получил серьезного ушиба. Опомнившись, мы поспешили вон из вагона.

Машинист одного и кочегар другого локомотива были убиты. Больше никто не пострадал. Причина катастрофы была очень простая; на протяжении сотни метров рельсы оказались снятыми.

Кто же их снял? Нетрудно было догадаться. Впереди, по сторонам, из всех оврагов, ложбин,

неровностей почвы выходила китайская пехота, окружая нас сплошным кольцом.

Да, на этот раз наша песня была спета.

Прикрываясь полуразбившимися вагонами поезда наш маленький отряд приготовился к отчаянной защите. Турки посылали залп за залпом в наступавшего неприятеля. Генерал Ламидэ и полковник Ибрагим-бей, стоя на обломках, отдавали распоряжения. Я, Пижон и доктор Брандэ оставались подле окаменевших от ужаса женщин.

Пули сыпались градом. Маленькая кучка обороняющихся таяла с каждой минутой. Передний ряд турок уже схватился врукопашную с китайцами. Развязка приближалась. Надо было подумать о смерти.

— Смелее, друзья! — крикнул нам генерал. — Лучше смерть, чем плен и пытка. Следуйте моему примеру. Да здравствует Франция!

Он направил дуло револьвера себе в висок и последним оставшимся у него зарядом раздробил себе череп.

За ним упал турецкий полковник, пораженный китайской пулей.

Очередь была за нами. Легко сказать, а женщины?! Мисс Ада стояла неподвижно, точно окаменев с широко раскрытыми глазами, госпожа Лувэ рыдала, ломая руки и повторяя: «Ах! Зачем, зачем я оставила Францию!», мадемуазель Рэзон умоляла то меня, то Пиждона убить ее поскорее...

— Пижон, — сказал я, — пора, нельзя медлить...

Он бросил на меня отчаянный взгляд. Я видел, что он не в силах поднять руку на свою возлюбленную.

— Ну, несчастный, — крикнул я, — разве вы хотите, чтобы ее разняли по суставам или сожгли на медленном огне?

— Нет, нет, вы правы, — простонал он, — но... я не могу!

— Так я могу, я! Я мастерски убиваю других. Разве я не расстрелял своих соотечественников над Франкфуртом? Разве я не прикончил господина Дюбуа? Я мастер убивать себе подобных. Это моя специальность. У меня шесть пуль: с кого начинать?

Не понимаю, как такая грубая и вовсе не соответствующая моему характеру речь могла вырваться из моих уст при подобных обстоятельствах... Как бы то ни было, из-за наших колебаний мы пропустили удобную минуту. Толпа китайцев ринулась на нас, револьвер был выбит из моих рук, четверо дюжих молодцов повалили меня на землю. Я слышал отчаянные крики женщин, видел, как их увели, так же как доктора и Пижона. Затем на меня надели колодку — тяжелую квадратную доску с отверстиями для головы и для рук — и в таком виде повели куда-то, подгоняя ударами прикладов. После пятиминутной ходьбы я очутился, весь избитый, в грязной вонючей палатке. Тут с меня сняли колодку и связали мне ноги крепкой веревкой. Затем мне откинули голову назад и разжали рот, — один из китайцев

принялся набивать его вареным рисом, а другой лил воду из кружки, чтобы облегчить и ускорить глотание. Все это сопровождалось криками и говором; так они кормили меня, чтобы сохранить для казни.

Наконец, я остался один, на грязной земле, связанный и беспомощный.

Нет надобности, я думаю, говорить о моем душевном состоянии. Я был раздавлен, уничтожен. Обрывки мыслей кружились в моей голове без связи, без последовательности; воображение то воскрешало картины прошлого, то рисовало сцены предстоящих пыток и казней, эгоистический страх за свою шкуру сменялся сожалением о моих злополучных товарищах, мисс Аде и ее подругах — я с содроганием представлял себе, что они теперь чувствуют, меня грызла мысль о собственном малодушии. Так легко было предупредить весь этот кошмар...

Я провалялся всю ночь, не смыкая глаз. Утром меня опять накормили тем же варварским способом, затем развязали, надели колодку и повели на место казни, как я думал.

Тут я имел утешение — если можно говорить об утешении при подобных обстоятельствах! — встретить своих товарищей по несчастью, тоже в колодках. Лица их были не лучше, чем у мертвецов. Пижон казался совершенно убитым. Бедный малый страдал не только за себя, но еще больше за мисс Аду, на которую глядел с невыразимой тоской. Но ее лицо поразило меня выражением

спокойной решимости. Кажется, она мужественнее всех нас переносила несчастье.

Мы находились на площадке посреди обширного лагеря, кишевшего солдатами. Вдруг я услышал звуки музыки — если можно назвать музыкой невообразимую какофонию труб, дудок, пищалок, трещоток и барабанов — и увидел какую-то важную особу, генерала или маршала верхом, в толпе офицеров. Когда музыка утихла, он обратился к окружающим с речью.

— Это маршал Ду И Ку, — сказал мне на чистейшем французском языке молодой офицер, стоявший рядом. — Он сообщает своему штабу о решительных успехах, достигнутых вчера. Вся ваша армия отступает на Ростов; турки уже вошли победителями в Самару; англичане, австрийцы, немцы тоже отступают на Нижний Новгород и Петербург. Три наши армии теперь в Европейской России. Ничто их не остановит. Нам даже нет надобности сражаться; мы просто наводним страну. Три миллиона китайцев будут в Москве через несколько недель, милейший мой.

Кончив свою речь, маршал подъехал к нам и медленно обвел нас взглядом. Он заговорил по-французски.

— Европейские собаки, вы заслужили смерть и не избежите ее! Каждому из вас будет назначена достойная казнь. В ожидании ее вы последуете за нашими победоносными армиями. Поглядите своими глазами, что такое обновленный Китай. Один из вас доктор: он заражал наши войска

холерой — он будет казнен сегодня же... Довольно. Ступайте. Я не хочу больше вас видеть.

Нас развели. Я вернулся в свою палатку. Я думал о самоубийстве, но не видел способа осуществить его. Наконец, я решил попытаться умерить себя голодом. Русские часто прибегают к этому приему. Неужели француз не сделает того, что может сделать русский? Да, я умру с голоду, по-русски...

Но или у меня действительно не хватало энергии, необходимой для применения русского способа, или китайцы обладали особым искусством кормить насильно, только я убедился в ближайшие дни, что из моего решения ничего не выходит.

Немного погодя в мою палатку зашел офицер, разговаривавший со мной на площади. Его звали Ванг-Чао. Оказалось, что он три года прожил в Париже, заканчивая там свое военное образование. Оказалось также, что он усердный чтец «2000 года» и хорошо знаком со статьями моими и Пижона. Он очень спокойно и весело сообщил мне, что доктору предстоит казнь крысой, а для нас будут назначены другие, каждому своя.

— И женщинам? — спросил я.

— Да, и женщинам. Я лично этого не одобряю. Я бы их отдал в жены китайцам — это гораздо полезнее. Примесь чуждой крови нам не повредит: мы легко ассимилируем чуждые народности. Но Ду глух на это ухо... Их казнят, а потом и вас. Но сегодня казнят только доктора; вы

будете присутствовать при казни, а затем, с разрешения маршала, я освобожу вас и господина Пижона и вы можете осмотреть наш лагерь и познакомиться с вашими коллегами.

— Какими коллегами?

— Военными корреспондентами... У нас тут есть представители китайских, японских, тибетских, сиамских газет. Мы ведь не дикари.

В это время послышался звук трубы.

— Это сигнал к началу казни, — сказал офицер. — Мы встретимся на площади, теперь пойду к вашим дамам.

На площади я снова увидел своих товарищей и маршала Ду в толпе офицеров. Вскоре привели доктора, уже предупрежденного об ужасной казни, которая его ожидала. Лицо его было подернуто зеленоватой бледностью трупa, борода, вчера еще черная, поседела; он не мог идти, и палачи тащили его под руки.

Его уложили, полураздетого, навзничь на каком-то специальном деревянном станке и привязали руки и ноги к кольям.

Затем помощник палача, раскалив докрасна на жаровне железные щипцы, провел ими по животу нашего несчастного товарища, от одного бока до другого.

Ужасающий вопль вырвался из груди жертвы, а помощник провел щипцами вторую полосу немного повыше первой.

Палач взял небольшую клетку с крысой, поднес ее к телу истязуемого и осторожно приоткрыл

как раз над отверстием, которое прожег щипцами помощник.

Крыса скользнула в отверстие. Она грызла внутренности несчастного; это было ясно по страшным судорогам, сотрясавшим его тело, и дикому вою, в который превратились его крики...

Обе подруги мисс Ады лишились чувств, их головы бессильно повисли над колодками. Мисс Ада казалась каменным изваянием. Я чувствовал, что готов потерять сознание.

Но нас увели. Не помню, как я добрел до своей палатки. Ужасный крик преследовал меня. Наконец, он стал ослабевать и мало-помалу затих.

Не знаю, сколько времени прошло с момента казни, когда ко мне явился Ванг-Чао с Пижоном и предложил пройти по лагерю. Признаюсь, мне было совсем не до того: я был совершенно подавлен впечатлением казни.

— Не думайте об этом, — сказал офицер. — В вашем распоряжении день, два, три, может быть неделя или больше — это все-таки кое-что. Пользуйтесь ими; зачем терять то небольшое, что имеешь? *Carpe diem*, как говорит древний поэт. О казни будете думать, когда придет ваша очередь.

У меня мороз пробежал по коже.

Мы пошли осматривать лагерь. Наш любезный спутник познакомил нас с корреспондентами: они приняли нас очень учтиво, пригласили к чаю, расспрашивали о парижских литературных нравах. Они сообщили мне, что нас казнят по прибытии в

Москву вместе с другими пленниками, что казни будут длиться целую неделю, что выбор их чрезвычайно разнообразный, так что зрелище будет интересное.

— Вы, вероятно, увидите значительную часть его, прежде чем очередь дойдет до вас, — сказал мне сиамский корреспондент, любезно осклабившись.

Все они бывали в Европе, говорили на главных европейских языках, цитировали классиков и новых поэтов не хуже Ванг-Чао. Я не мог понять этого совмещения европейской культуры с отношением к казням и пыткам, как «интересному зрелищу». Вообще, это милое общество несколько не облегчило меня и я был рад вернуться в свою палатку. Прощаясь со мной, Ванг-Чао сказал мне вполголоса:

— Мне очень нравится мисс Ада, сударь. Если она желает стать моей женой, то ей стоит только слово сказать... И я спасу ее.

Я был так измучен событиями дня, что даже не изумился его словам, почти не сообразил их значения. Только под утро, очнувшись от тяжелого забытья, я осмыслил его предложение.

«Что же? — подумал я. — Это все-таки лучше мучительной казни. Конечно, быть супругой за китайца — не очень лестно... Но за неимением другого выхода...»

Послышался шум шагов, и ко мне вошел Ванг-Чао. Но он был не один, за ним шла мисс Ада.

— Мисс Ада, вы! — воскликнул я, целуя ей руки в порыве радости. — Вы здесь...

Я понял мысль китайца. Встретив мой взгляд, он кивнул головой.

— Да, — сказал он, — я решаюсь прибегнуть к вашему здравому смыслу и опытности, сударь. Передайте мадемуазель Аде предложение, о котором я говорил вам вчера. Я возобновлю его при вашем посредстве. Прелести мадемуазель пленили меня до глубины души. Я люблю ее безумно, как говорят у вас в Европе, я формально прошу ее руки. Я жил в Париже, мне известны ваши семейные обычаи и я даю слово, что буду вполне сообразовываться с ними. Притом же мы будем жить на Западе... Если она согласится на мое предложение, то ей нечего бояться палача. Сделавшись моей женой, она избежит от казни.

Мисс Ада вздрогнула. Но глаза ее были опущены и вся фигура говорила об отказе.

— Послушайте, мисс Ада, — сказал я, — решитесь, примите предложение этого офицера. Ваш жених, которого вы обожали, умер; вы теперь свободны. Этот молодой человек любит вас; его чувство, очевидно, серьезно и искренно; он желает вас спасти. Подумайте, какая участь угрожает вам! Китайцы безжалостны; мы все осуждены на лютую казнь. Вы видели муки нашего добрейшего доктора Бронде... Сохраните себя для ваших родителей, дорогая Ада — они только вами и живы. Сохраните себя для жизни, для свободы, для радостей материнства... Решайтесь,

дайте свое согласие. Оцените в этом человеке его желание спасти вас, станьте его женой из признательности; остальное придет позднее...

Она подняла на меня свои большие глаза и покачала головой.

— Я останусь верна моему Томми. Он говорил: Англия совершила великий грех, вступив в союз с желтыми против белых. Пусть ни одна европейская нация не повторяет этой ошибки, пусть ни одна белая девушка не выйдет за азиата. Пусть она останется верной своей расе.

И обратившись к офицеру, она сказала твердым голосом.

— Никогда!

В то же утро армия двинулась дальше. Я видел суматоху сборов, уборку палаток, движение людского муравейника. Мимо меня промчалась группа корреспондентов; индусы ехали на мулах, сидя по-женски, китайцы тряслись на осликах, сиамцы на зебрах... Почему на зебрах? Мне казалось, что им приличнее было бы ехать на белых слонах. Но группа промелькнула, быстро, как видение, как многие сцены этой кошмарной действительности.

Мне надели колодку, затиснули в тележку в форме закрытого гроба, с отверстиями впереди и сзади, и до самого вечера я не видел ничего, кроме спины возницы.

Так было и в следующие дни. Армия трогалась в поход в пять часов утра, а вечером останавливалась на ночлег. Разбитый, измученный слезал

я с тележки и забывался тяжелым сном до утра, когда повторялось то же.

Выглядывая в отверстие моего гроба, я видел вокруг себя множество таких же тележек. Однажды, на третий или четвертый день нашего путешествия, я очутился рядом с тележкой мисс Ады. Нам удалось обменяться несколькими словами. Она сообщила мне, что Ванг-Чао снова настаивал на своем предложении — с прежним результатом. Я упрасивал ее согласиться, но тщетно.

Наконец, двадцатого апреля по моему расчету, лагерь снялся в поход с необычайной суматохой.

— Вступаем в Москву, — крикнул мне проскакавший мимо меня офицер, в котором я узнал Ванг-Чао.

Все тележки были сгруппированы в хвосте армии для торжественного въезда. С них сняли крышки, и я увидел Пиждона, мисс Аду, ее подругу и множество других белых — без сомнения, пленных: русских, австрийцев, англичан...

Были тут и деревянные клетки на колесах с заключенными в них пленниками, и большие телеги, на которых сидело по несколько человек. Нашу группу, в колодках, также пересадили на большую повозку, и в таком виде мы совершили въезд в Москву.

...Неужели и это происходило наяву? Неужели на моих глазах совершилось это неслыханное, невероятное событие?

Китайцы в Москве! Их неумолчные залпы с высоты Кремля провозглашали торжество победителя, и колокола бесчисленных московских церквей приветствовали полчища завоевателей, и московский генерал-губернатор подносил на бархатной подушке ключи города спесиво гарцевавшим на породистых конях китайским маршалам, — и все это я, союзник русских, видел своими глазами в отверстие тяжелой колодки!

Какая кровавая эпопея должна была предшествовать этим событиям! В последние дни нашего похода мы все время, с утра до вечера, слышали звуки отдаленной канонады. Но, очевидно, никакое сопротивление не могло остановить этого грандиозного азиатского прилива.

Наши телеги достигли Красной площади. Тут мы остались на ночь. Я догадывался, что площадь выбрана местом казней. Всю ночь зловещие звуки не давали мне сомкнуть глаз. Стучали молотки, визжали пилы — что-то строили, вколачивали гвозди, тесали бревна.

Когда бледная заря осветила лес эшафотов, виселиц, кольев, крик ужаса вырвался у всех пленников.

Утром ко мне подошел сиамский корреспондент, маленький, жирный, учтивый, улыбающийся человек:

— Всех пленных двести пятьдесят человек. Казнить будут по пятидесяти в сутки. Но вы можете пока спать спокойно — вы и господин Пижон. Вас казнят в последней партии, на пятый

день. Это мы, корреспонденты, выхлопотали отсрочку для братьев по перу. Все же маленькая льгота, хе-хе!.. Не угодно ли папироску... нет? Ну, до приятнейшего... Я забегу проститься... в свое время, перед церемонией, хе-хе!.. Теперь спешу, дел по горло...

Болтун засеменял куда-то, а я смотрел ему вслед, без мысли, почти без сознания, обливаясь холодным потом.

Глава XXIII ПЫТКИ И КАЗНИ

Железная рубашка. Проект Ванг-Чао. Отказ мисс Ады. Водяная змея. Новый план Ванг-Чао. Упорство мисс Ады. Попытка самоубийства. Конец Ванг-Чао. Мисс Ада на костре. Казнь Пижона. Объяснение с маршалами. Меня вешают. Меня зарывают в землю. Мне вырывают глаза. Мне отсекают голову...

Пятьдесят пленных казнили в этот день; остальные были вынуждены смотреть на кровавое зрелище.

Я с ужасом увидел в десяти шагах от себя господжу Лувэ, привязанную к столбу.

— Ей придется сильно страдать, — сказал подошедший ко мне Ванг-Чао. — Она приговорена к железной рубашке.

Я не решался смотреть на нее. Но не выдержал и взглянул.

Несчастную обнажили до поясницы. Затем двое палачей надели на нее железную рубашку, — род

кольчуги с очень мелкими кольцами. Когда эта легкая одежда плотно охватила ее руки, плечи, груди и живот, двое мерзавцев ухватились за концы широкого пояса и принялись стягивать кольчугу, так что кожа выступила сквозь кольца длинными белыми сосочками.

Несчастлиная корчилась и неистово кричала.

Затем палач схватил большие ножницы вроде тех, которыми в редакциях пользуются для вырезов, и, как садовник, подстригающий живую изгородь, принялся стричь выступавшие из колец кусочки кожи.

Кольчуга облилась кровью. Толпа хохотала, глядя, как корчится тело, привязанное к столбу, и заглушала своим визгом отчаянные вопли жертвы.

— Она умрет, когда изойдет кровью, — сказал Ванг-Чао. — Часа два-три промучится...

Вся площадь наполнилась воплями истязаемых, всюду корчились в муках тела мужчин и женщин. Я не стану описывать своего состояния — да и не мог бы описать его; где найти слова для этого?

Госпожа Лувэ мучилась не так долго, как предсказывал Ванг-Чао. Внезапно она испустила страшный крик, все ее тело сотряслось в последней судороге, затем голова бессильно поникла на окровавленную грудь — она была мертва...

Это была первая минута облегчения среди непрерывных ужасов.

«Есть же конец, есть же смерть, которая прекращает муки», — подумал я.

Под вечер, когда вопли прекратились и площадь затихла, ко мне снова подошел Ванг-Чао.

— Что за нелепая девушка эта мисс Ада! — сказал он. Она опять отказалась... Вот послушайте, что я ей предлагал, и скажите, согласились бы вы на такую комбинацию, если бы были на ее месте...

— Ну да, ну разумеется! — перебил я. — Ведь я уже говорил вам... Я принял бы какую угодно комбинацию. Все, что угодно; только не железную рубашку. Ведь она видела смерть госпожи Лувэ... Но я перебил вас. Что же вы ей предложили?

— Спасти ее и притом без всякого обязательства с ее стороны. Вы понимаете, я не требую, чтобы она сделалась моей женой, я предоставляю это на ее волю... Единственный способ спасения — подменить ее кем-нибудь. Это возможно устроить. Нужно было только найти женщину, которая пошла бы на это. Я нашел. Здесь есть бедное еврейское семейство: старуха мать и шестеро детей, нищета страшная. Старшая дочь — девушка одних лет с мисс Адой, одного с ней роста, даже лицом похожа. Она готова пожертвовать собой ради семьи. Я обязался выдать последней тысячу рублей, а девушка примет казнь за мисс Аду...

— И семья согласна?

— Нет! Она не знает, а если б знала, не согласилась бы: у этих людей очень развиты семейные привязанности, как и у нас, в Китае... Но девушка

согласна, и раз она будет казнена, то семье останется только взять деньги. Я сообщил об этом мисс Аде, и что вы думаете, она сказала?

— Отказалась, конечно!

— Ну да... Сказала, что это подло, возмутительно, преступно... Почему? Коммерческая сделка, деловое соглашение, добровольное с обеих сторон. Растолкуйте мне, что тут дурного?

— Трудно растолковать, капитан. Тут разница в самом корне моральных понятий, в непосредственном чувстве... Одно скажу: эта комбинация не удастся. На такое предложение она не согласится, и думать нечего. У этой девушки натура мученицы; она скорее сама принесет себя в жертву, чем примет ее от другого.

Капитан отошел в недоумении. На другой день сцены казней возобновились. Как я мог, видя и слыша все эти ужасы, не сойти с ума, мне стало понятно только впоследствии, после одного неожиданного открытия, о котором читатель узнает в свое время.

В этот день в числе казнимых оказалась мадемуазель Рэзон.

Бедняжка!

На ее долю досталась ужасающая казнь посредством «водяной змеи».

Это название сообщил мне Ванг-Чао. В чем заключалась казнь, я увидел своими глазами. Несчастную девушку обнажили и привязали к столбу с перекладиной; затем ей обвили все тело двумя длинными и гибкими металлическими трубками.

В эти трубки палач принялся наливать кипяток. Они быстро наполнились, обжигая тело истязаемой.

— Негодяи! — закричал я, грозя кулаками палачам. — Убийцы! Изверги! Или вы до конца останетесь безжалостными!

Но они только скалили зубы на мои угрозы. Один из них брызнул мне в лицо кипятком. В то же время на меня посыпались удары, заставившие меня замолчать.

Затем я очутился распростертым на дне китайской телеги. Было уже темно, я никого не видел вокруг себя. Должно быть, я потерял сознание во время казни.

На третий день ни я, ни Пижон, ни мисс Ада не попали в число казнимых. Вечером опять явился Ванг-Чао.

— Казнь мисс Ады назначена на завтра, но я выпросил у маршала Ду отсрочку на сутки, — сказал он.

— Только? — вырвалось у меня.

— Этого довольно. Я спасу ее. Теперь она должна согласиться... Если же нет, то я спасу ее силой. Господин Пижон согласен на это. Надеюсь, и вы согласитесь и в случае надобности можете нам?

— Но в чем же заключается ваш план?

— Вот в чем. Господин Пижон одного роста с мисс Адой, у него женственные черты лица, и если он переоденется в женское платье и сбреет усы, его легко принять за девушку. Наши палачи ведь

не знают в лицо своих жертв. Итак, он займет ее место, а ее я уведу. Ей нет причины отказываться: ведь ему все равно не миновать казни... Но это совершенно непостижимая девушка; от нее можно всего ожидать, она, пожалуй, предпочтет умереть вместе со своими, чем быть спасенной врагом... Хотя я вовсе не враг ей, напротив... Так вот, если она откажется, я уведу ее силой. Вы и господин Пижон можете завязать ей рот, если нужно, связать руки. Это насилие, да — но насилие законное: ведь оно избавит ее от смерти, и непростой смерти... Вы согласны с этим?

— Да как же вы все это обделаете? — спросил я вместо ответа. — Наши сторожа не допустят...

— О, на этот счет не беспокойтесь, — перебил он и тряхнул кошельком, висевшим у него на поясе. Я услышал звяканье монет. — Да! Эта музыка понятна людям всех стран, всех наций, всех рас, всех времен... Китайское ухо так же восприимчиво к ней, как и европейское. Словом, сторожа отойдут в сторонку, а мы обделаем дело без помехи. Мне трудно только будет справиться одному, если девушка заупрямится. Оттого я и прошу вашего содействия.

Я колебался. Но невозможно было усомниться в искренности этого человека. Все: голос, взгляд, тон его речи, — все свидетельствовало о глубоком и сильном чувстве, к какому я бы не счел способным китаец. Несомненно, этому человеку можно довериться. И конечно, такое насилие, при подобных обстоятельствах, вполне допустимо.

Заметив мою нерешительность, он прибавил:

— Имейте в виду, что я не ставлю условием согласие на брак со мной, что я ничего не требую от нее. Клянусь в этом памятью моих предков! Вы знаете, что для китайца нет более священной клятвы.

— Я верю вам, дорогой мой, — сказал я. — Хорошо, можете на меня рассчитывать. В случае необходимости я окажу вам содействие.

Он уже уходил, когда у меня мелькнула внезапная мысль.

— Послушайте, а кто же заменит Пижона? Ведь его хватятся...

— О, это я устрою... Найти молодого человека, его лет, не так трудно. Это уж мое дело и я сумею его уладить. У вас, европейцев есть хорошее изречение: цель оправдывает средства...

С этими словами он ушел, оставив меня ошеломленным.

Еще день пыток и казней, потоков крови, изорванных тел, исковерканных членов, раздробленных костей, неистовых воплей, корчей и судорог!

Кончился и он, и над затихшей площадью спустилась ночь. Луна озаряла лес эшафотов с окровавленными останками жертв...

Внезапно я услышал голоса в нескольких шагах от себя. Я выглянул из своей телеги и увидел Пижона и Ванг-Чао, с жаром уговаривавших мисс Аду. По ее жестам, по звуку ее голоса видно было, что она отказывается.

— Никогда, господин Пижон, никогда, — услышал я ее слова. — Если вы меня любите так сильно, то вы должны знать, что смерть не страшна, когда любишь...

— Смерть, мисс Ада, — отвечал Пижон, подавляя рыдания, — о, да! Но истязания, но пытки, но муки...

Я соскочил со своей телеги и подбежал к ним.

— Бегите, мисс Ада, — сказал я. — Поверьте мне, поверьте Пижону, который вас так любит — бегите! Следуйте за этим молодым офицером. Он избавит вас от палачей. Послушайте нас! Спасайте свою жизнь, если не для себя, то для своего отца, для своей матери...

— Нет, мой дорогой, мой искренний друг, не принуждайте меня отказаться от смерти. Потеряв моего Томми, я потеряла все. Я рада последовать за ним...

— Но вы забыли о пытке, железной рубашке, о водяной змее... Поглядите на все, что нас окружает, на эти щипцы, колья, дыбы, плахи...

Она вздрогнула.

— Да, — простонала она, — я боюсь пытки. Но, дорогой друг, — тут она прильнула ко мне и прошептала мне на ухо, — вы можете дать мне смерть без страданий.

— Я?

— Да, вы! У офицера на поясе висит кинжал; схватите его и заколите меня. Я умоляю вас... вы избавите меня от пытки, от истязаний.

«Она права, права, — пронеслось у меня в голове, — это единственный выход в ее положении...»

Я быстро повернулся к ничего не подозревавшему Ванг-Чао, выхватил из ножен кинжал и поднял руку.

Но молодая девушка, очевидно, боялась, чтобы я не ослабел в последнюю минуту. Вся дрожа от жадного желания, она вырвала у меня кинжал и вонзила его в свою белую грудь. Я и Пижон бросились поддержать падающее тело; китаец выхватил кинжал из раны.

Между тем стоны девушки, рана которой не была смертельна, и восклицания Пижона и Ванг-Чао подняли тревогу на площади. Не успели мы опомниться, как нас окружила толпа солдат. Судя по их угрожающим лицам и жестам, они предполагали с нашей стороны какое-нибудь покушение против офицера. Но последний остановил их жестом и что-то быстро заговорил по-китайски, вероятно, объясняя им, что тут произошло. Кончив свою речь, он взмахнул кинжалом — и упал с перерезанным горлом.

Несколько мандаринов явились на шум. Мне и Пижону снова надели колодки, а мисс Аду приговорили к пытке раскаленным железом и сожжению на костре. Еще живую, окровавленную девушку привязали к столбу; ноги ее упирались в железную решетку. Двое принялись нагревать решетку, которая постепенно раскалялась. Нестерпимая боль вызывала стоны у истязаемой,

заставляла ее метаться, судорожно переступать с ноги на ногу... Толпа хохотала, обезумевший Пижон, не обращая внимания на удары, сыпавшиеся на него, бешено проклинал палачей, я стискивал кулаки в бессильной ярости.

Потом наложили хворосту под решетку.

— Теперь ее сожгут, — мелькнуло у меня в голове.

— Как Жанну д'Арк, — пролаял один из палачей, заканчивая мою мысль. Конечно мне померещилось... Эти злые обезьяны не говорили по-французски.

Я был в бреду. Нелепые обрывки мыслей кружились у меня в голове. Мне вспомнились стихи из «Орлеанской Девы» Шиллера, я повторял мысленно великолепную страницу Мишле, посвященную описанию сожжения Жанны, вспоминал грубые, недостойные сцены шекспировского «Генриха VI»... Я тщетно гнал от себя это наваждение, литературные воспоминания назойливо теснились в моем расстроенном мозгу. У меня пронеслась даже уродливая, безобразная мысль: надо бы снять фотографию этой сцены для «2000 года»... Я положительно сходил с ума.

Хворост, обильно политый керосином, разгорелся; языки пламени, клубы черного дыма взвивались сквозь решетку. Но девушка уже не чувствовала муки: кинжал Ванг-Чао сделал свое дело, хотя несколько поздно. Тело ее бессильно повисло на веревках, голова упала на левое плечо — она была мертва и палачи жгли труп.

Пижон рыдал, как безумный; слезы застилали глаза и мне.

Между тем взошло солнце и площадь снова огласилась воплями истязаемых.

Нас — меня и Пиждона — потащили в Александровский сад, наполненный плахами; здесь тоже казнили и пытали.

Одних жгли фитилями: сначала лицо, потом грудь, живот; других коптели в дыму; какой-то рослый молодец в четырехугольной клетке мучился на острых кольях, подпиравших его подбородок; он тщетно вытягивался на цыпочках, корчась от боли.

Я чувствовал, что наступает и наша очередь. Четырехдневная моральная пытка должна была закончиться пыткой физической.

Но мне еще предстояло видеть казнь моего верного Пиждона.

Он был довольно далеко от меня и я крикнул ему:

— Прощайте, друг мой, постараемся сохранить мужество до конца. Я боюсь ослабеть в последнюю минуту, но буду держаться, пока хватит сил...

— Прощайте, патрон, прощайте, — ответил он. — У меня сохранилось еще немного энергии, но мало, очень мало, после всего, что мы пережили за эти дни...

Эти переговоры не прошли нам даром. Двое негодяев набросились на меня, разжали мне рот и вставили в него грязную, вонючую деревяшку,

с бечевками на концах, которые завязали на моей шее. То же было проделано с Пижоном.

После этого нам дали в руки по заступу и объяснили знаками, что мы должны вырыть себе могилу.

— Grave, grave* — повторял по-английски один из палачей.

Могила Пижона, намеченная заступом на земле, была обыкновенной формы, метра в два длины.

Но для меня был намечен круг, и тот же китаец объяснил мне, частью жестами, частью отрывочными английскими фразами, что я должен вырыть нечто вроде круглого колодца глубиной в мой рост.

В первую минуту я едва не лишился чувств, услышав это распоряжение. Значит, эти изверги зареют меня живьем!..

Но я оправился. Та ли, другая ли казнь, во всяком случае она будет мучительной, иного я ждать не могу.

Я не хотел показаться малодушным моим палачам и с наружным спокойствием принялся за работу. Когда яма была глубиной мне по шею, меня остановили и заставили выйти из нее. Пижон уже кончил свою.

По-видимому, нашей казни придавалось какое-то особое значение. Послышались звуки труб и мы увидели маршалов трех китайских

* Могила, могилу (англ.).

армий. Окруженные свитой, они поднялись на помост перед нашими могилами и уселись на нем в ожидании зрелища.

«Трое завоевателей Европы, собиравшиеся любоваться казнью сотрудников „2000 года“ — какая реклама для газеты», — подумал бы господин Дюбуа, если б был жив.

Опять дикая мысль! Как могла она явиться у меня в такую минуту?

Перед эстрадой на невысоком эшафоте помещался деревянный станок.

Вскоре я узнал его назначение. Трое помощников палача схватили Пижона, сорвали с него женское платье, в которое он оделся, чтобы заменить мисс Аду, втащили нагого на эшафот и растянули на станке ничком, привязав к нему за руки и за ноги.

Затем палач принялся за свою гнусную работу. Он взмахнул огромной бритвой и выкроил из тела моего несчастного друга ремень длиной в тридцать сантиметров.

Судорожная дрожь пробежала по телу Пижона; деревянная заклепка во рту мешала ему кричать.

Палач выкраивал ремень за ремнем, бросая их собакам — двум отвратительным жирным мопсам, жадно чавкавшим окровавленными лохмотьями.

Потом он сделал знак своим помощникам; они отвязали тело, перевернули его и снова привязали. Деревянная заклепка была вынута изо рта

страдальца; он испустил раздирающий, протяжный вопль.

Палач продолжал свою работу. Наконец, вся кожа была ободрана. Тело Пижона превратилось в кровавый кусок мяса. Стоны его умолкли; я не знал, умер он или еще жив, но уже не в силах стоять.

Маршалы одобрительно кивали головами. Затем Ду сделал знак палачу. Тот снова взмахнул бритвой и одним ударом отделил голову Пижона от туловища.

Он поймал ее, показал маршалам и толпе и бросил в могилу; помощники отвязали тело и стащили его туда же. Затем они закидали ее землей и затоптали ногами.

Теперь наступила моя очередь. Какие же пытки предназначены для меня? Я догадывался, что моя первоначальная мысль о погребении живо была ошибкой; судя по величине ямы, меня собирались зарыть в ней по шею, а затем отрубить голову. Но это было бы слишком просто; наверно мне предстоят какие-нибудь предварительные пытки.

Мне освободили рот, вынув заклепку, затем палач схватил меня за плечо и потащил к эстраде; на которой сидели маршалы. Ду обратился ко мне с речью:

— Ты видел, ничтожный белый, — сказал он с презрительной улыбкой, — что представляют теперь наши армии. Вы долго притесняли нас, вы хотели сделать нас своими рабами, овладеть Азией,

исконно нашим материком. Теперь мы отвечаем на это победоносным походом в вашу землю, которая будет принадлежать нам от мыса Финистер и до Уральских гор. Мы знаем, что ты один из тех, которые проповедовали союз белых против Китая. Оттого ты и будешь казнен последним; мы решили дать тебе возможность увидеть, к чему привела твоя проповедь. Ты будешь повешен — но не задушен, не тревожься, — потом тебя зароют в землю... Преклони колени, несчастный, перед нашим величием!

Все время палач дергал меня за плечо, стараясь поставить на колени; я догадался об этом по его жестам, но изо всех сил оказывал сопротивление.

Чувство ужаса уступило место припадку бешенства. Я оттолкнул палача и крикнул маршалу.

— Преклонить колени перед тобой, желтая обезьяна! Нет, ты еще не знаешь силы белых. Вы полагаетесь на количество и торжествуете победу, потому что захватили нас врасплох, раздавив своим множеством. Глупая мартышка! Не пройдет и трех месяцев, как наши ученые и техники изобретут способы истреблять вас миллионами. Подвигайтесь вперед, сколько хотите. Я знаю, чем кончится ваш поход. Ни один из вас не вернется в Китай, ни один!

Толпа, не понимавшая моей речи, но догадывавшаяся о ее оскорбительном смысле, заворчала, теснясь ко мне с угрожающими жестами. Это поддало мне жару. Я быстро нагнулся, сорвал с ноги башмак и швырнул в маршала. Он шлепнулся ему прямо в нос; золотые очки китайца свалились от удара.

Толпа завывала, передо мной мелькнули ножи, сабли... Я ждал уже смерти-избавительницы от пыток, но маршал что-то крикнул и толпа отхлынула.

Меня потащили к столбу, накинули на шею петлю. Палач схватил конец веревки, перекинутой через блок, повис на ней и поднял меня над землей. Петля затянулась, я задыхался, у меня потемнело в глазах. Но прежде чем я успел потерять сознание, палач отпустил веревку и ноги мои снова коснулись земли.

Велика сила инстинкта самосохранения! Лишь только мои ноги уперлись в землю, мои руки поспешили отпустить затянувшуюся и душившую меня петлю. Но я не успел перевести дух, как снова был поднят и снова корчился, задыхаясь в петле.

Пять раз повторял палач этот прием и всякий раз мои руки, помимо моей воли, растягивали петлю, подготавливая меня для новой пытки.

Наконец, меня спустили на землю в последний раз и сняли петлю с моей шеи. Как ни был я ошеломлен этой пыткой, у меня еще хватило энергии взглянуть на маршалов и выругать их канальями, мерзавцами, вампирами, обезьянами. Но обезьяны толковали о своих делах, не обращая ни малейшего внимания на мои крики.

Меня потащили к могиле, опустили в нее и принялись закапывать. Сырая холодная земля постепенно охватывала мои ноги, живот, грудь. Холод пропитывал мое тело насквозь, до мозга костей, страшная тяжесть давила на мою грудь, я с трудом

дышал. Палач, опустившись на колени, заботливо уминал ладонями землю вокруг моей шеи.

В эту минуту я увидел моего знакомого, сиамериканского корреспондента. Он исполнил свое обещание навестить меня перед «церемонией». Он сел на ладони, улыбался, кивал мне головой и посылал воздушные поцелуи.

— Как вы себя чувствуете, коллега? — спросил он. — Надеюсь вам покойно... хе-хе!.. Не угодно ли папироску?.. я подержу... хе-хе!..

— Пошел к черту, животное! — прорычал я.

— Невежа! — сказал он обиженным тоном. — А еще парижанин!

И он отошел, оскорбленный до глубины души.

Тогда палач левой рукой схватил меня за бороду, откинул мою голову назад, а пальцами правой руки впился в мой левый глаз, вырвал его и бросил собаке. Еще секунда — и правый глаз последовал за своим злополучным товарищем. Я чувствовал, как мои пустые орбиты облились горячей кровью, слышал, как отвратительные мопсы чавкают моими бедными глазами, и — удивительная вещь! — несмотря на отсутствие глаз, видел перед собой палача, готовившегося отрубить мне голову.

В ту минуту я решительно никак не мог понять, чем объяснить это явление.

Палач несколько раз взмахнул саблей, потом присел на корточки и размахнулся...

Сабля свистнула в воздухе. Невольный крик сорвался с моих губ...

Глава XXIV КОНЕЦ КОШМАРА

*Размышления отрубленной головы.
Голос Ванга. Воскресший Пижон. Джим
Кеог и Вами. Свадьба. Банкет. Мое
поздравление. Прогулка с Пижоном. Вещий
сон.*

Я кричал и не мог остановиться, хотя уже не сознавал, что происходит вокруг меня.

Я тщетно тарасил глаза, или, лучше сказать, пустые глазницы; палач куда-то исчез, все вокруг погрузилось в какую-то мглу.

Наконец мой крик прекратился. Теперь другой звук, напоминавший глухие раскаты грома, поразил мой слух.

— Моя голова отрублена, — думал я. — Она покатилаь куда-то, например к ногам маршалов... Но она еще сохранила жизнь и смутно воспринимает звуки. Этот гул, вероятно, грохот барабанов, приветствующих мою казнь...

Странно! Грохот затих, уступив место глухим ударам по какой-то деревянной поверхности.

Еще страннее! Холодный пот, катящийся по моему лицу, отирается куском полотна. Это делает моя левая рука, которая схватила полотно и лихорадочно проводит им по моему лицу, волосам, шее...

Шее! Так моя шея еще при мне?

«Вздор! — пронеслось в моих мыслях. — Шея осталась в земле вместе с остальным телом».

Но вот я слышу чей-то голос. Он сопровождается сильными ударами и повторяет:

— Мусси! Мусси!

Невозможно ошибиться — это голос Ванга, моего китайца, убитого гранатой Джима Кеога в самом начале этой адской войны. Стало быть, я в загробном мире и мой верный бой узнал своего старого хозяина? Он хочет снова поступить ко мне на службу? Но чем я буду платить ему — тенями франков?

Однако я замечаю, что душевное состояние обезглавленных совсем неизвестно ученым.

— Какая досада, — думаю я, — что нельзя опять приладить голову к телу. Я мог бы прочесть в нашей Медицинской академии интереснейший доклад о переживании после казни.

Но голос раздается все громче и громче.

— Отоприте, мусси, отоприте! — кричит он. — Вставать пора!

Не понимая, каким волшебством я очутился в постели — очевидно, души умерших обладают способностью к галлюцинациям! — я вскакиваю, ощупью пробираюсь по темной комнате к двери,

поворачиваю ключ и торопливо возвращаюсь в постель.

Дверь тихонько отворяется.

— Кто там?

— Да я же, мусси, — отвечает голос Ванга. Очевидно, моя голова не в порядке. Да и не мудрено: не может же такая операция как отсечение головы пройти бесследно для умственных способностей. Во всяком случае, это неприятно, и я говорю с досадой:

— Отстань! Ты мне надоел...

Но вот я слышу шорох отодвигаемых занавесей и в комнату врываются волны света.

Чудеса! Я вижу — или мне мерещится, будто я вижу, — свою комнату, мебель, камин, стенные часы, мое платье, накрахмаленную рубашку...

Что бы это значило?

Ванг стоит теперь перед моей кроватью — Ванг, убитый восемь месяцев тому назад на Арденских равнинах, Ванг, который на моих глазах грохнулся с раздробленным черепом из гондолы «Южного».

— Будет конец этому дурачеству? — говорю я сердито. — Ведь ты не мог спастись, ты умер...

— Я? Нет, мусси, ни капельки не умер... Я лег вчера в девять часов, и встал рано-рано, и подходил шесть раз к дверям мусси, а в двенадцать постучал тихонько, но господин Пижон телефонировал Ванг: стучи сильней...

— Пижон? Телефонировал? Что ты мелешь?

— Да, мусси. Пора на свадьбу, мусси запоздал...

— На какую свадьбу?

— Мисс Вандеркуйп и поручика Дэвиса.

— Ты бредишь или дурачишь меня!.. Мисс Вандеркуйп сожгли на костре, Дэвис умер от холеры, а Пижона твои же милые соотечественники исполосовали и ободрали живьем. Пошел вон! Убирайся, не приставай ко мне.

Но Ванг стоит с разинутым ртом и беспомощной улыбкой на лице.

Моя рубашка, влажная от холодного пота, вызывает у меня неприятное ощущение. Это наводит меня на удачную мысль. «Постой, брат, я тебя поймаю», — думаю я. И говорю вслух:

— Подай мне чистую рубашку!

Как он вывернется? Не найдет же он тень рубашки. Да и как ее подашь, тень?

Но нет... он преспокойно достает из комода чистую рубашку и помогает мне надеть ее.

Непостижимо! Решительно у меня не все дома... Надо будет принять тень бромистого калия.

Раздается стук в дверь.

— Войдите!

Это Пижон и господин Вандеркуйп. Они оба входят, смеясь.

— Как вам это понравится, — говорит голландец. — Стало быть, вы не хотите присутствовать на свадьбе моей дочери?

— Но...

— Вспомните, что процессия отправится в сорок пять минут первого в церковь святого Иакова. А вы еще в постели. Что с вами, милейший?

— Это вина вчерашнего банкета, — говорит Пижон, подсмеиваясь.

— Но...

— Ну, теперь, раз вы проснулись, одевайтесь поскорее. Мы подождем вас; только и вы поторопитесь.

— Да что с вами? — с беспокойством спрашивает Пижон. — Какие у вас странные глаза...

Глаза! Каким образом тень Пижона может видеть у моей тени глаза, когда они у меня вырваны?

— Воды, — говорю я, указывая на графин. — Ради Бога, воды!

Прежде всего я смачиваю себе голову. Невозможно ошибиться: это череп, настоящий череп, даже весьма твердый череп, а вовсе не тень его. И глаза тоже целехоньки! Откуда же они взялись, как могли они вернуться на свое место? Ведь мопсы их счавкали... я слышал.

Неразрешимая проблема! Ну, как бы то ни было, раз у меня все на месте, надо этим пользоваться.

— Итак, я спасен? — говорю я, горячо пожимая руки моим друзьям.

Они отвечают недоумевающими взглядами.

— И вы, мой дорогой Пижон? Я вижу, у вас выросла новая кожа... И мисс Ада? Как она-то спаслась, господин Вандеркуйп?

Но я замечаю, что чем дальше в лес, тем больше дров. Друзья мои переглядываются не только с недоумением, но и как будто с испугом. Я говорю господину Вандеркуйпу, что странный

сон сбил меня с толку, что я сейчас оправлюсь и через четверть часа буду готов. Он уходит.

— Теперь, дружище, потолкуем. Через пять минут китаец приготовит мне ванну, а пока попытаемся выяснить положение. Во-первых, где мы?

— В Гааге, в отделе Всемирного Соглашения.

— Какое сегодня число?

— Вон отрывной календарь на стене. Читайте сами: двадцать первое сентября...

— 1937 года, — доканчиваю я.

— Виноват, вы перескочили через тридцать лет. Зачем так торопиться?

— Милейший, это вы отстали. Посмотрите сами — 1937...

— 1907!

— 1937!

— Виноват, 1907!

— Виноват, 1937. Снимите, посмотрите поближе; вы, очевидно, близоруки.

Пижон снял календарь. Чернильная клякса над нулем придает ему вид тройки, но вблизи не остается сомнений — 1907.

Я признаю свою ошибку. Очевидно, мое зрение все-таки пострадало от грубых пальцев палача.

— Итак, у нас двадцать первое сентября 1907 года...

— Двадцать второе сентября 1907 года, — поправил Пижон. — Это вчерашний листок; Ванг еще не успел оторвать его.

— Хорошо, будь по-вашему. Мы в Гааге, в отделе господина Вандеркуйпа, дочь которого

сегодня венчается с поручиком Дэвисом, — это все верно и вы уверены, что так оно и есть?

— Совершенно уверен.

— Хорошо... Не обращайтесь внимания на нелепость моих вопросов, если они нелепы — помогите мне добиться толку. Как мы попали в Гаагу?

— В качестве корреспондентов на конференцию мира, как и другие наши собраты по перу. Мы прибыли сюда двадцать пятого августа, поселились вместе и остались здесь на день после закрытия конференции, состоявшегося вчера...

— Ага! Я начинаю собираться с мыслями. Значит, инцидент за десертом произошел только вчера, а сегодня объявлена война...

— Никаких инцидентов за десертом не было и никто никому не объявлял войну. Конференция закончилась великолепным банкетом, затянувшимся далеко за полночь; вина были превосходные и пары их, я вижу, прошли для вас не совсем бесследно. Вы, вероятно, видели сон, от которого еще не можете отделаться.

— Вы думаете?

— Иначе нельзя объяснить ваши слова.

— Разве они так нелепы?

— Есть грех.

— Значит, инцидента не было? Войны нет?

А аэрокар «2000 года»

— Что?

— Аэрокар нашей газеты «2000 год»? Ведь мы же вместе летели на нем и мисс Ада с нами, после пожара Гааги...

— Пощадите! Какой «2000 год»? Такой газеты нет. Все это вам приснилось. Вспомните: вы здесь от «Petit Journal», а я от «Фигаро»...

Это был как бы внезапный проблеск света. В первый раз после долгого кошмара я вернулся к действительности.

Ванг объявил, что ванна готова, и я отправился в туалет, где холодный душ совершенно освежил меня. Я продолжал разговаривать с Пижоном через тонкую перегородку.

— Ах! Если бы вы знали, какие необычные видения преследовали меня в эту ночь, — говорил я. — В свободное время я расскажу вам...

Пижон лучший из моих товарищей; добрейший и милейший малый, всегда готовый балагурить и плесть небылицы, но трезвый и точный в своих корреспонденциях. Мы часто путешествуем с ним вместе, естественно, что он сыграл такую видную роль в моем сне.

Через четверть часа я был готов и мы спустились вниз, в залу, где уже собрались приглашенные.

С какой радостью увидел я очаровательную мисс Аду и ее жениха. Как сердечно пожимал я им руки, рассыпаясь в пожеланиях счастья. Они были заметно тронуты, но и как будто немножко смущены моим волнением.

— Как они могут оставаться спокойными после таких ужасов? — подумал я. — Шутка сказать: умереть от холеры, сгореть на костре...

Да что же я? Ведь это приснилось мне!..

Началась суматоха; брачная процессия отправлялась в церковь, все вышли из залы, стали рассаживаться по экипажам.

Я влез в открытое ландо и невольно отшатнулся. Передо мной, на передней скамейке сидели, дружески беседуя, Джим Кеог и Вами.

Но я быстро сообразил, в чем дело. Это были американский уполномоченный коммодор Клейтон и японский делегат господин Цукуба, с которыми я познакомился на конференции.

Но какое сходство! Я положительно чувствовал себя не в своей тарелке, вспоминая известные уже читателю события, в которых эти лица играли такую деятельную и трагическую роль.

В церкви, пока совершался венчальный обряд, я переживал мысленно события фантастического сна... Я видел мисс Аду в гондоле «Южного», на палубе «Кракатау», когда она отправлялась на поиски своего Томми.

Как она любила его... в моем сне. Надеюсь, и в действительности будет то же.

Я видел ее жениха в Кейп-Весте, когда он устраивал разрыв белых с японцами. За этим последовала вторая фаза адской войны: научные боины Эриксона, катастрофа на канале, «белая стена», победоносное нашествие китайских полчищ. Хорошо, что эта часть войны происходила лишь во сне!

Как и первая, впрочем... И то хорошо! Ведь обе фазы сопровождались ужасающими гекатомбами! Сколько крови! Сколько трупов!

Передо мной быстро замелькали отвратительные сцены, картины пожаров, побоищ, взрывов, подводных катастроф... Какое счастье, что этого не было в действительности! Но неужели это еще будет — не во сне, а наяву?

Кто-то тронул меня за руку и сказал вполголоса:

— Обряд кончился. Расходятся... Я вздрогнул; это говорил Вами... то есть господин Цукуба. Друзья и знакомые столпились в ризнице, поздравляя новобрачных. Когда очередь дошла до меня, я слезал с глубоким волнением.

— Примите поздравление от товарища ваших испытаний.

Они с изумлением взглянули на меня. Я понял, что дал маху. Но останавливаться было некогда, другие поздравители следовали за мной.

Когда я поздравлял господина Вандеркуйпа, он сказал:

— Мы рассчитываем вас видеть за завтраком, дорогой мой.

Я принял приглашение тем охотнее, что чувствовал изрядный аппетит. Еще бы — сколько времени у меня ничего во рту не было, кроме скверного риса, которым пичкали меня китайцы...

Тьфу! Опять это наваждение! Очнусь я когда-нибудь от сна или нет?

За завтраком — одним из тех лукулловских пиршеств, о которых желудок гастронома долго хранит благодарное воспоминание, — было шумно и весело.

Очаровательная мисс Ада председательствовала с удивительной грацией; Том Дэвис, статный молодец, с гордостью посматривал на нее. Приятно было смотреть на эту парочку.

Мне досталось место между двумя роттердамскими арматорами, родственниками госпожи Вандеркуйп, говорившими только по-голландски. Естественно, что наша беседа отличалась лаконизмом. Иногда тот или другой из моих соседей указывал на свою тарелку и произносил одобрительным тоном.

— Bien! Bien!

На что я отвечал тоном глубокого убеждения:

— О да!

Затем мы погружались в безмолвие.

Но я был рад этому. Это молчание давало мне возможность возвращаться к моему сну, припоминать недавно пережитые события. Я видел за столом, в веселой толпе гостей, участников недавних ужасов. Я видел госпожу Лувэ и мадемуазель Резон, замученных на Красной площади, и удивлялся, как могут они смеяться так весело; мне казалось, что воспоминание о жестокой пытке должно навсегда согнать улыбку с их уст! Я видел генерала Страуберри, убитого при Туксоне; аугсбургского бургомистра, сдававшего город аэрадмиралу Рапо; добродушного Лаглэва, погибшего при взрыве плотины, и многих других участников кровавой драмы... Случайно я встретился глазами с Пижоном; он смотрел на меня с беспокойством и, поймав, мой взгляд,

приложил палец ко лбу Я понял: он догадался о моем состоянии и напоминает мне о необходимости взять себя в руки.

Я встряхнулся, стараясь отогнать наваждение.

Наступил неизбежный момент тостов. Очередь дошла до меня: я должен был сказать несколько слов, как представитель печати.

Я встал с бокалом шампанского, но едва я произнес обычное: «Милостивые государыни и милостивые государи!», — как странное явление омрачило для меня этот праздник. В глубине залы я увидел голубоватое облако, среди которого пылали, точно грозное предостережение на Валтасаровском пире, слова «War Insanes Asylum» убежище военных сумасшедших.

Ошеломленный этим видением, я с усилием произнес несколько бессвязных фраз. Я упомянул о жестоких испытаниях, так героически перенесенных очаровательной новобрачной и ее супругом — и увидел недоумевающие лица, удивленные взгляды... Кое-как я закончил пожеланием долгой и счастливой жизни молодым супругам, выразив при этом — совершенно некстати! — надежду, что их существование никогда больше не возмутят ужасы адской войны, подобной той, которая так недавно заливала кровью мир. Сказав это и чувствуя, что великая держава-пресса безнадежно осрамилась в моем лице на этом брачном пиршестве, я беспомощно опустился на стул среди неловкого молчания присутствующих, в глазах которых явственно читались соболезнования:

«Бедняга совсем рехнулся; видно переутомился во время конференции»!

К счастью, Пижон немедленно поднялся и поддержал профессиональную честь, произнеся коротенькую, веселую и остроумную речь, вызвавшую бурю аплодисментов.

В толчее, последовавшей за окончанием банкета, он подошел ко мне и, взяв меня под руку, сказал:

— Проведем конец дня в Шевенгене; морской воздух поможет вам вернуться к нормальному состоянию.

Я принял его приглашение. Вскоре мы уже прогуливались по морскому берегу.

Свежий ветерок вернул меня к действительности и помог собраться с мыслями.

— Теперь расскажите мне, что вы видели во сне, — сказал Пижон. — Это поможет вам отделаться от кошмара, который, видимо, гнетет вас до сих пор.

Я начал рассказ и закончил его к восьми вечера, в ресторане «Батавия», куда мы зашли пообедать.

— Лейтмотив моего сна дала мне Гаагская конференция, — заключил я, — эти разговоры о мире с затаенной мыслью о войне. Но все-таки я удивляюсь такой связности и последовательности видений, хотя и вижу, как много в них неладного.

— Да, есть. Английский король, объявляющий войну через четверть часа после инцидента без совещания с парламентом — это даже для сна

чересчур. Да и по части изобретений вы уж очень проворны. Как это у вас электричество держится на проводнике без изолятора? Что вы продельваете с волнами Герца...

— Пижон, бессовестный! Ведь эту часть вы же мне объясняли!

— Во сне, во сне, не забывайте — в вашем сне. Да, правда, вы не виноваты.

— Как бы то ни было, устраняя все несообразности, суть вашего сна, может быть, вовсе не так уж фантастична. Наука и техника, прилагающие свои методы к изобретению средств истребления, сулят в будущей войне гекатомбы грандиознее эриксоновских, напряженные приготовления к войне должны когда-нибудь разрешиться общей свалкой; желтых мы додразним до того, что «желтая опасность» превратится в действительность... словом, ничего невозможного нет, что ваш сон окажется вещим. Изложите-ка его на бумаге, пока не забыли. Жаль будет, если забудется.

Я последовал совету моего друга и изложил свой сон письменно, подразделив его на главы и снабдив каждую приличествующим заголовком. В таком виде я сдал его в печать — в надежде, что снисходительный читатель отнесется благодушно к его несообразностям и согласится с мнением моего друга Пижона о его сути.

Содержание

<i>Глава I. НЕОЖИДАННЫЙ КОНЕЦ ГААГСКОЙ</i>	
<i> КОНФЕРЕНЦИИ</i>	<i>5</i>
<i>Глава II. ВОЗДУШНАЯ АРМИЯ</i>	<i>18</i>
<i>Глава III. СЕЯТЕЛИ УЖАСА</i>	<i>33</i>
<i>Глава IV. ПЛЕННИК В ОБЛАКАХ</i>	<i>49</i>
<i>Глава V. РЫЦАРИ БЕЗДНЫ</i>	<i>65</i>
<i>Глава VI. ТРАГЕДИЯ ПОД ВОДОЙ</i>	<i>81</i>
<i>Глава VII. ОСАДА ЛОНДОНА</i>	<i>94</i>
<i>Глава VIII. НАШЕСТВИЕ</i>	<i>114</i>
<i>Глава IX. ПОЕДИНОК В ВОЗДУХЕ</i>	<i>132</i>
<i>Глава X. БОРЬБА СО СМЕРТЬЮ</i>	<i>147</i>
<i>Глава XI. ВОЕННОПЛЕННЫЕ</i>	<i>165</i>
<i>Глава XII. ОПАСНОЕ ПЛАВАНИЕ</i>	<i>183</i>
<i>Глава XIII. МОРЕ В ОГНЕ</i>	<i>197</i>
<i>Глава XIV. ЗАМОРОЖЕННАЯ ЭСКАДРА</i>	<i>211</i>
<i>Глава XV. НАУЧНАЯ БОЙНЯ</i>	<i>232</i>
<i>Глава XVI. СОННОЕ ЗЕЛЬЕ</i>	<i>251</i>
<i>Глава XVII. ВОЗДУШНЫЙ МАЛЬСТРЕМ</i>	<i>268</i>
<i>Глава XVIII. НЕПОБЕДИМАЯ АРМАДА</i>	<i>284</i>
<i>Глава XIX. БЕЛАЯ СТЕНА</i>	<i>299</i>
<i>Глава XX. ЖЕЛТЫЙ МУРАВЕЙНИК</i>	<i>321</i>
<i>Глава XXI. ВИБРИОНЫ ВМЕСТО БОМБ</i>	<i>343</i>
<i>Глава XXII. КИТАЙЦЫ В МОСКВЕ</i>	<i>360</i>
<i>Глава XXIII. ПЫТКИ И КАЗНИ</i>	<i>381</i>
<i>Глава XXIV. КОНЕЦ КОШМАРА</i>	<i>398</i>

Пьер Жиффар

АДСКАЯ ВОЙНА

Руководители проекта *И. Петрушкин, А. Тишинин*
Технический редактор *И. Кремнев*
Корректор *В. Ганзурина*
Компьютерная верстка *А. Ганзурина*
Выпускающий редактор *Е. Иванова*

Подписано в печать 15.08.11 г. Формат 70×90¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура «Octava». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,21. Уч.-изд. л. 14,4. Заказ № 1115110.

Книжный Клуб Книговек
127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9
www.terra.su

arvato
япк

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Уважаемые читатели!

Если вы желаете приобрести издания Книжного клуба «Книгоvek», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80, или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, «Книжный Клуб Книгоvek».

Вступив в Книжный клуб «Книгоvek», вы также можете приобретать наши книги и знакомиться с новинками. Только члены Клуба получают 6 раз в год иллюстрированный журнал, в котором представлены развернутые аннотации о книгах клубной программы, публикуются отрывки из произведений, новости книжного мира, статьи по истории литературы, факты из истории книги, печатного дела, искусства книги; отдельные рубрики посвящены читателям и писателям. Журнал распространяется по всей стране.

Если вы желаете вступить в Книжный клуб «Книгоvek», просим обращаться по телефону: (495)737-04-80, или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, «Книжный Клуб Книгоvek».

Также вы можете заказать книги в Интернет-магазине на сайте www.terra.su или www.knigovek.ru.

По вопросам оптовых закупок обращаться по телефону:
(495) 737-04-73

Мы рады вашим заказам!

Издательство «Книжный Клуб Книговек»
предлагает:

Уильям Ходжсон
ПИРАТЫ-ПРИЗРАКИ

Среди матросов ходили слухи, что на «Мортзестусе» что-то «нечисто». Однако после двух недель спокойного плавания главный герой начал считать эти слухи беспочвенными: морские байки, и не более! Как вдруг он увидел призрачную фигуру, забравшуюся на борт корабля из моря. Как будто сам собой развязался узел, как будто случайно рухнул на палубу рей, придавив насмерть матроса. Таинственный туман окутывает судно. А в глубине океана появляются очертания огромного парусника, который гонится за «Мортзестусом», и к наступлению темноты судьба команды, похоже, будет решена...

Борис Фортунатов
ОСТРОВ ГОРИЛЛОИДОВ

Молодого советского ученого приглашают на работу в Тропический институт в Гвинее. Отправляясь туда, он еще не подозревает, что ему предстоит не только столкнуться с чудовищами, порожденными генетическими экспериментами, но и раскрыть заговор, угрожающий всему человечеству.

*Приобрести издания Книжного клуба «Книговек»
можно по телефону: (495) 737-04-80, или по адресу:
127206, г. Москва, а/я 24, «Книжный Клуб Книговек».
Также вы можете заказать книгу в интернет-магазине
на сайте www.terra.su*